

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

*II ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 22 СЕНТЯБРЯ 2023 ГОДА

МАТЕРИАЛЫ

Санкт-Петербург, 2024

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС:
ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ**

II Всероссийская научно-практическая конференция
Санкт-Петербург, 22 сентября 2023 года

МАТЕРИАЛЫ

**Санкт-Петербург
2024**

УДК 343.1
ББК 67.411
У26

Под общей редакцией А. А. САПОЖКОВА, заместителя директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента.

Ответственные редакторы Е. Б. СЕРОВА, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент; *Д. А. СЫЧЕВ*, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

У26 **Уголовный процесс: от истоков к современности** : материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 сентября 2023 года / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. А. А. Сапожкова ; отв. ред. Е. Б. Серова; Д. А. Сычев. — Санкт-Петербург : СПбЮИ (ф) УП РФ, 2024. — 1 CD-R (2,17 Мб). — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более ; 512 Мб и более ; CD/DVD-ROM дисковод ; Microsoft Windows XP и выше ; SVGA 800×600.16 bit и более ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. — Загл. с экрана. — Текст : электронный.

Сборник содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции, прошедшей в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации в сентябре 2023 года. Предназначен для работников органов и организаций прокуратуры, педагогических работников, аспирантов.

**Сборник издается в соответствии с оригиналом,
подготовленным оргкомитетом конференции.**

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Акименко Е. С.</i> Перспектива восстановления нарушенных гражданских прав в уголовном процессе.....	5
<i>Артамонов А. Н., Ющенко Я. Н.</i> Уголовный процесс и уголовное право в новых субъектах Российской Федерации (по результатам начала мониторинга законодательства и правоприменительной практики).....	11
<i>Брянская Е. В.</i> Сила доказательств в свете принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве России.....	16
<i>Ватутина О. Ю.</i> Модель судебной экспертизы в уголовно-процессуальном праве России.....	21
<i>Гаврилов М. А.</i> О роли суда в повышении правовой культуры граждан.....	24
<i>Захаренкова В. В.</i> Функциональный аппарат прокурора в Китайской Народной Республике в сравнении с Российской Федерацией.....	30
<i>Ибрагимова А. М.</i> К вопросу о субъектах права обжалования в уголовном процессе.....	34
<i>Корягин Ю. Г.</i> Проблемы правового регулирования избрания мер пресечения при рассмотрении и разрешении вопроса об экстрадиции в Российской Федерации.....	40
<i>Куницин С. Н.</i> Учреждения ФСИН России как объект прокурорского надзора за соблюдением требований закона при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве.....	45
<i>Мительская Д. Д.</i> Роль прокурора при решении вопроса об экстрадиции.....	64
<i>Назырова Н. А.</i> Проблемы соблюдения правовых гарантий потерпевшего по уголовным делам с истекшим сроком давности.....	68
<i>Николаева Т. Г.</i> Проблемы уголовно-процессуальной политики и тенденции развития современного уголовно-процессуального права.....	71
<i>Попов А. И.</i> О некоторых вопросах при расследовании хищений дистанционным способом.....	75
<i>Прохоров А. Б.</i> Суд с участием присяжных заседателей: за и против.....	78
<i>Пушторская Е. В.</i> Внедрение ЕНС и уголовное преследование за налоговые преступления — проблемы и возможные пути их решения.....	82
<i>Ратьков А. Н.</i> Заключение специалиста как источник доказательств в уголовном судопроизводстве России.....	92

<i>Семёнова И. В.</i> К вопросу о взыскании имущественного ущерба при вынесении оправдательного решения в кассационном порядке в уголовном судопроизводстве.....	96
<i>Серова В. Е., Серова Е. Б.</i> Основания и порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.....	103
<i>Спесивов Н. В.</i> Влияние цифровых технологий на оптимизацию деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве.....	111
<i>Углев О. Н.</i> Сравнительно-правовой анализ отдельных аспектов проверки и оценки доказательств по уголовно-процессуальному законодательству России, Белоруссии и Казахстана.....	117
<i>Смагин Е. Е.</i> Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовным делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей.....	123
МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ.....	128
<i>Карнюхина А. В.</i> Актуальные проблемы, возникающие при рассмотрении жалоб, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ.....	—
<i>Кульпин А. А.</i> О некоторых проблемах выдачи лица для уголовного преследования (экстрадиции) при расследовании публичного распространения заведомо ложной информации, предусмотренной ст. 207.3 УК РФ.....	131
<i>Нагаев-Кочкин Ю. В.</i> Об изменениях законодательства в части предельных сроков уголовного преследования, применительно к уголовным делам о налоговых преступлениях.....	136
<i>Онучина С. Л.</i> Поручение следователя органу дознания как один из важнейших видов процессуального взаимодействия.....	140
<i>Павлов А. А.</i> Проблемы роспуска коллегии присяжных ввиду тенденциозности в теории и судебной практике.....	145
<i>Рохина В. В.</i> О некоторых особенностях начального этапа расследования недружественных поглощений.....	150
<i>Сарапкин В. А.</i> Институт понятий в уголовном судопроизводстве России: убрать нельзя оставить.....	156
<i>Сватковская П. Р.</i> Проблемы, возникающие при изучении прокурором материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением.....	161
<i>Хоранова В. В.</i> Проблемы расследования незаконного сбыта наркотических средств посредством сети Интернет.....	169

Перспектива восстановления нарушенных гражданских прав в уголовном процессе

Защита и обязательное соблюдение прав и свобод граждан, участвующих в уголовном процессе по уголовным делам, несомненно является важной задачей представителей государственной власти. Российское законодательство содержит ряд норм, касающихся возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлением.

Нормы, содержащие в себе вопросы возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлением, можно увидеть не только в Гражданском кодексе Российской Федерации, но и в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации, Уголовном кодексе Российской Федерации и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. В отечественном уголовном процессе институт гражданского иска широко применяется, давно известен как инструмент, позволяющий в рамках уголовного дела в суде первой инстанции при постановлении судом приговора разрешить вопросы возмещения вреда, причиненного признанному потерпевшим лицу преступлением [3]. Таким образом, гражданский иск разрешается судом в момент разрешения главного вопроса о признании лица виновным в преступлении и как следствие, вытекающее из уголовно-правового спора — требование гражданского истца о возмещении ему вреда, причиненного преступлением. Как для несения уголовной ответственности, так и для наличия гражданского иска в уголовном процессе де-факто характерно одно и то же основание, коим является уголовно наказуемое, виновно совершенное общественно-опасное деяние. В данном случае гражданско-правовой спор является следствием и напрямую проистекает из спора уголовно-правового. В рамках гражданского иска суд определяет наличие факта причинения гражданину имущественного или морального вреда, причиненного преступлением. В соответствии со статьей 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, потерпевший — это лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, вправе предъявить гражданский иск о компенсации морального и имущественного вреда при производстве по уголовному делу [16]. Гражданский истец — это лицо, которое предъявило требование о возмещении ему имущественного вреда, при наличии фактически подтвержденных оснований причинения данного вреда непосредственно самим преступлением. Разумеется, гражданский истец вправе предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда в связи с причинением ему ущерба имущественного. Анализируя нормы уголовно-процессуального законодательства, можно прийти к определенным заключениям о связи причинения имущественного ущерба

и иска об имущественной компенсации морального вреда. Разрешение требований гражданского истца производится такими же процессуальными средствами, что и в гражданском процессе, и подлежит исполнению непосредственно после вступления в законную силу приговора суда по рассматриваемому уголовному делу. Согласно ст. 393 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, приговор, в котором разрешен гражданский иск, как и любой приговор, обращается к исполнению судом, рассматривавшим уголовное дело в качестве суда первой инстанции. Исполнение же приговора в части, касающейся гражданского иска регламентируется статьями 428 и 429 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации и нормами Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Автору представляется, что гражданский иск несомненно является основным средством для эффективного способа защиты нарушенного права физических и юридических лиц. Однако вопросам возмещения морального вреда следовало бы больше внимания уделять именно сотрудникам органов предварительного следствия и дознания, обеспечивая тем самым реализацию конституционной гарантии о возмещении вреда потерпевшим от преступлений лицам, до стадии судебного разбирательства.

Проведенный автором анализ вынесенных приговоров по уголовным делам, в которых заявлен гражданский иск, свидетельствует о том, что удовлетворяется полностью или в части данный иск в том случае, если суду представляется возможным оценить размер гражданского иска.

Пример 1. Гражданин Ч. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 5 статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации как нарушение лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека и смерть двух лиц. Ч. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года 6 месяцев с отбыванием наказания в колонии-поселении, с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами сроком на 3 года. Гражданские иски потерпевших о взыскании компенсации суммы морального вреда (1 000 000 рублей и 1 500 000 соответственно) Ч. признал в части, просил суд разрешить данный вопрос в соответствии с требованиями закона с соблюдением принципа разумности и справедливости. Обстоятельствами, смягчающими наказание Ч., в соответствии с пунктом «и», «к» части 1 и частью 2 статьи 61 Уголовного кодекса Российской Федерации суд признал активное содействие раскрытию и расследованию преступления, поскольку им в адрес органа предварительного следствия добровольно было сообщено об обстоятельствах совершения преступления (дата, время, погодные условия, сведения о скорости его передвижения, об остановках транспортного средства, о техническом состоянии автомобиля и отдельных его частей, о месте ДТП, о возможных причинах произошедшего и многое

другое), иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшим (принесение извинений последним, а также попытки передать потерпевшей 200 000 рублей, которая в судебном заседании от этой суммы отказалась), частичное возмещение материального ущерба всем потерпевшим в размере 100 000 рублей, положительную характеристику по месту жительства, пенсионный возраст, полное признание вины, раскаяние в содеянном, принесение публичных извинений. Характер физических и нравственных страданий устанавливается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, поведения подсудимого непосредственно после совершения преступления, например, оказание либо неоказание помощи потерпевшему, индивидуальных особенностей потерпевшего — возраст, состояние здоровья, поведение в момент совершения преступления и т. п.

Как разъяснено в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 года № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников либо повреждением здоровья [9].

При этом, компенсация морального вреда должна отвечать цели, для достижения которой она установлена законом, — компенсировать потерпевшему перенесенные им физические или нравственные страдания, и не должна при этом служить средством обогащения. Сама по себе констатация причинения морального вреда не является основанием для абстрактного определения его размера. Указанный размер, во всяком случае, должен соотноситься с принципами разумности и справедливости, и быть соразмерным причиненному нематериальному вреду.

Суд пришел к убеждению о том, что исковые требования гражданских истцов (в результате причиненного преступления Ч. у них погиб близкий родственник, а также последней был причинен тяжкий вред здоровью) подлежат удовлетворению в части — 500 000 рублей и 700 000 рублей соответственно, а в остальной части заявленных требования отказал, поскольку именно эти суммы суд нашел справедливыми, разумными и соразмерными.

Далее рассмотрим еще один пример. В случае, если при рассмотрении гражданского иска его размер установить и оценить невозможно в силу ряда причин, например, есть необходимость произвести дополнительные расчеты, поскольку потерпевшим заявлены требования в объеме, превышающем размер ущерба, указанного в материалах уголовного дела, дополнительные доказательства, связанные с гражданским иском, предоставлением в суд платежных документов на оплату услуг представителя, то, по мнению суда, данные действия требуют значительных временных затрат, с необходимостью проведения дополнительных расчетов заявленных сумм, что без-

условно приведет к отложению судебного разбирательства и нарушению разумного срока рассмотрения уголовного дела, в таком случае суд в приговоре признаёт за потерпевшим право на гражданский иск, однако вопрос о размере гражданского иска передается на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. Судьба вещественных доказательств разрешается в порядке статей 81 и 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Пример 2. Гражданин П. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 160 Уголовного кодекса Российской Федерации и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года (условно), с испытательным сроком 3 года. Обстоятельствами дела установлено, что П., в соответствии с занимаемой должностью, будучи генеральным директором Агропромышленного холдинга, являлся лицом, выполняющим управленческие функции в данной коммерческой организации. Выступая от имени холдинга, П. заключил с ООО «Д» в лице его директора С. договор на оказание услуг по приемке, подработке, хранению и отпуску зерновых и технических культур, согласно которому Агропромышленный холдинг в лице П. обязался принять на хранение сельскохозяйственную продукцию с последующей отгрузкой железнодорожным или автомобильным транспортом, а ООО «Д» обязалось оплатить услуги по хранению сельскохозяйственной продукции. Позднее П. заключил подобный договор с еще одной организацией, ЗАО «А», в лице его директора А.

Впоследствии ООО "Д." реализовало около 95 процентов зерна пшеницы, хранившейся на складах, остаток составлял порядка 5 процентов от общего количества принятого на хранение зерна, а зерно ЗАО «А» хранилось на складах недолго, так как П. решил похитить его путем растраты, являясь материально-ответственным лицом, действуя умышленно, из корыстной заинтересованности, выразившейся в желании извлечь доход от реализации хранящегося в ООО «А» зерна пшеницы и дальнейшем использовании полученных таким образом денежных средств в своих личных целях, используя свое служебное положение, зная, что ним от имени холдинга заключены договора с ООО «Д» и ЗАО «А», в соответствии с которыми ему вверено на ответственное хранение зерно пшеницы. Являясь одновременно директором мельничного комплекса, П. неоднократно давал указания заведующей лабораторией Л. и старшему мастеру Б., не осведомленным о его преступных намерениях, об осуществлении отгрузки зерна на мельничный комплекс, где оно было переработано в муку, которая в дальнейшем, без учета, продана П. третьим лицам, с осуществлением расчетов в наличной форме. Полученными от продажи муки денежными средствами П. распорядился по своему усмотрению.

В результате П. совершил хищение путем растраты вверенного ему на ответственное хранение зерна пшеницы, ему не принадлежащего, причинив тем самым материальный ущерб ООО «Д» и ЗАО «А» в особо крупном размере (в сумме, превышающей 1 000 000 рублей).

В судебном заседании подсудимый П. свою вину в инкриминируемом ему преступлении признал полностью, в содеянном раскаялся. Вина подсудимого, в совершении инкриминируемого ему преступления подтвердилась совокупностью собранных и исследованных по делу доказательств, а именно показаниями представителей потерпевших в количестве 13 человек, протоколами следственных действий, заключениями экспертов, вещественными доказательствами, исследованными в ходе судебного заседания, а также иными документами, в общем количестве более трехсот. Представителем потерпевшего ЗАО «А» подано исковое заявление к П. о взыскании имущественного вреда, причиненного преступлением в размере 5 985 000 рублей. Представителем потерпевшего ООО «Д» подано исковое заявление к П. о взыскании имущественного вреда, причиненного преступлением в размере 2 016 359 рублей 40 копеек. В судебном заседании государственный обвинитель просил гражданские иски представителей потерпевших выделить в гражданское судопроизводство, в связи с тем, что представителями потерпевших заявлена сумма, превышающая причиненный материальный ущерб и для предоставления дополнительных расчетов сумм ущербов, представителя потерпевших требуется дополнительное время. Подсудимый П., его защитник, представители потерпевшего ООО «Д» просили суд принять решение по гражданским искам в соответствии с действующим законодательством, однако представитель ЗАО «А» просил удовлетворить иск в полном объеме, а также взыскать расходы, связанные с представлением интересов потерпевшего в рамках данного уголовного дела. В судебном заседании установлено и следует из материалов дела, что совершенным преступлением ООО «Д» причинен имущественный вред на сумму 1 329 628 рублей 30 копеек, ЗАО «А» причинен имущественный вред на сумму 4 830 750 рублей, однако гражданскими истцами заявлены требования о взыскании иных сумм, превышающих размер ущерба, указанного в материалах уголовного дела. В судебном заседании также было установлено, что подсудимый П. возместил потерпевшему ООО «Д» ущерб в размере 1 332 128 рублей 30 копеек, потерпевшему ЗАО «А», на сумму 350 000 рублей. Таким образом, передавая вопрос о размере гражданского иска на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, суд исходил из необходимости проведения дополнительных расчетов, представления участниками процесса дополнительных доказательств, связанных с гражданским иском и предоставлением в суд платежных документов на оплату услуг представителя.

Суд справедливо отметил, что данные действия приведут к отложению судебного разбирательства и нарушению разумного срока рассмотрения уголовного дела, признал право на удовлетворение гражданских исков

потерпевших и передал вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, автор полагает, что необходимо разработать систему мер, направленных на возмещение вреда, причиненного преступлением, квалифицировав их в зависимости от тяжести деяния, личности причинителя вреда и потерпевшего, их материального положения и т. д.

В уголовном процессе следует рассматривать иски, безусловно вытекающие из существа уголовно-правового спора и в том числе признанные гражданскими ответчиками.

Положительным явлением было бы так же активное использование возможности досудебных стадий уголовного процесса, цель которых — восстановление нарушенных материальных и нематериальных благ лиц, потерпевших от преступлений [2].

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Комментарий к последним изменениям // Под ред. Г. Ю. Касьяновой. - М.: АБАК, 2022. – 768 с.
2. Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2018.
3. Карабанова Е. Н., Парфенова М.В. Право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 2 (40). С. 87—92.
4. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный; издание четвертое, перераб. и доп.) (Ю.Ф. Беспалов, А.Ю. Касаткина). - М.: "Проспект", 2023. - 912 с.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.07.2022 № 7-УД22-6-А1 // Консультант Плюс (дата обращения: 28.07.2023).
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.2015 N 708-О // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
7. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2021 N 88-1071/2021 по делу N 2-121/42/2020 // Консультант Плюс (дата обращения: 28.07.2023).
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 5, май, 2021.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 // Консультант Плюс (дата обращения: 26.07.2023).

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 // Консультант Плюс (дата обращения: 27.07.2023).

11. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 // Консультант Плюс (дата обращения: 28.07.2023).

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 // Консультант Плюс (дата обращения: 25.07.2023).

13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 // Консультант Плюс (дата обращения: 28.07.2023).

14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2019 г. № 6-П // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (коллектив авторов; отв. ред. д.ю.н., проф. А.И. Рарог; 13-е изд., перераб. и доп.). — М.: "Проспект", 2022. — 992 с.

16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий (коллектив авторов; под общ. и науч. ред. д.ю.н., проф. А.В. Гриненко). — Москва: "Проспект", 2021. — 1288 с.

УДК 343.1

**А. Н. Артамонов
Я. Н. Ющенко**

**Уголовный процесс и уголовное право
в новых субъектах Российской Федерации
(по результатам начала мониторинга законодательства
и правоприменительной практики)**

Территориальные управления Минюста России многие годы проводят мониторинги законодательства, мониторинги правоприменительной практики различных сфер общественных отношений в рамках одной из основных задач по обеспечению единства правового пространства нашего федеративного государства. Такие мониторинги, анализы, обобщения практики реализации как отдельных нормативных правовых актов федерального уровня (федеральных конституционных, федеральных законов, указов Президента или постановлений Правительства Российской Федерации, в некоторых случаях — приказов федеральных министерств, носящих нормативный характер), так и целых отраслей права, например, в сфере градостроительной деятельности, природоохранного законодательства или социальной

защиты некоторых категорий граждан, проводятся по поручениям Министерства юстиции Российской Федерации, Аппарата полномочного представителя Президента РФ в соответствующем федеральном округе, могут быть инициированы самими управлениями Минюста России по субъекту Федерации, исходя из необходимости изучения нормативной правовой базы и практики применения, полноты и достаточности регулирования, как на региональном уровне, так и на муниципальном. Выводы таких анализов доводятся до заинтересованных сторон: органов власти, должностных лиц, направлены они на совершенствование нормотворческой деятельности, более полной защиты прав граждан и возможностей их реализации.

Источниками получения информации по оценке законодательства и практики его применения являются и результаты правовых и антикоррупционных экспертиз территориальных управлений Минюста России нормативных правовых актов, меры прокурорского реагирования, судебная практика, но для большей объективности необходимо расширять способы оценки и ее практику, например, проводить различного рода опросы, как среди профессиональной аудитории, так и граждан, не связанных с теми или иными вопросами напрямую, но, как правило, имеющих свое мнение, свой взгляд, в том числе критический, указывающих на проблемы, недостатки, высказывающих сомнения.

С недавнего времени мы пришли к практике проведения интервью с целью выявления проблем отечественного законодательства и его применения, их результаты мы анализируем, публикуем, а также используем в учебных программах в работе по подготовке юридических кадров¹.

В настоящей работе мы используем материалы обсуждения процессов и механизмов вхождения новых субъектов Российской Федерации, на примере Донецкой Народной Республики, в общероссийское правовое пространство. Часть этой беседы вышла в радиоэфир на радио «Комета-Донецк» 16 июня 2023 года, но многое осталось высказанным, но не опубликованным, значит, наша задача выполнена не до конца. При этом, мы верим в силу слова, не преувеличивая собственных заслуг, но приятно убеждаться, что и твои высказывания, призывы, критические замечания находят подтверждение в принимаемых нормативных актах, иных управленческих решениях. Например, ряд публикаций, подготовленных по результатам мониторинга нормативной базы и практики ее применения по вопросам смены пола в Российской Федерации, проведенный по данным, представленным органами ЗАГС субъектов РФ Южного федерального округа, и выводы о

---

¹ См., например: Артамонов А. Н. Заслуженные юристы России в Главном управлении Минюста России по Ростовской области (интервью как форма проведения правового мониторинга) // Великие юристы России. Материалы Межвузовской конференции, посвященной 220-летию образования Минюста России / Под. ред. начальника Главного управления Минюста России по Ростовской области Загорского Д. Б., канд. юрид. наук, профессора Магомедова Б. М., канд. юрид. наук, доц. Никитиной А. А., помощника начальника Главного управления Минюста России по Ростовской области Бушманова Р. В. – Ростов-на-Дону: ВГУЮ (РПА Минюста России), Ростовский институт (филиал), 2022. С. 55—93.

необходимости изменения данной практики и негативных ее последствий¹, нашли воплощение в законотворческом решении Федерального Собрания Российской Федерации в июле текущего года.

Ниже мы приводим анализ практики включения в российскую правовую систему Донецкой Народной Республики на некоторых примерах уголовной и уголовно-процессуальной тематики, затрагиваем актуальные, на наш взгляд, вопросы, требующие дальнейшего обсуждения и разрешения. Для возможности дальнейшего анализа изменений практики необходимо знать, что авторы высказывали свои взгляды и собственное понимание правовых процессов в мае-июне 2023 года, в материале сохранились элементы прямой речи и рассуждений Ющенко Ярослава Николаевича – представителя, как юристов-практиков, так и аналитиков юридической мысли Донецкой Народной Республики.

С Вашего позволения, в аспекте переходного периода, мне хотелось бы, все-таки, более детально остановиться на сфере уголовной политики. Если мы, допустим, возьмём в сравнении Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики и Уголовный кодекс Российской Федерации, то они практически идентичны, поэтому в уголовной сфере переход состоялся, скажем так, более-менее органично и без особых потрясений, а то, что касается уголовно-процессуальной сферы, то здесь есть достаточно серьёзные вопросы.

Во-первых, в соответствии с Федеральным конституционным законом № 5-ФКЗ от 4 октября 2022 года особенности применения на территории ДНР в течение переходного периода уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации должны быть определены федеральным законом, но по прошествии восьми месяцев такой федеральный закон принят не был. Да есть два законопроекта, но не были достаточно, скажем так, сырые и требовали более детальной доработки, поэтому они завязли в соответствующих комитетах и до сих пор не подошли даже к вопросу рассмотрения в первом чтении. Соответственно, если до четвёртого октября 2022 года правоохранители применяли уголовный процесс Донецкой Народной Республики, то после четвёртого октября они уже должны были моментально, без подготовки, перейти на российский уголовный процесс, как мы понимаем, даже с соответствующей подготовкой это сделать достаточно сложно. Но хотелось бы отметить очень высокий уровень приспособляемости юристов Донецкой Народной Республики, поскольку, допустим, те, кто проживает на территории Донбасса и работают практиками хотя бы с

---

¹ Артамонов А. Н. Изменение традиционных способов коммуникации как благо и традиционных ценностей как путь в бездну // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегешева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 6. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – С. 42—48; Артамонов А. Н. Решимость и возможность обеспечения суверенитета и своей идентичности или неизбежность растворения в общей массе (взгляд из провинции на медицинско-правовые вопросы) // Медицинское право. 2023. № 2. С. 12—17.

2010 года, то они смогли работать в условиях четырёх, даже пяти уголовных процессов.

Я сейчас назову по датам вы все поймёте: значит, в 2010 году, допустим, человек работает по Уголовно-процессуальному кодексу Украины, в 2012 году он начинает работать уже по новому Уголовно-процессуальному кодексу Украины - это второй, третий процесс — это 2014 год, когда уже была образована Донецкая Народная Республика, как самостоятельное государство, те, кто остались верны народу Донбасса и продолжили работать уже в полиции Донецкой Народной Республики, они применяли Уголовно-процессуальный кодекс образца 1960 года, в котором были изменения законодательства по состоянию на 2001 год, то есть это уже третий уголовный процесс. В 2018 году был принят Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики – это четвёртого уголовного процесс, и, соответственно, с 2022 года, когда Донецкая Народная Республика стала новым субъектом Российской Федерации, правоохранители стали применять пятый уголовный процесс, то есть УПК Российской Федерации.

Это все демонстрирует и гибкость мышления, которая находится на высоте, как мы можем сами понять всю эту ситуацию, но есть очень много вопросов, которые до сих пор не урегулированы. Да, это, безусловно, можно объяснить особенностями и сложностями именно переходного процесса, начиная от таких нюансов, как, допустим, суд присяжных заседателей — у нас такое нововведение, к сожалению, пока ещё не применяется, и соответствующий нормативный акт, закон, у нас, на нашей территории, пока ещё не принят. То есть, существует много сопутствующих моментов, которые связаны именно с уголовной политикой, и они требуют достаточно оперативного разрешения.

Кроме того, дискуссионным и достаточно острым остаётся вопрос, связанный с, так называемым, мораторием на применение смертной казни, напомню, что в Донецкой Народной Республике в Уголовном кодексе за ряд преступлений против жизни человека была предусмотрена возможность применения такого вида наказания, как смертная казнь, иначе говоря, как высшая мера социальной защиты. В российском Уголовном кодексе смертная казнь также присутствует, как один из видов наказания, но в соответствии с решением Конституционного Суда Российской Федерации данный вид наказания судами не применяется, как говорят в простонародье, наложен мораторий, но в условиях вооружённого конфликта все-таки вопрос справедливости наказания, которое должно применяться к военным преступникам, он продолжает оставаться актуальным.

В связи с последним, проводились соответствующие опросы и исследования, связанные с тем, чтобы получить ответ: нужно ли сейчас снять мораторий на смертную казнь, мы говорим о возможности применять данный вид наказания за преступления, совершённые в военное время, в условиях

военного положения, в условиях вооружённого конфликта, а также за отдельные преступления против в жизни человека. При этом, необходимо также обращать внимание на опыт наших соседей, это опыт правоохранителей Беларуси, которые мораторий на смертную казнь не водили, в соответствии с последними изменениями они расширили перечень субъектов, к которым данный вид наказания может применяться, то есть это, допустим, госизмена, совершенная военнослужащими, а также чиновниками, в таком случае смертная казнь может применяться именно к этим специальным субъектам.

Безусловно, сложным вопросом остаётся и вопрос о том, не только какое законодательство у нас применяется, а кто будет применять это законодательство, то есть кадровый вопрос, потому что в Донецкой Народной Республике была общая мобилизация, которая затронула и правоохранителей, и гражданских юристов, и в общем, практически все мужское население Донбасса, и все же необходимо понимать какой некомплект, в том числе среди сотрудников правоохранительных органов. Общие цифры я не знаю, могу оперировать исключительно данными из открытых источников, к примеру, Министр внутренних дел Колокольцев озвучил, что некомплект в органах внутренних дел России составляют порядка девяносто тысяч человек, из них для комплектования личного состава на территории новых субъектов Российской Федерации, то есть это Донецкой, Луганской Народных республик, а также Херсонской, Запорожской областей необходимо сорок две тысячи новых сотрудников.

То есть, возникает вопрос, а кто же будет применять законодательство Российской Федерации и учить этому новому законодательству именно на территории новых субъектов, вопрос дискуссионный, получается новых сотрудников придётся либо переучивать работать в условиях российского законодательства прямо на работе, либо вообще учить с нуля, не отрывая от производства и не отправляя ни на какие курсы. Все это требует отдельного внимательного подхода к каждому сотруднику для того, чтобы он мог и выполняет свою работу, и повышать свой уровень квалификации.

И, если задумываться над этими вопросами, то становится понятным и ряд поручений Президента Российской Федерации Владимира Путина, имея в виду январские поручения, в одном из которых речь шла о возможности привлечения ветеранов правоохранительных органов в качестве наставников для передачи опыта, в том числе при обеспечении функционирования вновь созданных подразделений правоохранительных органов новых субъектов Российской Федерации. Получается, те, кто не хотят сидеть дома на пенсии, им будет предоставлена возможность вернуться в строй и либо полноценно работать, либо работать в качестве наставников в правоохранительных структурах новых субъектов Российской Федерации, то есть, как видим, кадровая проблема она известна и власти сейчас пытаются

найти решение сложившейся проблемы и пытаются решить этот вопрос болезненно, как говорится, каждый принимает своё участие в решении тех или иных вопросов.

Приведенный выше анализ практики перехода новых субъектов Российской Федерации в общероссийскую правовую семью указывает и на ряд проблемных вопросов, и дает почву для размышлений, дискуссии по разрешению наших общих задач, например, выявляет некую явную недосказанность и необходимость понимания моратория на смертную казнь, в обсуждении которого должны принять участие, как широкая общественность, так и специалисты отдельных отраслей знаний (не только юристы), но и психологи, люди, занимающиеся моральным, морально-этическим воспитанием личности, и многие другие. Нужно это, чтобы у нас было понимание и согласие по конкретным проблемам, институтам общественной жизни, чтобы сложные, спорные, неоднозначные вопросы мы разрешали сами и эти знания передавали будущим поколениям, а не перекладывали на них их решения, порождая, тем самым, перспективы будущих конфликтов.

По поводу упомянутых выше проблем кадрового обеспечения отдельных отраслей и институтов, мы с уверенностью убеждены в успешности его решения. Такую уверенность мы можем подтвердить практикой формирования территориальных управлений Минюста России во всех четырех новых российских субъектах, в частности, Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Донецкой Народной Республике, в успешном решении которого принимали участие авторы настоящей работы: за короткий срок Управление удалось укомплектовать высококвалифицированными юристами, мотивированными российскими гражданами, у каждого из которых есть и хорошее образование, глубокие теоретические знания, практика применения различного законодательства, желание трудиться и приносить пользу нашей общей Родине.

УДК 343.1

Е. В. Брянская

Сила доказательств в свете принципа презумпции невинности в уголовном судопроизводстве России

Сила доказательств – такой вопрос, который соединяет в себе все актуальные начала процесса доказывания по уголовному делу. Еще в 1832 году о силе доказательств писал Яков Иванович Баршев¹. В настоящее время наиболее познавательные труды о значимости доказательств, их процессуальной силе, представлены последователями научной школы А. А. Хмырова. Вопрос о силе доказательств мною рассматривается в

---

¹ Баршев И. Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – М.: «ЛексЭст», – 2001. – 240 с.

призме свойств доказательств, которые регламентируются нашим законом в аспекте требований относимости, допустимости, достаточности, достоверности. Но как же мы можем говорить о силе доказательств, если наш закон не закрепляет этап, который заложен таким классическим постулатом процесса доказывания, как гносеологией, познанием, а значит, имеющим право на признание в качестве самостоятельного этапа – исследования доказательств. Как можно познать сущность доказательства, не исследовав его. К сожалению, в действующем законодательстве не приводится однозначного разграничения собирания, проверки и оценки доказательств, более того исследование доказательств видится в качестве всего лишь сопутствующего элемента упомянутых этапов, что является не в полной мере корректным. Не стоит нивелировать истоки теории доказательств, которая берет свои начала с теории познания. Думается, что в целях логичного изложения этапов процесса доказывания необходимо закрепить в законе наряду с остальными этапами — исследование доказательств. Исследуя доказательства, мы закладываем предпосылку полноценной проверки и оценки доказательств.

Заметим, что Уголовно-процессуальный кодекс России (далее — УПК РФ) пропустил такое свойство доказательств, как взаимосвязь и непротиворечивость всей совокупности доказательств, которые являются залогом уверенного и утвердительного внутреннего убеждения судьи. Только те доказательства, которые признаны судом относимыми, допустимыми, достаточными, достоверными, в своей совокупности взаимосвязанными и непротиворечивыми могут быть потенциалом неопровержимости доказательств, обоснованностью процесса доказывания, что является залогом утвердительного внутреннего убеждения судьи. Вопросы обоснованности в процессе доказывания представляют серьезный интерес и познавательно представлены в современных научных трудах.

Сила доказательств так же, как и в физике, видится в формуле силы, очевидна в аспекте совокупности, в нашем случае в неопровержимой системе доказательств и ускорении движения. Ускорением выступает процесс аргументации в суде. Нередко «силу доказательств» ассоциируют с теорией формальных доказательств по делу. Ограждением от формализации процесса доказывания является принцип презумпции невиновности, который можно отнести к правилам доказательственного права. Презумпция невиновности диктует нам правила восприятия формальных средств доказывания в призме сомнения виновности лица, можем ли мы делать вывод о том, что конкретный подсудимый является реальным преступником. Принцип презумпции невиновности позволяет процесс доказывания по делу наполнить утонченностью, продуманностью и глубиной, корректностью в свете гарантий прав и законных интересов.

О сущности принципов уголовного судопроизводства писал Владимир Константинович Случевский: «В тех ситуациях, когда для судьи представляется достаточно сложным разрешить конкретную ситуацию, когда возникает казус на редкость затруднительный, в котором очевидны пробелы или противоречия в законодательстве, если бы на помощь не приходили принципы уголовно-процессуального закона – не было бы тогда маяков, которые освещали бы путь судьи»¹. В российском уголовном судопроизводстве закреплена развернутая система принципов, и вопросы применения тактических приемов, средств доказывания в процессе аргументации в суде, можно рассмотреть в аспекте каждого из них.

Можно полагать так, что «презумпция», как предположение применима и в аспекте презумпции процессуальной силы конкретного источника доказательств. Перед тем, как исследовать, проверить и оценить собранное сведение по уголовному делу, мы в каждом таком ресурсе предполагаем увидеть информационное содержание по уголовному делу. В этой связи каждое сведение по уголовному делу должно быть познано с максимальной внимательностью, увязывая содержание одного сведения с другим.

Конституционные начала дают основы по обеспечению привлечения к уголовной ответственности и осуждению исключительно только тех лиц, которые виновны в совершении преступления, запрещает осуждение невиновных лиц, реабилитацию каждого, кто безосновательно был привлечен к уголовному преследованию.

При разработке, выборе и применении тактических приемов в рамках аргументации по уголовному делу в суде, презумпцию невиновности следует рассматривать в свете следующих основополагающих условий, как тех гарантий, которые распространяются на статус лица, подозреваемого или обвиняемого в преступлении:

– лицо, в отношении которого рассматривается уголовное дело в суде, насколько бы не были представлены убедительно доказательства, не может считаться виновным, до тех пор, пока не вступит в законную силу обвинительный приговор суда;

– только приговор суда является основанием для признания виновным. Позиция органов уголовного преследования, которая находит свое закрепление в обвинительных процессуальных документах не может формировать предубежденность виновности лица, каждое положение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительного постановления, обвинительного акта, обвинительного заключения дают перспективу для поддержания государственного обвинителя, но не для однозначного признания остальными участниками процесса;

---

¹ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство - судопроизводство. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, – 1910. – С. 49.

– бремя доказывания возлагается на органы уголовного преследования, предъявляемое обвинение в суде должно быть обоснованным, а значит, доказанным; все предположения, сомнения толкуются в пользу подсудимого, учитывая и то, что обвинительный приговор в силу требований законности, объективности и справедливости, не может быть основан на предположениях;

– бремя доказывания не перекладывается на сторону защиты, однако, адвокат- защитник не вправе отказаться от принятой на себя защиты;

– право на защиту не должно зависеть от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которого находится дело (постановления Конституционного Суда РФ от 25 октября 2001 г. № 14-П¹ и от 26 декабря 2003 г. № 20-П² [4]; определения от 8 февраля 2007 г. № 257-О-П³ [5]). Подсудимый не обязан доказывать свою невиновность;

– адвокат-защитник реализует свои права и обязанности, которые коррелируют обвинению государственного обвинителя, вплоть до того момента, пока судом не будет принят отказ обвиняемого от данного защитника или суд не примет решение о его отводе;

– обвинительный приговор основывается на опровержениях доводов защиты в целом или в части, но при условии доказанности позиции государственного обвинителя;

– обвинение должно быть построено только на тех доказательствах, которые признаны допустимыми. Собственное признание вины подсудимым должно быть подтверждено достоверной совокупностью доказательств по делу;

– в свете тактики аргументации необходимо формировать средства доказывания в рамках принципа невиновности, учитывая, что сомнительные сведения могут пошатнуть позицию стороны и обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Необходимо отметить и то, что сущность презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве реализуется, во-первых, в целях не привлечения к ответственности того лица, вина которого не доказана в совершении преступления; во-вторых, в силу соотношения

---

¹ По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А. П. Голомидова, В. Г. Кислицина и И. В. Москвичева: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2001 № 14-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Шенгелая Зазы Ревазовича: постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2003 № 20-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ По жалобе гражданки Муртазиной Лилии Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав положениями частей второй и пятой статьи 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 257-О-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

презумпции невиновности с положениями законности в уголовном процессе, мы не имеем право применять аналогию закона в уголовном процессе (п. 2 ст. 3 УК РФ)¹.

И хотелось бы заметить очень важное положение, которое подчеркивала профессор Зинаида Валентиновна Макарова: «Следователь на предварительном следствии, прокурор в судебном заседании доказывают обвинение, а не виновность лица, привлеченного к уголовной ответственности. Виновность его должна быть доказана и установлена только судом в обвинительном приговоре. В приговоре должны быть приведены доказательства, подтверждающие виновность подсудимого. Именно доказательства, мотивы в описательно – мотивировочной части приговора позволяют судить о его законности, обоснованности и справедливости»² [7]. В этой связи обоснованность позиции стороной в перспективе является основой мотивировочной части приговора.

В научных трудах пишут о презумпциях в зависимости от юридической силы, выделяют опровержимые и неопровержимые. Опровержимые презумпции можно оспорить, а неопровержимые презумпции — положения, являющиеся принципами права³ [8, С. 56]. В аспекте процессуальной силы доказательств мы имеем дело с опровержимыми презумпциями, которые на досудебных стадиях тождественны сомнениям, утвердительное значение они приобретают в случае вынесения приговора по делу. Поскольку презумпция невиновности рассматривается в качестве «аксиом правосудия», именно поэтому обвиняемый не виновен, пока не будет доказано обратное. В этой связи государственный обвинитель до вынесения приговора предоставляет «безупречные доказательства (но в силу презумпции невиновности в целях объективности, в глазах судьи – сомнения) вины обвиняемого». Чтобы рассеять чувство сомнения судьи, стороны активным участием в процессе, приводя убеждающие аргументы, придают уверенность судье в истине-правде по уголовному делу.

---

¹ Кодолов В. А. Пределы действия презумпции невиновности в уголовном процессе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. № 12 (декабрь). – С. 2.

² Макарова З. В. Презумпция невиновности: прошлое и настоящее [Электронный ресурс] // <https://www.iuaj.net/node/434>.

³ Власенко Н. А. Теория государства и права: учебное пособие (2-е издание, переработанное и дополненное). – М.: Проспект, 2011. – С. 56.

Модель судебной экспертизы в уголовно-процессуальном праве России

Специальные знания в уголовном судопроизводстве используются в рамках определенной модели судебной экспертизы в тех видах и формах, которые обеспечивают решение задач уголовного правосудия.

Классическим является деление моделей судебной экспертизы на континентальную и англо-американскую, которое осуществляется в зависимости от субъекта назначения экспертизы. При этом, в континентальной модели в качестве такого субъекта выступает уполномоченный представитель государства, то есть лицо, осуществляющее производство по уголовному делу и устанавливающее все его обстоятельства. В англо-американской модели судебной экспертизы предполагается одновременное участие как уполномоченного представителя государства со стороны обвинения, так и представителя стороны защиты, каждый из которых, участвуя в доказывании с использованием специальных знаний (или научных доказательств, как это формулирует англо-американский процесс), будучи субъектом доказывания, обладает возможностью самостоятельно инициировать производство экспертизы по уголовному делу.

Соответственно, англо-американская модель экспертизы обладает свойствами англо-американского типа уголовного процесса, основанного на принципах состязательности и в упрощенном виде сводится к спору двух процессуально равных сторон перед лицом беспристрастного суда. Такой спор выражается противопоставлением и сопоставлением мнений, экспертов, представленных «противоборствующими» сторонами и их заключений, в связи с чем, в отношении англо-американской модели судебной экспертизы, зачастую, наравне с понятием «англо-американская экспертиза» употребляется формулировка «состязательная экспертиза»¹.

Однако, теоретически независимый и объективный эксперт, обязанный оказывать помощь суду и присяжным, в действительности, имеет целью поддержать позицию той стороны, по инициативе которой, он вовлечен в процесс. Объясняется это тем, что даже в состязательном процессе, стороны *de facto* находятся в неравном положении при назначении и проведении экспертизы: сторона защиты для проведения исследования получает объекты уже в измененном виде (после стороны обвинения); не имеет гарантированной финансовой помощи со стороны государства; имеет ограничения для поиска (привлечения) своего эксперта во времени² и в ресурсах.

¹ Самутичева Е. Ю. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование): дисс. ... кан. юрид. наук. Москва, 2015. С. 55.

² Самутичева Е. Ю. Указ. соч. С. 57.

Соответственно, состязательность англо-американской экспертизы имеет характер неравенства и зависит от финансовой возможности привлекающей эксперта стороны, поскольку, действует принцип: более «эффективный» эксперт является более дорогостоящим. И, как следствие, состязательность судебной экспертизы (расхождение между свидетельствами экспертов) формируется не в связи со сложностью и спорностью вопроса, с поиском истины и установления фактических обстоятельств, а в связи с активностью (порой недобросовестной) экспертов, отстаивающих не сведения о действительных фактах и обстоятельствах, о своем научном мнении по вопросу, а позицию интересующую, представляемую ими сторону, ввиду особого к ней [стороне] расположения¹.

Однако, сама возможность противопоставления специальных (научных) знаний, противостояние экспертов, побуждающее суд и стороны к более тщательному анализу имеющихся в деле доказательств, которое способствует выявлению ошибок и установлению фактических обстоятельств дела является безусловным достоинством англо-американской модели судебной экспертизы.

Наличие в деле различных мнений по вопросам, связанным с использованием специальных знаний, имеет ключевое значение в первую очередь потому, что участники процесса, не обладающие специальными научными знаниями, даже если они регулярно сталкиваются с конкретной научной областью в процессе своей правоприменительной деятельности, не всегда способны критически воспринимать экспертные данные и специфику научного знания. Соответственно, обсуждение различных экспертных мнений в процессе, наличие альтернативных подходов к исследуемому вопросу и возможность опровержения любого, даже научного инструмента познания², с опорой на аналогичный уровень научного обоснования, путем обращения к иному эксперту или специалисту позволит установить действительные обстоятельства.

Вместе с тем, например, в российском уголовном процессе имеются правила о судебной дискреции в вопросах оценки доказательств, не исключая «научных», что, порой, приводит к нарушению равенства сторон в использовании специальных знаний.

Исходя из классического доктринального подхода, модель судебной экспертизы, реализуемая в российском уголовном процессе, относится к континентальной, с учетом субъекта её назначения. Однако, наличие сегодня в российском уголовном процессе фигуры специалиста, не позволяет данный

---

¹ Osborn A., The problem of proof. 1922. P. 329 - 319. Так, например, классики англо-американского уголовного процесса Альберт Осборн и Генри Уигмор под «особым расположением» эксперта подразумевали выплату (или обещание выплаты) вознаграждения и предварительную консультацию со стороной (адвокатом стороны).

² Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Решетникова И. В. Можно ли доверять эксперту или несколько слов о гарантиях качества судебной экспертизы (сравнительно-правовой анализ) / «Закон», 2019, № 10. С. 6.

подход признать однозначным. Введение заключения и показаний специалиста в уголовное судопроизводство в качестве доказательств, стала «попыткой имплементации в российский уголовный процесс экспертизы англо-американского типа»¹.

Изменения были направлены, в том числе, на исключение возможности трактовки мнения единственного эксперта (заключение комиссии экспертов), не оспоренного и положенного в основу приговора суда, в качестве статуса «научного судьи»². Данный пробел в российском уголовном процессе был восполнен посредством участия специалиста, который, фактически, стал формой модернизации модели судебной экспертизы российского уголовного процесса.

Более того, соединение декларируемой состязательности специальных знаний англо-американского процесса, как состязательности авторитетов экспертов, с преимуществом и достоинством континентальной модели экспертизы, позволяющей преодолеть проблемы спора сторон с неравными возможностями³ и минимизировать конфронтацию в суде, за счет возможности получения иных заключений, подготовленных с использованием специальных знаний на досудебной стадии⁴ фактически, привело к возникновению особой модели судебной экспертизы, позволяющей реализовать единство трех составляющих:

— процессуальное равенство сторон в доказывании с использованием специальных знаний;

— равное право каждой из сторон самостоятельного вовлечения специальных знаний в уголовный процесс, как реализация равных возможностей по представлению научных доказательств, путем представления альтернативных научно-обоснованных мнений по исследуемому вопросу;

— возможность допроса лиц, обладающих специальными знаниями и сформировавших представленные заключения, с целью уяснения обоснованности, достоверности представленных заключений и устранения, возникших между ними противоречий.

Таким образом, особая форма использования специальных (научных) знаний, присутствующая в российском уголовном процессе позволяет в некоторой степени нивелировать, ключевые недостатки классических моделей

---

¹ Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 506.

² Даже в состязательном по своей природе англо-американском процессе идея единого экспертного мнения (отступление от состязательности экспертизы) также имела место: в попытке устранить формализацию состязательности, высказывалась идея о введении в уголовный процесс отдельных штатов процедуры назначения эксперта судом, однако, впоследствии, этот закон был признан неконституционным, как наделяющий эксперта судебной властью. (См.: Полянский Н. Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. Москва. 1946. С. 124).

³ Meintjes-van der Walt L. Expert evidence in the criminal justice process: a comparative perspective. Amsterdam: Rozenberg Publishers, 2001. P. 137.

⁴ «Снижающих вероятность возникновения «борьбы экспертов» в рамках судебного разбирательства», См.: Redmayne M. Expert evidence and criminal justice. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 210.

судебной экспертизы, среди которых, для англо-американской, признаваемая заинтересованность экспертов и неразрешимая коллизия научных мнений; для континентальной, отсутствие в деле альтернативного мнения лица, обладающего специальными знаниями и «подчиненность» результатов экспертизы лицам, осуществляющим производство по делу, минимизируется в современной российской модели судебной экспертизы.

УДК 343.1

М. А. Гаврилов

О роли суда в повышении правовой культуры граждан

Криминологические исследования показывают, что в основе всех умышленных правонарушений, включая преступления, лежат изъяны социальной психологии личности, выраженные не столько в незнании законов, сколько в пренебрежении к ним. Именно поэтому любой гражданин должен осознавать роль и значение права в жизни общества, понимать связи законов с общепринятыми традициями и обычаями своего народа.

Правовую культуру можно определить как обязательный элемент общей культуры личности, выражающийся в знании правовых понятий и основных требований законов, в уважении к закону, к деятельности правоохранительных органов, к правам и законным интересам других граждан, к обычаям и традициям народов¹.

Вопросу правовой культуры посвящали свои исследования такие авторы, как А. И. Долгова², Л. А. Петручак³, В. И. Каминская и А. Р. Ратинов⁴ и др.

На формирование правовой культуры граждан влияние оказывает целый комплекс факторов. Одним из них является причастность простых людей к деятельности правоохранительных органов и суда. Ведь гражданин, имея непосредственное отношение к работе правоохранительных органов или судов, будет владеть хотя бы основами правовых знаний. Например, по данным одного исследования, безусловная необходимость соблюдения закона находится в приоритете у лиц, чья работа тесно связана со сферой права, — это военнослужащие, работники правоохранительных органов, таможни, налоговой инспекции и работники аппарата государственного управления⁵.

¹ Сердюк Л. В. О проблеме формирования правовой культуры граждан России // Правовые технологии. – 2016. – № 1(7). – С. 19—26.

² Долгова А. И. Правовое воспитание молодежи / А. И. Долгова. - М. : Знамя, 1979. - 46 с.

³ Петручак Л. А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Лариса Анатольевна Петручак. - М., 2012. - 54 с.

⁴ Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания : сборник. - М., 1974. - С. 42—43.

⁵ Покида А. Н. Зыбуновская Н. В. Правовые ценности современных россиян: приоритеты и противоречия // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 92—99.

Существуют различные формы привлечения граждан к работе правоприменительных органов. Например, к деятельности органов внутренних дел по охране общественного порядка привлекаются народные дружинники и внештатные сотрудники. В 1960-е годы движение народных дружинников носило массовый характер и по некоторым оценкам в нашей стране их количество составляло примерно 7 миллионов человек.¹

В советский период существовал институт народных заседателей, который обеспечивал участие граждан в отправлении правосудия. Проводилось специальное обучение кандидатов в народные заседатели, которое осуществлялось в том числе и профессиональными судьями. Несмотря на определенные организационные недостатки, в целом образовательная деятельность судей в процессе повышения правовой культуры советских граждан, и особенно его молодого поколения, была достаточно эффективной и сыграла важную роль в декриминализации советского общества.² Сегодня к отправлению правосудия граждане привлекаются в качестве присяжных заседателей.

В качестве одного из критериев оценки уровня правовой культуры общества можно выделить степень доверия граждан к правосудию.

В последние десятилетия наша страна двигалась в фарватере либеральных реформ законодательства. Огромное влияние на изменения законодательства оказывали нормы международного права, а также деятельность Европейского Суда по правам человека, правовые позиции которого имплементировались в нормы отечественного права. Однако, в некоторых случаях нормы отечественного законодательства менялись без учета социально-культурных особенностей нашего общества, специфики национальных интересов.

Необходимо отметить, что реализуемые реформы не оказали решающего позитивного влияния на доверие граждан к отечественному правосудию³. На наш взгляд, одной из возможных причин определенного неверия граждан в эффективность современного отечественного судопроизводства является недостаточная степень участия самих граждан в отправлении правосудия.

Совершенно справедливо подмечено профессором В. В. Дорошковым, что утраченные в ходе предыдущих либеральных реформ связи участников судопроизводства с обществом, способствовавшие повышению правовой культуры в российском обществе, сегодня нуждаются в восстановлении⁴.

---

¹ Кудрявцева У. К. Роль народных дружин в охране общественного порядка // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2022. – № 4(68). – С. 391—395.

² Дорошенко Т. Н., Макарова Е. А. Роль судей в повышении правового просвещения советских граждан: анализ регионального опыта // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 83-2. – С. 65—68.

³ Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы, утв. Распоряжением Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р. (эл. доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс, 20.07.2023).

⁴ Дорошков В. В. Современная уголовная политика в условиях умеренного консерватизма // Мировой судья. 2022. № 1. С. 2—11.

На наш взгляд, необходимо обратиться к богатому опыту прошлого в этом вопросе.

Важное значение для повышения правовой культуры российских граждан имеет расширение открытости правосудия, в том числе уголовного судопроизводства, с усилением роли судов в этом направлении.

В советский период распространение получили выездные судебные заседания по уголовным делам, одной из целей проведения которых являлось повышение правовой культуры граждан.

На сегодняшний день в УПК РФ отсутствуют положения, регламентирующие проведение выездных судебных заседаний по уголовным делам, хотя на практике в редких случаях данный институт применяется¹. Как правило, это связано с необходимостью осмотра судом вещественных доказательств по месту их нахождения, либо осмотра местности и помещения. Иногда выездные судебные заседания проводятся в местах лишения свободы с целью снижения затрат, связанных с конвоированием осужденных – участников процесса, или в лечебных учреждениях, в которых находится на излечении обвиняемый. В некоторых случаях выездные судебные заседания проводятся военными судами в воинских частях.²

Возможность проведения выездных судебных заседаний по уголовным делам сегодня основывается на действующем в редакции 2007 года Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 февраля 1967 г. № 35 «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения», который обращает внимание судов на необходимость повышения воспитательного воздействия процессов, проводимых в выездных заседаниях.

Можно отметить, например, что в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь сохранил свою природу и в настоящее время широко применяется институт выездных судебных заседаний по уголовным делам. При этом причиной избрания такой формы заседаний не всегда является процессуальная необходимость. Достаточно часто выездные судебные заседания по уголовным делам проводятся именно с целью правового просвещения граждан, повышения их правовой культуры. За последние годы (2017—2022) примерно 10 % уголовных дел рассматриваются судами в выездных судебных заседаниях³. Такие заседания проводятся в образовательных учреждениях, на предприятиях и т.п.

---

¹ Макаренко А. Н. Возобновление практики рассмотрения резонансных уголовных дел в выездных судебных заседаниях / А. Н. Макаренко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 7(110). – С. 97—101.

² Харитонов С. С. Выездные заседания военных судов в расположении воинских частей вопросы правового регулирования процедур применительно к необходимости их совершенствования // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2018. – № 8 – С. 41—49.

³ Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022 годы [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь.//

Несмотря на отсутствие в действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации четкой регламентации оснований и порядка проведения выездных судебных заседаний по уголовным делам, такая форма может применяться в целях повышения правовой культуры граждан, оказывать воспитательное воздействие на граждан, препятствуя распространению правового нигилизма.

На наш взгляд, еще одной из возможных причин определенного неверия граждан в эффективность современного отечественного уголовного судопроизводства является недостаточная степень участия самих граждан в отправлении правосудия.

В самом общем виде в уголовном судопроизводстве выделяют две основные формы участия граждан: суды с участием присяжных заседателей и суды с иными формами участия граждан в отправлении правосудия.

Российское уголовно-процессуальное законодательство предусматривает «чистую» систему жюри (суда присяжных), где граждане составляют специальную коллегию в суде, которая определяет факты и решает все вопросы в заседании суда на основе факта и, главным образом, отвечает на вопрос, виновно лицо в совершении преступления или нет¹.

Однако, в связи с тем, что уровень правовой культуры российских граждан сегодня находится не на высоком уровне, даже формирование коллегий присяжных происходит со значительными трудностями. Данные социологических опросов показывают, что только 16 % россиян готовы выступить в роли присяжного, 78 % — отказываются участвовать в суде присяжных, 6 % — затрудняются с ответом.² Ученые отмечают, что на современном этапе требует своего решения проблема правового просвещения кандидатов в присяжные заседатели³. Представляется, что судьи и работники аппаратов судов должны занимать ведущую роль в этом процессе.

Реалии сегодняшнего дня требуют нового осмысления российского и зарубежного опыта участия населения в осуществлении правосудия. При этом необходимо использовать богатый российский исторический опыт привлечения граждан в качестве заседателей в составе суда. Наиболее приемлемой представляется форма народного участия, которая близка по своему содержанию к институту народных заседателей советского периода.

---

https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/5b82a6c416a342a7.html (эл. доступ из сети Интернет 20.07.2023).

¹ Купряшина Е. А., Черкасова Е. А. Участие граждан в отправлении правосудия в России и зарубежных государствах // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2018. – № 1. – С. 25—28.

² Данные социологического опроса изложены в статье: Куркова Н. А., Макарова О. А. Актуальные вопросы правового просвещения кандидатов в присяжные заседатели // Глаголь правосудия. – 2018. – № 3(17). – С. 58—62.

³ Ренер Н. А. Проблемы эффективности института присяжных заседателей в России // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики : сб. науч. тр. / под ред. О. А. Заячковского. - Калининград, 2017. - С. 272—276.

Так или иначе, после упразднения института народных заседателей многие представители научного сообщества и практикующие юристы находят опыт участия народных заседателей в рассмотрении дел полезным и считают возможным восстановить данный институт¹. Некоторые из них убеждены, что одна из основных причин нынешнего снижения авторитета судебной власти, в частности, судов, рассматривающих уголовные дела — отказ от принципов коллегиальности и участия народных заседателей в рассмотрении уголовных дел².

Необходимо отметить, что высказанные предложения - не попытка идеализировать уголовное судопроизводство советского периода. Дело в том, что многие современные страны бывшего социалистического лагеря до сих пор используют институт народных заседателей. Например, Туркменистан, Таджикистан, Беларусь, Эстония, Узбекистан сохранили советскую модель с участием судьи и двух народных заседателей (преимущественно по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях). Государствами, предусматривающими участие народных заседателей по уголовным делам, являются: Польша, Болгария, Словакия, Чехия, Сербия, Словения, Северная Македония, Хорватия, Черногория), а государствами, полностью сохранившими советскую модель, являются: Куба, КНР, КНДР, Вьетнам, Монголия³.

В настоящее время в большинстве стран континентальной Европы уже не существует суда присяжных в его классическом понимании, а больше используются другие формы народного участия в отправлении правосудия. Например, в Германии граждане участвуют в рассмотрении уголовных дел в составе смешанных судов — судов шеффенов (1—3 профессиональных судьи и 2—3 шеффена, которые совместно принимают решение по вопросу о виновности или невиновности подсудимого и о назначении меры наказания), а также в составе ряда специализированных судов. В Швейцарии суд из 12 присяжных отменен во всех кантонах, кроме кантона Женева, оставшись в федеральных судах, где используется крайне редко⁴.

---

¹ Например, в своих выступлениях на круглом столе «Перспективы реформирования суда присяжных в России» в Российском государственном университете правосудия 19 февраля 2015 г. В. А. Давыдов, В. Ф. Яковлев, М. А. Федотов, А. А. Клишас высказались за привлечение к участию в рассмотрении гражданских и уголовных дел граждан в качестве судебных заседателей. Они отметили, что советский опыт рассмотрения дел с участием народных заседателей был весьма положителен, сейчас этот институт нуждается в возрождении и наполнении новым содержанием, он способен привести к повышению ответственности судей, открытости судебной системы, доверия к правосудию. Качалова О. В. Перспективы реформирования суда присяжных в России // Российское правосудие. 2015. № 6. С. 19—20.

² Махов В. Н., Карабанова Т. Н. Восстановить институт народных заседателей // Законность. — 2010. — № 8(910). С. 50—53.

³ Гаврилова А. В. Институт народного участия в правосудии в странах бывшего социалистического лагеря // Публично-правовые аспекты юридической компаративистики. V Прокопьевские чтения: материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 17–18 декабря 2021 года. — Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2022. — С. 157—165.

⁴ Цит. по: Купряшина Е. А., Черкасова Е. А. Участие граждан в отправлении правосудия в России и зарубежных государствах // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2018. — № 1. — С. 25—28.

Поддерживая идею о необходимости существования суда с участием присяжных заседателей в его нынешнем виде, полагаем, что возрождение института народных заседателей необходимо как для российской судебной системы, так и для общества в целом.

Представляется, что введение института народных заседателей будет способствовать укреплению доверия общества к судебной системе. Ведь к отправлению правосудия с участием народных заседателей могут привлекаться более широкие слои граждан. Это непременно будет способствовать их правовому просвещению и в совокупности с другими факторами положительно влиять на уровень правовой культуры российских граждан.

Еще одной важной составляющей в процессе повышения правовой культуры граждан являются условия по обеспечению прав граждан на получение своевременной, объективной, полной и разносторонней информации о деятельности судебной системы.

В российской Концепции информационной политики судебной системы на 2020 - 2030 годы (одобрена Советом судей РФ 5 декабря 2019 г.) указано, что популяризация знаний о судебной системе повышает имидж суда, является действенным инструментом для расширения кругозора в области судебной деятельности среди общественности.

Если раньше для судов являлось обязательным наличие в сети «Интернет» их официальных страниц, то сейчас к ним добавились публичные страницы (паблики) в социальных сетях. Так Судебным департаментом при Верховном Суде РФ утвержден Временный порядок организации работы по созданию аккаунтов, созданию и ведению официальных страниц в социальной сети федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации¹.

Ведение судами своих официальных страниц в социальных сетях позволит снизить негативное влияние стихийного приобщения граждан к правовому просвещению и правовой культуре через средства массовой информации. Например, нередко граждане получают искаженное представление о работе судов, основываясь на сведениях из популярных телепередач.

В советский период одной из действенных форм правовой пропаганды были лекции судей, которые проводились в колхозах, на предприятиях². В современных реалиях это вряд ли будет целесообразным, хотя эф-

---

¹ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.11.2022 № 216 "Об утверждении Временного порядка организации работы по созданию аккаунтов, созданию и ведению официальных страниц в социальной сети федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации" (эл. доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс, 20.07.2023).

² Дорошенко Т. Н. Макарова Е. А. Роль судей в повышении правового просвещения советских граждан: анализ регионального опыта // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 83-2. – С. 65—68.

фективность воздействия на граждан информации, произнесенной профессиональным судьей, трудно переоценить. На наш взгляд, именно социальные сети могут стать тем инструментом, который позволит судьям выступать перед гражданами, донося до них важные правовые сведения.

Подводя итог, необходимо отметить, что роль судов в повышении правовой культуры граждан на современном этапе развития российского государства чрезвычайно высока.

Представляется, что в целях правового просвещения может активно использоваться институт выездных судебных заседаний по уголовным делам, проведение которых возможно в трудовых коллективах, в образовательных организациях и т. д.

Привлечение граждан к отправлению правосудия в виде их участия в коллегиях присяжных заседателей по уголовным делам сегодня требует особого внимания. С кандидатами в присяжные должны проводиться мероприятия по повышению уровня их правовой культуры. Причем эта работа должна быть системной, и ведущая роль отводится судьям и работникам аппаратов судов.

С учетом современных изменений, происходящих в мире, повышением значения социально-культурных особенностей нашего общества, в качестве повода для научных дискуссий необходимо вынести вопрос о пересмотре места института народных заседателей в уголовном судопроизводстве.

В связи с динамичным переходом активной части населения в социальные сети представляется, что они должны быть площадкой не только и не столько для получения информации о деятельности судов, а служить важным инструментом для правового просвещения граждан.

УДК 343.1

В. В. Захаренкова

Функциональный аппарат прокурора в Китайской Народной Республике в сравнении с Российской Федерацией

Известно, что прокурорская система как в СССР, так и в КНР основывалась на теории надзора за законностью и во многом системы были схожи. Функцией надзора за исполнением законов органами власти совместно с функцией уголовного преследования в суде прокуратура была наделена еще при Петре I в 1772 году. Далее, при Александре II утверждаются «Основные начала», которые четко фиксируют основное назначение прокуратуры — надзор за точным и единообразным исполнением законов с одновременным обнаружением, а также преследованием всех видов

нарушений «законного порядка» с требованием его восстановления¹. В 1864 году совет представил Судебные уставы, которые были впоследствии приняты. Здесь появляется функция уголовного преследования на следствии, однако функция надзора остается первостепенной².

Так, розыскной процесс оставлял за прокурором функцию надзора за исполнением законов, не давая особого развития другим направлениям его деятельности. В смешанной же форме уголовного процесса прокурор приобретает функции среди которых: возбуждение публичного иска, руководство дознанием, поддержание обвинения перед судом, обеспечение исполнения обвинительного приговора³.

На сегодняшний день ст. 1 ФЗ «О прокуратуре РФ» (в ред. от 24.07.2023г.) на первое место среди функций прокурора ставит надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов. Существует также понимание функций прокурора, установленных УПК РФ:

— осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 37 УПК РФ);

— на досудебных стадиях — это осуществление надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ);

— на судебных стадиях — это поддержание государственного обвинения, путем обеспечения его законности и обоснованности (ч. 3 ст. 37 УПК РФ).

Стоит заметить, что деятельность по надзору прокуратуры так разносторонне развита, что принято выделять отрасли прокурорского надзора, однако это представляет собой предмет иного исследования.

Обратим внимание, что функции необходимо отличать от задач прокуратуры. К задачам прокуратуры согласно Конституции РФ, ФЗ «О прокуратуре РФ» и иным нормативным актам, регулирующим ее деятельность, относят:

— обеспечение законности в деятельности органов власти и управления, учреждений, организаций, политических партий и иных общественных объединений;

— защита законных интересов государства, законных прав и интересов граждан от незаконных посягательств. Это лишь общие задачи, также принято выделять и частные задачи, которые выделяют относительно конкретных направлений деятельности прокуратуры⁴.

---

¹ Сугаипова Э. А. Становление и развитие прокуратуры Российской империи в 1722–1863 гг. Актуальные проблемы права: материалы V Международной науч. конф. (Москва, декабрь 2016 г.) С. 24. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/224/11608/?ysclid=Indeimopqs787579257> (дата обращения: 15.09.2023).

² Фуражникова К. Ю. Сравнительно-правовое исследование оценки эффективности уголовно-процессуальной деятельности прокурора в Российской Федерации и КНР / Новый юридический вестник № 1 URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/242/7990/?ysclid=lnddj07zio25313818> (дата обращения: 15.09.2023).

³ Головки Л. В. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головки; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, юридический фак., каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Статут, 2021. С. 330.

⁴ Правоохранительные органы. Учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Н. Г. Стойко, Н. П. Кирилловой, И. И. Лодыженской, М., 2023. С. 288.

Что касается зарождения надзорного органа в Китае, то эта история началась еще в 220 г. н. э. при правлении династии Хань. Далее система надзора подвергалась различным трансформациям, однако интересно, что первоначально цель этого органа заключалась также именно в надзоре за законностью. Был создан специальный орган — Цензор. Надзор за законностью подразделялся на надзор в пределах столицы и в провинции. До образования КНР (1949 г.) надзорный орган функционировал в качестве пятой ветви власти, позже трансформировался в министерство по надзору и надзорный комитет.

Способ формирования органов прокуратуры в КНР, следующий: прокуроры формируются не прямым назначением сверху как в РФ, а иначе — главные прокуроры на местах избираются равными по ступени СНП (собрание народных представителей), Генеральный прокурор Верховной народной прокуратуры избирается ВСНП, а его заместители назначаются ПК ВСНП. Назначение и освобождение от должности главных прокуроров провинциального уровня производится с ведома Верховной народной прокуратуры, которая обязана получить на эти действия санкцию от ПК ВСНП. Также ситуация обстоит и с нижестоящими прокурорами. Учитывая подобную ситуацию, можно говорить о системе двойного подчинения прокуратуры, с одной стороны – ВСНП, с другой – вышестоящие структурные органы. Об этом свидетельствует и система ежегодных отчетов перед ВСНП начиная с председателя Верховной народной прокуратуры и до местных народных прокуроров¹.

Если говорить о подобной ситуации в РФ, то, официально прокуратуру не относят к какой-либо ветви власти, однако это не исключает существования относительно автономной власти, осуществляющей демократический контроль и “сдерживание” любой из основных ветвей власти, которой и является прокуратура. Подобная ситуация позволяет реализовываться системе сдержек и противовесов и обеспечивает соблюдения законов.²

На сегодняшний день в УПК КНР (Редакция 2019 г.)³ к первостепенной функции народной прокуратуры законодатель, согласно ст. 3 относит также осуществление надзора. Статья 8 УПК КНР содержит положение, согласно которому народная прокуратура осуществляет правовой надзор за законностью уголовно-процессуальной деятельности и, согласно ст. 49 УПК отвечает за доказывание вины подсудимого по делам публичного обвинения.

Статья 7 Закона о прокурорах КНР (Редакция 2019 г.)⁴ к функциональным обязанностям прокурора относит:

¹ Малышева Н. И., Трошинский П.В. Право Китайской Народной Республики: теоретико-правовой аспект: учеб. пособие. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2022. С.49.

² Правоохранительные органы. Там же. С. 288.

³ 中华人民共和国刑事诉讼法 [Zhōnghuá rénmín gònghéguó xíngshì sùsòng fǎ] [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2018-11/05/content_2065631.htm (дата обращения: 16.09.2023).

⁴ 中华人民共和国检察官法 [Zhōnghuá rénmín gònghéguó jiǎnchá guān fǎ] [Электронный ресурс]. URL: https://www.spp.gov.cn/zdgz/201904/t20190423_415970.shtml (дата обращения: 16.09.2023).

1) расследование уголовных дел, отнесенных в соответствии с законом к ведению прокуратуры;

2) рассмотрение уголовных дел (сбор, подготовка материалов и иные мероприятия по возбуждению уголовного преследования), проведение действий, направленных на арест в рамках уголовных дел, участие в открытых судебных заседаниях от имени государства;

3) участие в судебных разбирательствах в интересах общественности;

4) осуществление надзора за деятельностью в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве;

5) иные обязанности, предусмотренные законом.

Статья 18 УПК КНР содержит положения, согласно которым народная прокуратура возбуждает уголовное дело и начинает предварительное расследование по преступлениям, связанным с коррупцией и взяточничеством, с пренебрежением служебными обязанностями государственными служащими, а также по преступлениям совершенным работниками государственных органов, которые злоупотребили служебным положением, нарушили личные права граждан, а также по следующим преступлениям: незаконное лишение свободы, принуждение к показаниям посредством пыток, ложные обвинения для сведения личных счетов, противоправный обыск. По другим крупным уголовным делам, совершенным работниками государственных органов, которые злоупотребили служебным положением, возможно возбуждение уголовного дела и проведение предварительного расследования народной прокуратурой в случае, если на этапе принятия дела к рассмотрению народной прокуратурой, получено соответствующее решение народной прокуратуры на уровне провинции и выше.

Интересным является также и то, что народная прокуратура является надзорным органом и по отношению к суду, осуществляя надзор за соответствием судебной деятельности народных судов закону, а также за соответствием закону исполнения решений и определений народных судов по уголовным делам.

Однако органы прокуратуры КНР не имеют функций правового надзора за деятельностью правоохранительных органов, что влечет за собой множественные нарушения закона со стороны данных органов. В отличие от Китая, в России прокуратура наделена функцией общего надзора, что позволяет ей осуществлять ежедневный надзор за правоприменительной деятельностью данных органов.

К вопросу о субъектах права обжалования в уголовном процессе

В науке уголовно-процессуального права под обжалованием подразумевается принцип, подсистема права, субъективное право, стадия уголовного судопроизводства, деятельность субъектов уголовно-процессуальных отношений.

Рассматривая обжалование как субъективное право, необходимо понимание того, кто является субъектом права подачи жалобы.

При этом, следует подчеркнуть, что между понятиями субъекты права подачи жалобы, субъекты уголовно-процессуального права, участники уголовного судопроизводства (процесса) имеются существенные различия.

Субъектами уголовно-процессуального права могут быть любые физические и юридические лица.

Участники уголовного судопроизводства перечислены в разделе II УПК РФ. В науке уголовно-процессуального права есть различные классификации субъектов уголовного судопроизводства.

Например, преобладающее большинство представителей научного сообщества берут за основу объединение субъектов уголовного судопроизводства в зависимости от осуществляемой ими функции, которая закреплена в уголовно-процессуальном законе и выделяют:

- суд;
- участников, осуществляющих функцию защиты (подозреваемый, обвиняемый, защитник, гражданский ответчик);
- участников, осуществляющих функцию обвинения (прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского обвинителя);
- иных участников уголовного судопроизводства¹.

Некоторые ученые, берут за основу сразу несколько оснований классификации – обладание властными полномочиями, заинтересованность в исходе дела, выполняемой функции, отношения к процессу доказывания².

Но в основе всех этих классификаций лежит процессуальный интерес участников уголовного судопроизводства.

¹ Уголовный процесс: учебник для вузов / В.П. Божьев [и др.] ; под редакцией В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – С. 75; Уголовное судопроизводство России: учебник для вузов / Под ред. Н.И. Газетдинова. – Казань: Изд-во Казанск. Ун-та, 2004. – С. 43—44.

² См, подробнее: Уголовный процесс: учебник и практикум для вузов / Ю. В. Францифоров, Н. С. Манова, А. Ю. Францифоров. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. С. 55.

По смыслу статьи 123 УПК РФ под обжалованием подразумевается действие участников уголовного судопроизводства и иных лиц, чьи интересы затрагиваются обжалуемым действием и решением, по подаче жалобы.

Тем самым в качестве субъектов права подачи жалобы законодатель выделяет:

- участников уголовного судопроизводства;
- иных лиц, чьи интересы затрагивают обжалуемые действия и решения, классифицируя их по принципу наличия или отсутствия процессуального статуса участника уголовного судопроизводства и затрагиваемого интереса.

Несмотря на это, единства мнений относительно круга субъектов права на подачу жалобы нет. Признавая такое право за участниками уголовного судопроизводства, законодатель тем самым подразумевает любого участников уголовного судопроизводства, предусмотренного уголовно-процессуальным законом.

Однако УПК РФ содержит нормы, в которых содержится иной круг субъектов подачи жалобы, чем круг, предусмотренный частью 1 статьи 123 УПК РФ.

Например, в соответствии с частью 1 статьи 389¹ УПК РФ, право апелляционного обжалования судебного решения принадлежит осужденному, оправданному, их защитникам и законным представителям, государственному обвинителю и (или) вышестоящему прокурору, потерпевшему, частному обвинителю, их законным представителям и представителям, а также иным лицам в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы.

В связи с этим возникает вопрос о возможности подачи жалобы участниками уголовного судопроизводства, не перечисленными в норме части 1 статьи 389.1 УПК РФ, например должностными лицами органов предварительного расследования по делам о рассмотрении жалоб на их действия (бездействия) и решения. Так как отказывая в рассмотрении жалоб должностных лиц органов предварительного расследования на судебные решения по таким делам, суды исходят из того, что эти лица не указаны в части 1 статьи 389.1 УПК РФ как обладатели этого права и поэтому не являются субъектом обжалования¹.

К тому же по мнению представителей судебной власти самостоятельного интереса у властных субъектов не имеется, так как они лишь представляют интерес государства по уголовному преследованию². И этот интерес

---

¹ См. например, апелляционное постановление Белгородского областного суда от 02.12.2013 № 22к-2173-2013 / https://sudact.ru/regular/doc/gfpoYhDAGoQ8/?regular-txt=&regular-case_doc=2173&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=02.12.2013&regular-date_to=02.12.2013&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=Белгородский+областной+суд+%28Белгородская+область%29&regular-judge=&_=1690527242407 (дата обращения 28.07.2023).

² См. например постановление президиума Вологодского областного суда по делу № 44У-19 от 08.09.2014 / <https://sudact.ru/regular/doc/SYFGpufZdzxa/> (дата обращения 27.07.2023).

реализуется различными субъектами исходя из выполняемых ими функций на различных стадиях уголовного судопроизводства¹.

Между тем, согласно позиции Верховного суда Российской Федерации, изложенной в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 "О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», судам во всех случаях необходимо учитывать, как положения, содержащиеся в статьях 123, 127 УПК РФ, так и правила обжалования, содержащиеся в других главах и статьях УПК РФ.

Таким образом, высшая судебная инстанция предлагает руководствоваться не только специальными нормами, регулирующими производство в судах второй и последующей инстанции при подаче жалобы участниками уголовного судопроизводства на итоговое судебное решение, но и нормами, содержащими общее правило, предусматривающее возможность подачи жалобы всеми без исключения участниками уголовного судопроизводства по рассматриваемому делу, в том числе, имеющие властные полномочия, а также иными лицами, в части их затрагиваемых прав и законных интересов обжалуемым решением.

Кроме того, сложно согласиться с тем, что сторона обвинения в лице должностных лиц органов предварительного расследования и прокурор выполняет только функцию по уголовному преследованию от имени государства. Помимо этого, перечисленные властные субъекты обеспечивают и защиту прав и свобод личности исходя из назначения уголовного судопроизводства.

В данном контексте необходимо учитывать и неоднократно выраженное мнение Конституционного Суда Российской Федерации, который высказался относительно того, что наличие специальной нормы, предусматривающей особенности обжалования на отдельной стадии, не должно ограничивать общее право на обжалование, предусмотренное статьями 119 и 123 при наличии объективной потребности на защиту².

Кроме того, часть 6 статьи 125 УПК РФ, пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» в качестве заинтересованного лица,

---

¹ Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 20.09.2019 по делу № 22К-4752/2019 / <https://sudact.ru/regular/doc/ePSaJOLtqwZC/> (дата обращения 27.07.2023).

Апелляционное постановление Оренбургского областного суда от 11.11.2014 по делу № 22К-5470/2014 / https://sudact.ru/regular/doc/17hHSRVivWV1/?regular-txt=&regular-case_doc=5470&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=11.11.2014&regular-date_to=11.11.2014&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=Оренбургский+областной+суд+%28Оренбургская+область%29&regular-judge=&=169044249992 (дата обращения 27.07.2023).

² См., например, определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22.01.2004 № 119-О «По жалобе гражданки Семеновой Лилии Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

которому вручается копия постановления по результатам рассмотрения жалобы в порядке статьи 125 УПК РФ, наряду с заявителем, прокурором указывают руководителя следственного органа. Здесь возникает вопрос: по какой причине законодатель обязал суды вручать копию судебного решения руководителю следственного органа.

На наш взгляд, это сделано с целью обеспечить возможность обжаловать судебное решение руководителем следственного органа как лицом, заинтересованным в исходе дела наряду с заявителем и прокурором.

Таким образом, по нашему мнению, наличие статуса участника уголовного судопроизводства по рассматриваемому юридическому делу наделяет носителей этого статуса правом подачи жалобы.

Помимо изложенного есть и другие проблемные вопросы. Например, неоднозначно решается вопрос признания такого права за лицами, не обладающими статусом участника уголовного судопроизводства, но права и законные интересы которых затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) и решением.

В науке уголовно-процессуального права неоднократно обсуждался вопрос о круге лиц, подпадающих под тех, права и законные интересы которых затрагиваются обжалуемыми действиями (бездействием) и решениями. Изучалось семантическое значение понятий «затрагивать», «законный интерес», «интерес».

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведова определяет значение слова затрагивать в прямом и переносном смысле. В прямом смысле означает касаться чего-либо. Однако очевидно, что в приведенной норме права затрагивать имеет переносное значение, которое в указанном словаре обозначено как иметь отношение к чему-либо, уделять внимание, не оставлять равнодушным.

Если принять во внимание, что право имеет охранительную и регулятивную функцию, оно закрепляет юридическую дозволенность конкретных действий и гарантии защиты такой дозволенности. И если эта дозволенность каким-либо образом ограничивается, то есть не выполняется обязанность ее не нарушать, то приводится в действие механизм защиты. В рассматриваемом случае право подать жалобу. Поэтому мы соглашались с теми авторами, которые считают, что термин «затрагивать» является неудачной попыткой законодателя определить воздействие уголовно-процессуальной деятельности на права его участников, которое является ограничительным, поэтому точнее было бы использовать термин «ограничивают»¹.

Тем самым, необходимо определять ограничивают обжалуемые действия (бездействия) и решения права и законные интересы или нет.

По мнению одних ученых, интерес и законный интерес являются синонимами, и защищается любой интерес, не противоречащий закону². И по

---

¹ Рудакова С. В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 275—276.

² Хроменков И. Р. Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам: теоретические основы и проблема детерминированности // Актуальные

этой причине предлагалась унификация этих вариантов в пользу использования «законного интереса»¹.

По мнению других «интересы» и «законные интересы» не одно и то же, законными являются интересы, основанные на нормах законодательства² и подкрепленные субъективными правами, в том числе, материальными, необходимыми для защиты интереса³.

Законом могут охраняться только не противоречащие ему интересы, то есть законные. Поэтому мы считаем, что в законе понятия интерес и законный интерес употребляются в одном и том же значении.

Однако необходимо отличать законный интерес от права.

На этот счет также нет единого мнения, так как грань между ними очень тонкая.

По мнению некоторых ученых, если право это юридически закрепленная и гарантированная дозволенность конкретного поведения, то есть субъективное право, то законный интерес предполагает отсутствие субъективного права и обеспечивающей его обязанности, но желание достичь полезного результата⁴.

С этим сложно согласиться, так как отсутствие субъективного права и сопутствующей обязанности лишает любой интерес юридической значимости и «правоспособности».

Поэтому представляется, что защищается законный интерес, подкрепленный субъективным правом и вытекающее из него желание достичь результата, обеспечивающего существование этого права.

Этого мнения придерживаются и другие авторы⁵.

Также, по мнению Рудаковой С. В. законный интерес потерпевшего – обеспечить сохранность, а при необходимости – восстановить целостность своего имущества, подвергнувшегося преступному воздействию (в случае кражи). Материальное право – право собственности (конституционное), процессуальное право, которое выступает способом не только защиты законного интереса, но и защиты конституционного права – заявить гражданский иск (отраслевое, уголовно-процессуальное)⁶.

Подтверждением этому мнению служит и следующий пример.

проблемы российского права. 2022. № 1. С. 131—144; Смолькова И. В., Мазюк Р. В. Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 1. – С. 156—169.

¹ Волколупов В. Г. Общая характеристика субъектов права на подачу жалобы в российском уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2021. № 9. С. 64—67.

² Рыжаков А. П. Жалобы на следователя (дознателя): монография. М.: Дело и сервис, 2015. С. 118.

³ Гладышева О. В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 185.

⁴ Ильиницкая Л. И. Личные интересы участников российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. С. 76.

⁵ См., например, Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 29.

⁶ Рудакова С. В. Уголовно-процессуально обжалование и его система в отечественном досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 270—271.

Статья 115 УПК РФ регламентирует порядок наложения ареста на имущество. Согласно части 1 статьи 115 УПК РФ арест может быть наложен, в том числе, на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, при наличии указанных в данной норме закона оснований. Эти лица не обладают процессуальным статусом участника уголовного судопроизводства, но их право на имущество, или хотя бы законный интерес, постановлением о наложении ареста на имущество, безусловно, затрагивается, так как ограничивается возможность арестованным имуществом распоряжаться. Согласно части 8 статьи 115 УПК РФ право обжалования постановления о наложении ареста на имущество принадлежит и этим лицам.

В данном случае субъективное право собственности не ограничивается, спорное имущество не изымается, значит необходимости его защищать нет. Но ограничивается одно из правомочий собственника – распоряжаться этим имуществом. Тем самым при обжаловании решения о наложении ареста законным является интерес восстановить ограниченную возможность распоряжаться имуществом.

Тем самым право подачи жалобы защищает не только ограничиваемые процессуальные права и законные интересы, но и материальные.

Следовательно, изложенное дает основание сделать вывод, что круг субъектов подачи жалобы шире участников уголовного судопроизводства, но значительно уже субъектов уголовно-процессуального права.

Подытоживая все вышесказанное, предлагаем следующее определение субъектов подачи жалобы и их классификацию.

Субъектом подачи жалобы в уголовно-процессуальном праве может быть физическое или юридическое лицо, а также наделенный властными полномочиями в сфере уголовного судопроизводства должностное лицо или орган, а также их представители, защищающие свои и (или) представляемые процессуальные и материальные права и законные интересы, нуждающиеся в такой защите.

Изложенное дает основание для классификации субъектов подачи жалобы по следующим основаниям:

1) в зависимости от вида норм, которыми урегулировано участие этих субъектов, они классифицируются на:

- общих (предусмотренные ст. 123-127 УПК РФ);
- специальных (предусмотренные ст. 389.1, ст. 401.2);

2) по степени урегулированности нормами права на:

- основных (участники уголовного судопроизводства);
- дополнительных (иные лица, чьи права и законные интересы ограничиваются обжалуемым решением).

3) в зависимости от защищаемого права и законного интереса:

- защищающих материальные права и законные интересы
- защищающих процессуальные права и законные интересы

Проблемы правового регулирования избрания мер пресечения при рассмотрении и разрешении вопроса об экстрадиции в Российской Федерации

М. Л. Гачава, О. А. Бережок указали, что «преступность - один из ключевых факторов, несущих вред как отдельному гражданину, так и государству в целом»¹.

В современный период ежегодно преступность приобретает межнациональный, а порой и трансконтинентальный характер, что обуславливает необходимость определения в качестве важнейшего государственного вектора развития не только национальной, но и транснациональной политики, выработку эффективных международно-правовых механизмов, направленных на борьбу с преступностью.

Е. В. Баркалова, А. А. Макогон отметили, что «в настоящее время в условиях активного развития процессов глобализации и повышения мобильности людей лица, в отношении которых осуществляется уголовное преследование на территории одного государства, опасаясь привлечения к ответственности, имеют возможность покинуть территорию этого государства и скрываться на территории иностранных государств»².

Повышенный интерес к вопросам, связанным с проблематикой в сфере совершенствовании межгосударственного сотрудничества по противодействию преступности также обусловлен сложной международной обстановкой и политической напряжённостью во взаимоотношениях с некоторыми государствами, в связи с чем актуальным является вопрос о реализации экстрадиции применительно к отдельным зарубежным государствам. Несмотря на возникающие сложности в решении вопросов международного розыска, всё более актуализируется потребность в поиске путей по укреплению и дальнейшему развитию международных связей в уголовно-процессуальной сфере, совершенствованию межгосударственного сотрудничества по противодействию преступности, что обусловлено необходимостью обеспечения мировой безопасности, безопасности различных субъектов мирового хозяйственно-экономического, общественного пространства.

Одной из наиболее важнейших форм международного сотрудничества выступает уголовно-процессуальный институт экстрадиции (выдачи) лица для уголовного преследования или исполнения приговора. Институт экстрадиции «служит национальным интересам Российской Федерации по

---

¹ Гачава М. Л., Бережок О. А. Особенности правового регулирования выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора // Современное право. 2020. № 8. С. 84.

² Баркалова Е. В., Макогон А. А. Выдача лица для уголовного преследования: актуальные вопросы теории и практики // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 6. С. 3.

противодействию преступности иностранных граждан на своей территории, так и интересам международного сотрудничества по борьбе с преступлениями, представляющими опасность уже для всего мирового сообщества, или по крайней мере для определённого сообщества государств»¹. Е. В. Потапенко обосновал, что «выдача лиц представляет собой комплекс уголовно-процессуальных действий, направленных на розыск, задержание, заключение под стражу и передачу лица иностранному государству или международному судебному органу с целью осуществления уголовного преследования, отправления правосудия или приведения в исполнение вступившего в силу приговора суда»².

Таким образом, институт экстрадиции обеспечивает реализацию принципа неотвратимости привлечения конкретного лица к уголовной ответственности вне зависимости от смены им места проживания, пребывания (дислокации). При этом, по мнению автора, под экстрадицией понимается наднациональный комплексный межотраслевой правовой институт, реализация которого осуществляется компетентными субъектами мирового сообщества посредством согласованной, взаимосвязанной деятельности, направлен на обеспечение национальных интересов государств, выполнение их международных обязательств в сфере международного сотрудничества по борьбе с преступностью, основан на принципах неотвратимости уголовной ответственности и взаимности.

Как следует из данных статистической отчётности, опубликованной на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ежегодно Российской Федерацией выдаётся «порядка тысячи иностранных граждан и лиц без гражданства, запрашиваемых для уголовного преследования либо исполнения приговора»³.

«В 1 квартале 2018 года правоохранительными органами на территории Свердловской области установлено (задержано) 15 лиц, разыскиваемых правоохранительными органами иностранных государств, с целью привлечения к уголовной ответственности либо исполнения назначенного судом наказания. По результатам рассмотрения материалов о выдаче разыскиваемых, установленных на территории Свердловской области в 1 квартале 2018 года, Генеральной прокуратурой Российской Федерации решения о выдаче правоохранительным органам иностранных государств для привлечения к уголовной ответственности либо для исполнения приговора суда приняты в отношении 3 разыскиваемых»⁴.

---

¹ Шурухнова Д. Н. Полицейское сотрудничество в рамках СНГ // Миграционное право. 2017. № 3. С. 24.

² Потапенко Е. В. Выдача лиц в международном уголовном праве // Уголовное право. 2013. №1. С. 60.

³ Интернет-ресурс «Генеральная прокуратура Российской Федерации» [Электронный ресурс] - Режим доступа // URL: <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2023).

⁴ http://midural.ru/normative_documents/100615/100629/page5/document130634 // (дата обращения: 20.09.2023).

В связи с изменением геополитических отношений на международной арене, с начала 2022 года установлено местонахождение 29 лиц, разыскиваемых компетентными органами иностранных государств, из Российской Федерации экстрадированы 16 лиц из данной категории лиц, в отношении одного осуждённого обеспечена его передача в иностранное государство для дальнейшего отбывания назначенного наказания в стране гражданской принадлежности¹.

Анализ актуальной правоприменительной практики, доктринальных разработок об экстрадиции свидетельствует о том, что реализация уголовно-правового института выдачи лиц компетентным органам запрашивающих государств сопровождается упорядоченной системой согласованных действий компетентных государственных органов власти в стране обнаружения и фактического задержания такого лица. Основные вопросы взаимодействия компетентных органов российского государства регламентированы в совместном приказе компетентных российских органов власти², а также в ведомственных организационных актах Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

В большинстве случаев выдаче запрашиваемому государству лица предшествует процедура избрания компетентными органами страны обнаружения и фактического задержания такого лица меры пресечения, наиболее часто применимой из которых является мера пресечения в виде заключения под стражу в соответствии с ч. 2 ст. 97 УПК РФ.

Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, как наиболее строгой меры пресечения, связанной с ограничением свободы, фактически направлено на возможность обеспечения выполнения государством, в котором обнаружено и фактически задержано лицо, запрашиваемое иностранным государством, возложенных на него обязательств международно-правового характера в сфере международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

При этом принятие преимущественно постановлений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 466 УПК РФ) нередко порождает обращения и жалобы лиц, в отношении которых вынесены такие постановления, о защите их прав, свобод и законных интересов в компетентные органы государства.

Из сведений, опубликованных на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, усматривается,

---

¹ Григорьев В. Н., Тарасов М. Ю. Подтверждение российской стороной намерений требовать выдачи (экстрадиции) лица как самостоятельный элемент в системе международного розыска // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 2. С. 11.

² Приказ МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ 971 от 06.10.2006 (ред. от 22.09.2009) «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 20.11.2006. № 47.

что «за последние 5 лет порядка 30 % поступивших жалоб на решение о выдаче лица судами удовлетворяются»¹.

Указанные статистические сведения ставят под сомнение положительную динамику реализации института экстрадиции лиц в части законности и обоснованности выдачи лица запрашиваемому государству, и в части принятия решения об избрании такому лицу меры пресечения.

Из анализа зарубежных источников, иностранных нормативных правовых актов следует, что нормативное правовое регулирование отдельных государств (к примеру, Швейцария, ФРГ) предполагает использование более обдуманного и взвешенного подхода к вопросу об избрании меры пресечения вышеуказанным лицам. Данный подход основан на том, что не предполагается избрание исключительно меры пресечения в виде заключения под стражу в качестве приоритетно реализуемой и превалируемой, не исключается избрание альтернативных мер. Законодательство указанных иностранных государств, тем самым, фактически устанавливает такой правовой механизм защиты прав лиц, в отношении которых избирается мера пресечения, который предоставляет этим лицам наибольший уровень защищённости.

Перечисленные обстоятельства также обуславливают необходимость исследования порядка избрания мер пресечения для обеспечения выдачи лица, запрашиваемого иностранным государством в целях уголовного преследования или исполнения приговора в Российской Федерации и странах Западной Европы, с проведением сравнительно-правового анализа данных правовых институтов в различных государствах.

В настоящее время работа по совершенствованию института экстрадиции не прекращается, несмотря на некоторое осложнение в наднациональных взаимоотношениях между государствами.

В. Н. Григорьев, М. Ю. Тарасов указали, что «в условиях изменившейся в связи с началом специальной военной операции по демилитаризации и денацификации украинских националистов геополитической ситуации стало заметно сложнее решать вопросы международного розыска и выдачи (экстрадиции) скрывшихся за рубежом преступников. Однако они не утратили своей актуальности: объективная необходимость обуславливает элементы рационального поведения наших зарубежных партнеров вопреки политическим предрассудкам»².

Несмотря на состоявшиеся попытки нормативного реформирования института экстрадиции остаются актуальными отдельные вопросы, в том числе вопрос об определении полномочий уголовно-исполнительной инспекции, обеспечивающей исполнение избранной меры пресечения лицу,

¹ Интернет-ресурс «Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.09.2023).

² Григорьев В. Н., Тарасов М. Ю. Подтверждение российской стороной намерения требовать выдачи (экстрадиции) лица как самостоятельный элемент в системе международного розыска // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 2. С. 10.

запрашиваемому иностранным государством для выдачи с позиции предоставления такому лицу возможности реализации предусмотренных действующим российским уголовно-процессуальным законодательством процессуальных прав.

Как показывает анализ действующего законодательства, в настоящее время при реализации избранной национальным судом меры пресечения в виде домашнего ареста лицу, в отношении которого имеется запрос иностранного государства на его выдачу для уголовного преследования или исполнения приговора, у уголовно-исполнительной инспекции имеется усечённый перечень полномочий по осуществлению контроля за исполнением данной меры пресечения.

Так, действующим внутринациональным законодательством каких-либо способов для проверки уголовно-исполнительной инспекцией соблюдения указанным лицом запретов на использование средств связи, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», выхода из жилого помещения в определённые периоды времени, не имеется. Уголовно-исполнительная инспекция не вправе запрашивать (истребовать) от операторов мобильной связи сведения об использовании вышеуказанным лицом средств сотовой связи и Интернет-ресурсов, проводить иные поисковые мероприятия, направленные на подтверждение соблюдения лицом ограничений, наложенных при избранной мере пресечения в виде домашнего ареста, так как данная инспекция не является лицом, осуществляющим уголовное преследование.

Между тем, представляется, что с целью оптимизации контроля за исполнением меры пресечения в виде домашнего ареста имеется целесообразность предоставления полномочий прокурору на истребование соответствующей информации от уполномоченных органов, организаций, должностных лиц о соблюдении лицом, в отношении которого принята указанная мера пресечения, для последующего инициирования перед судом рассмотрения вопроса об изменении меры пресечения на более строгую.

Предоставление таких полномочий прокурору послужит положительной динамикой осуществления им прокурорского надзора за исполнением избранной меры пресечения конкретному лицу, в отношении которого проводится экстрадиционная проверка.

Необходимость повышения тенденции к укреплению взаимосвязи в сфере вопросов международного розыска и выдачи запрашиваемых лиц с поиском наиболее оптимального баланса международного и национального регулирования вопросов выдачи запрашиваемых лиц остаётся актуальным, несмотря на геополитические изменения в общественной жизни мирового сообщества.

Автор полагает, что цель минимизации преступности на транснациональном уровне может быть достигнута при равноправном сотрудничестве компетентных участников мирового сообщества, предполагающем не

только изолированную деятельность отдельного государства, но и координацию его деятельности иными уполномоченными субъектами мирового сообщества.

Конфронтационная модель взаимодействия компетентных участников мирового сообщества не представляется объективно оправданным механизмом, направленным на действительное международное сотрудничество по выдаче (экстрадиции) лица, объявленного в международный розыск.

Полноформатное развитие института экстрадиции, являющегося наднациональным комплексным межотраслевым правовым институтом, может наиболее эффективно осуществляться в отсутствие геополитических рисков, путём преодоления конфронтации взаимоотношений отдельных государств, на основе предоставления на международном и национальном уровне государств достаточного уровня защищённости прав лица, объявленного в международный розыск и в отношении которого проводятся экстрадиционные проверки. Транснациональное развитие института экстрадиции – свидетельство функционирования самого института, его динамичности, повсеместной заинтересованности субъектов мирового сообщества в нём.

УДК 343.1

С. Н. Куницын

Учреждения ФСИН России как объект прокурорского надзора за соблюдением требований закона при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве

Исследование любого явления связано с определением понятийного аппарата. Это правило давно уже стало аксиомой и, наверное, не нуждается в дополнительных доказательствах. Вопрос о терминологии чрезвычайно важен, в том числе при изучении частных вопросов, а также вопросов комплексного характера, где четкость и однозначность используемых терминов во многом определяют ценность полученного результата научного труда.

Одной из таких специфических проблем является правильное определение объекта прокурорского надзора поскольку как справедливо заметила Н.В. Буланова по данному поводу: «объем и характер надзорных полномочий прокурора зависят от объекта надзора»¹. Отсутствие единого понятийного аппарата вносит терминологический хаос в развитие научной

---

¹ См.: Буланова Н. В. Принципы, предмет, объект и пределы прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия // Вестник Академии Генеральной прокуратуры. 2014. № 6 (44). С. 40.

мысли. Правильное представление о соотношении указанных научных терминов, придание им истинного значения необходимо не только для развития науки прокурорского надзора, но и для обеспечения результативности мер прокурорского реагирования.

В качестве объекта прокурорского надзора ученые зачастую указывает законность действий (бездействий) органов, должностных лиц и иных субъектов, в отношении которых прокуратура осуществляет надзорные функции¹, точное исполнение законов поднадзорными органами², соответствие деятельности субъектов правоотношений и принимаемых ими в этой связи правовых актов закону, исполнение государственными органами и их должностными лицами обязанностей по осуществлению контроля над исполнением законов участниками правовых отношений, на которых распространяется их компетенция³, процессуальные действия и процессуальная деятельность в целом во всех ее связях⁴ и т.д. Ряд авторов производит полное отождествление предмета и объекта прокурорского надзора⁵, есть точки зрения о соотношении их как части и целого⁶. При этом каждый из них сформирован на основе положений действующего в определенный период отечественного законодательства и теоретических положений науки прокурорского надзора.

Согласиться с указанными точками зрения не представляется возможным, поскольку под объектом во всех отраслях научного знания традиционно понимают «то, что существует вне нас и независимо от нас; внешний мир, действительность, на которые направлена предметно-практическая и познавательная деятельность субъекта»⁷ либо указывают, что это «философская категория, выражающая то, что противостоит объекту в его предметно-практической и познавательной деятельности, т.е. внешний мир, действительность, то, что существует вне нас и независимо от нас. В качестве объекта может выступать и сам субъект. 2. Явление, предмет, лицо, на которое направлена чья-либо деятельность, чье-то внимание и т. п.»⁸.

¹ См.: Бровин Г. И. Характеристика прокурорско-надзорных отношений // Проблемы прокурорского надзора. М., 1972. С. 59.

² См.: Спиридонов Б. М. Значение понятия отрасли прокурорского надзора для теории и практики // Проблемы прокурорского надзора. М., 1972. С. 53—54.

³ См.: Клочков В. В. Деятельность прокуратуры: типология, классификация // Прокуратура. Законность. Государственный контроль. М., 1995. С. 31; Гельдибаев М. Х., Огородников А. А. Прокурорский надзор. СПб, 2002. С. 97.

⁴ См.: Чеканов В. Я. Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве. Саратов. 1972. С. 83.

⁵ См., например: Бурмистров К. Д. О некоторых проблемах прокурорского надзора как формы государственной деятельности // Проблемы прокурорского надзора. М., 1972. С. 43; Коробейников Б. В. Предупреждение преступлений в народном хозяйстве методами общего надзора прокуратуры // Проблемы прокурорского надзора. М., 1972. С. 139; Хомовский А. А. Методы обеспечения исполнения законов и понятие высшего надзора // Проблемы прокурорского надзора. М., 1972. С. 105; Бровин Г. И., Михайлов В. Т. Прокурорский надзор за законностью исполнения приговора. М., 1977. С. 6—7; Новиков С. Г. К вопросу о законодательном регулировании прокурорского надзора в СССР // Сборник научных трудов. М., 1978. С. 26—27 и др.

⁶ См.: Даев В. Г., Маршунов М. Н. Основы теории прокурорского надзора. Л., 1990. С. 63.

⁷ См.: Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. С. 958.

⁸ См.: Толково-энциклопедический словарь. – СПб.: «Норинт», 2006. – 2144 с. С. 1221.

Таким образом, объектом прокурорского надзора, как вида познавательной деятельности человека, будет выступать то, на что направлено его изучение, что противостоит ему, является объектом его внимания.

Учитывая, что одним из качеств объекта познания выступает, как указано выше, отсутствие зависимости от изучающего, то объектом не может являться деятельность поднадзорных органов и должностных лиц либо соответствие закону тех или иных их действий (бездействий) либо решений, т.к. во многом это является оценочной категорией.

Обосновывая аналогичную точку зрения с других позиций В. Г. Даев и М. Н. Маршунов писали, что объектом прокурорского надзора не может быть деятельность поднадзорных органов во всех ее аспектах, так как в противном случае произошла бы подмена надзора контролем, который, как известно, не свойственен прокуратуре и противоречит сущности прокурорского надзора¹.

Однако, нельзя и согласиться с делаемым ими выводом о том, что объектом прокурорского надзора является законность² поскольку как будет показано дальше законность является предметом прокурорского надзора.

Утверждение же о тождественности понятий предмет и объект прокурорского надзора противоречит логике, поскольку нельзя одно и то же явление обозначать с помощью разных терминов, игнорируя их смысловое значение.

Учитывая ранее приведенное нами понимания объекта, как-то, на что направлено внимание познающего субъекта, думается, что объектом прокурорского надзора, как определенного вида познавательной деятельности человека, должно являться именно то, на что направлено его изучение, что противостоит ему. Подобное понимание термина «объект» соответствует семантике слова³.

По приведенным выше основаниям, полагаем обоснованным отнесение к объекту прокурорского надзора федеральных органов исполнительной власти, Следственного комитета Российской Федерации, представительных (законодательных) и исполнительных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, органов военного управления, органов контроля, их должностных лиц, субъектов осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, органов управления и руководителей коммерческих и некоммерческих организаций, а применительно к надзору за процессуальной деятельностью – органов и должностных лиц, наделенных

¹ См.: Даев В. Г., Маршунов М. Н. Основы теории прокурорского надзора. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 63.

² Там же.

³ См. напр.: Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. С. 958; Толково-энциклопедический словарь. – СПб.: «Норинт», 2006. – 2144 с. С. 1221. и др.

правом производства уголовно-процессуальной деятельности. К подобным же выводам приходили и авторы других исследований¹.

Принимая во внимание вышеизложенное можно сделать вывод о том, что объектом прокурорского надзора признаются органы и учреждения уголовно-исполнительной системы России.

Указом Президента России от 08 октября 1997 № 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации»² и Федеральным законом от 21 июля 1998 № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы»³ изменена ведомственная принадлежность уголовно-исполнительной системы путем выведения из состава Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее по тексту – МВД РФ) и подчинения Министерству юстиции Российской Федерации (далее по тексту — Минюст России). Указанные изменения завершили более чем 60-ти летний период существования и развития исправительных учреждений в системе органов внутренних дел⁴. Отметим, что ФСИН России является правопреемником Главного управления исполнения наказаний Минюста России.

В соответствии со структурой федеральных органов исполнительной власти, утвержденной Указом Президента России от 12 мая 2008 № 724⁵, ФСИН России подведомственна Минюсту России, входящего в группу федеральных министерств, руководство деятельностью которых осуществляет глава государства.

В пункте 1 Указа Президента России от 13 октября 2004 № 1314 установлено, что ФСИН России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим: правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, функции по содержанию лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию, а также функции по контролю за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, и по контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения

---

¹ См.: Калинин В. Н. и др. Прокурорский надзор: учебное пособие. М.: ООО «Издательство «Элит», 2007. С. 33, Винокуров Ю. Е. и др. Прокурорский надзор: учебник. М.: Юрайт-М, 2001. С.13. Гаврилов В. В. Сущность прокурорского надзора в СССР. С. 58. Горский В. Г. Прокурорский надзор в Российской Федерации : курс лекций / В. Г. Горский. - Воронеж: Науч.кн., 2004. С. 15 и др.

² См.: О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 08 октября 1997 № 1100 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 41. Ст. 4683.

³ См.: Там же. 1998. 29 июля.

⁴ Более подробно по этому вопросу смотри : Уголовно-исполнительная система. 130 лет. // Под ред. С. Х. Шамсунова, М., 2009. С. 234.

⁵ Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 12 мая 2008 № 724 в ред. от 23 ноября 2016 // СЗ РФ. № 20. Ст. 2290.

меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений¹.

В этом же Положении определено, что ФСИН России возглавляет Директор, назначаемый на должность и освобождаемый от должности Президентом России по представлению Председателя Правительства РФ. Директор имеет заместителей, назначаемых на должность и освобождаемых от должности в том же порядке, что и он.

На директора, в числе прочих возложены полномочия по утверждению положений о территориальных органах ФСИН России, их типовых структур и типовых штатных расписаний. Территориальные органы уголовно-исполнительной системы представлены в лице аппаратов территориальных органов УИС (ГУФСИН, УФСИН, ОФСИН) во главе с их начальниками.

Основные задачи ФСИН России определены в пункте 2 данного подзаконного нормативного правового акта. Одной из них является обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторах, обеспечение безопасности содержащихся в них осужденных, лиц, содержащихся под стражей, а также работников уголовно-исполнительной системы, должностных лиц и граждан, находящихся на территориях этих учреждений и следственных изоляторов.

ФСИН России наделена соответствующими полномочиями, которые напрямую не связаны с исполнением уголовных наказаний, но обеспечивающих нормальное функционирование пенитенциарных учреждений, способствующих достижению целей уголовного наказания.

К числу наиболее значимых полномочий, предоставленных ФСИН России в этой области, относятся полномочия в уголовно-процессуальной сфере. По мнению А. А. Крымова, которое мы разделяем, последние проявляются: в деятельности, осуществляемой на стадии возбуждения конкретного уголовного дела, при производстве неотложных следственных действий, реализации полномочий в стадии исполнения приговора, а также по передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государство их гражданской принадлежности².

Подобный набор уголовно-процессуальных функций не характерен ни для одного из других правоохранительных органов. Получается, что ФСИН России, с одной стороны, наделена уникальными полномочиями в уголовно-процессуальной сфере, которых лишены другие правоохранительные органы, как то участие в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговоров, особый характер полномочий в сфере международного сотрудничества, с другой стороны, усеченный набор полномочий в стадии

---

¹ См.: Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний : указ Президента РФ от 13 октября 2004 № 1314 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 42. Ст. 4109.

² См.: Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2015. С. 93.

возбуждения уголовного дела и отсутствие самостоятельной подследственности. Все это создает некоторые особенности функционирования и предопределяет специфику при определении данного правоохранительного органа как объекта прокурорского надзора.

Вместе с тем, действующий УПК РФ совершенно не упоминает ФСИН России, ее учреждения, а также органы.

В УПК РФ встречается лишь однократное упоминание термина «места лишения свободы», но только применительно к праву потерпевшего получать сведения о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы (п. 21.1 ст. 42 УПК РФ).

Термин «исправительное учреждение» используется чуть в большем количестве статей УПК РФ. А именно: при регламентации вопросов постановки приговора (ст.ст. 299, 308, УПК РФ) и при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора (ст. 397 УПК РФ), т. е. за пределами стадии досудебного производства. Поэтому при характеристике процессуальной деятельности в досудебной стадии данного субъекта указанный термин нами также не может использоваться.

Кроме того, используется такой специфичный термин как уголовно-исполнительная система (далее по тексту — УИС), который в УПК РФ употребляется четыре раза: указывая на подследственность уголовных дел в случае совершения преступлений сотрудником УИС (ст. 151 УПК РФ), при наделении начальника органа и учреждения УИС правом проведения неотложных следственных действий (п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ), регламентируя порядок обращения к исполнению судебных решений (ч. 2.1 ст. 393 УПК РФ) и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора (п. 3 ч. 1 ст. 399 УПК РФ).

В первом случае сотрудники органов и учреждений УИС выступают в качестве объекта уголовного преследования и их правовой статус аналогичен иным лицам, выступающим в качестве подозреваемого, обвиняемого или подсудимого.

Участие должностных лиц УИС при исполнении судебных решений и разрешении вопросов, связанных с их исполнением выходит за пределы досудебного производства и в связи с чем, предметом нашего исследования не является.

Регламентируя полномочия, указанные в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ законодатель использовал термин «уголовно-исполнительная система», не давая его определения.

На недостатки конструирования термина УИС указывал ряд авторов¹, не предлагая вариантов по исправлению ситуации. По этой причине представляется целесообразным проанализировать данный термин.

---

¹ См.: Антипов А. Н., Первозванский В. Б., Строгович Ю. Н. К вопросу об основных понятиях и терминах уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 6. С. 3—6.

К сожалению, на сегодняшний день Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации не содержит официального определения УИС. Однако сам термин «уголовно-исполнительная система» употребляется в ряде нормативно-правовых актах. В частности, несмотря на использование данного словосочетания в Уголовно-исполнительном кодексе РФ (далее по тексту — УИК РФ) более двадцати раз, последний не дает легального определения термина «уголовно-исполнительная система».

Использование таких сочетаний как «федеральный орган уголовно-исполнительной системы» (ч. 4.1 ст. 14, ч. 2, 3 ст. 81 УИК РФ), «вышестоящие органы уголовно-исполнительной системы» (ч. 4 ст. 15 УИК РФ), «оперативные подразделения уголовно-исполнительной системы» (ч. 2 ст. 18.1 УИК РФ), «вышестоящие органы управления уголовно-исполнительной системы» (ч. 2 ст. 60.1 УИК РФ), «территориальный орган уголовно-исполнительной системы» (ч. 2 ст. 60.2, ч. 3 ст. 85 УИК РФ), «лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы» (ч. 1 ст. 99, ч. 5 ст. 118 УИК РФ), «федеральных государственных унитарных предприятиях уголовно-исполнительной системы» (ч. 1 ст. 103 УИК РФ), а также «учреждения уголовно-исполнительной системы» (ч. 14 ст. 16 УИК РФ) применительно к уголовно-исполнительным инспекциям, исправительным центрам, арестным домам, колониям-поселениям, воспитательным колониям, лечебным исправительным учреждениям, исправительным колониям разного вида режимов и тюрьмам позволяют заключить, что указанный термин сопоставим с системой Федеральной службы исполнения наказаний России, осуществляющей правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных¹.

В статье 5 Закона РФ от 21 июля 1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»² (далее - Закон об учреждениях и органах), устанавливается следующая структура УИС России:

- учреждения, исполняющие наказания;
- территориальные органы уголовно-исполнительной системы;
- федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных.

Учитывая, что предметом нашего исследования является надзор за уголовно-процессуальной деятельностью, осуществляемой должностными лицами исправительных учреждений на досудебной стадии уголовного процесса, представляется нецелесообразным подвергать анализу органы УИС,

---

¹ См.: п. 1 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утв. Указом Президента РФ от 13 октября 2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 42. Ст. 4109.

² См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 19 августа 1993. № 33. Ст. 1316.

относящиеся к территориальным органам и федеральным органам исполнительной власти, возглавляющим структуру УИС.

В то же самое время, четко определить перечень учреждений, исполняющих наказания путем анализа нормативного материала довольно затруднительно.

Так, ст. 6 Закона об учреждениях и органах для определения видов, учреждений, исполняющих наказания отсылает к УИК РФ, в котором, в ст. 16, в данном качестве приводятся следующие: судебные приставы-исполнители по месту жительства (работы) осужденного (часть 1); уголовно-исполнительные инспекции (части 2, 4, 5, 7); администрации организаций, в которых работает осужденный (часть 2); органы, правомочные в соответствии с законом аннулировать разрешение на занятие определенными видами деятельности (часть 2); суд, вынесший приговор (часть 3); должностные лица, присвоившие звание, классный чин или наградившим государственной наградой (часть 3); исправительный центр (часть 7.1); арестный дом (часть 8); колонии различных видов, лечебные исправительные учреждения, следственные изоляторы в отношении лиц, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию (части 9—11); органы военной полиции и командование воинских частей (часть 12).

Очевидно, что суды, относящиеся к иной ветви власти, подразделения Федеральной службы судебных приставов, Министерства обороны Российской Федерации или организации и должностные лица различной ведомственной подчиненности, не отнесенные к ФСИН России, не могут быть частью уголовно-исполнительной системы.

Об этом прямо сказано в части 14 вышеуказанной статьи, которая относит к учреждениям УИС лишь уголовно-исполнительные инспекции, исправительные центры, арестные дома, колонии различных видов, лечебные исправительные учреждения, следственные изоляторы, исполняющие наказание в виде лишения свободы в отношении лиц, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

К выводу о необходимости включения в уголовно-исполнительную систему указанных выше учреждений приводит анализ и иных нормативных правовых актов. Например, в ст. 23.1 ФЗ от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹ к учреждениям УИС отнесены следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции.

В то же самое время, ч. 14 ст. 16 УИК РФ, устанавливающая исчерпывающий перечень учреждений УИС, находится в противоречии со ст. 5 Закона об учреждениях и органах. В данной статье указано, что в УИС по решению Правительства РФ могут входить следственные изоляторы, предприятия, специально созданные для обеспечения деятельности УИС,

---

¹ См.: СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

научно-исследовательские, проектные, медицинские, образовательные и иные организации.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 01 февраля 2000 г. № 89 «Об утверждении перечня видов предприятий, учреждений и организаций, входящих в уголовно-исполнительную систему»¹ в УИС России включены: базы материально-технического и военного снабжения, управления строительства, центральные ремонтно-механические мастерские и ремонтно-эксплуатационные предприятия, межрегиональные ремонтно-восстановительные базы, центры инженерно-технического обеспечения, центральный узел связи, автомобильные и железнодорожные хозяйства, жилищно-коммунальные хозяйства, подразделения технического надзора, лаборатории, а также иные учреждения деятельности, которых носит вспомогательный характер.

Исходя из вышеуказанного следует, что начальники всех вышеперечисленных учреждений наделены процессуальными полномочиями по приему, регистрации, рассмотрению и разрешению сообщений о преступлениях, в том числе и правом возбуждать уголовные дела и производить неотложные следственные действия.

Однако, подобное утверждение не находит своего подтверждения ни в действующем тематическом подзаконном нормативном правовом акте, регулирующем данную сферу правоотношений, ни в складывающийся на его основе правоприменительной практике.

Если обратиться п. 2 Инструкции № 250, в которой перечислены лица, уполномоченные осуществлять регистрацию заявлений и сообщений в учреждениях и органах УИС, то в нем содержится исчерпывающий перечень и в нем указаны оперативные дежурные ФСИН России, оперативные дежурные по территориальным органам УИС, оперативные дежурные по колониям, дежурные помощники начальников следственных изоляторов, дежурные помощники начальников тюрем.

Ретроспективный анализ подзаконных нормативно-правовых актов, позволяет утверждать, что такой же перечень лиц, уполномоченных осуществлять процессуальные полномочия, был предусмотрен и ранее действовавшей Инструкцией о порядке приема, регистрации, учета и разрешения в органах уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации заявлений, явок с повинной, сообщений о совершенном или готовящемся преступлении, а также информации об иных происшествиях» (далее – приказ № 170)². Следовательно, подобный перечень учреждений, должностные лица которых наделены уголовно-процессуальной компетенцией является характерным для отечественного правопорядка и подтверждается определенной исторической преемственностью.

---

¹ См.: СЗ РФ. 2000. № 6. Ст. 769.

² См.: приказ Минюста России от 27.06.2002 № 170 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации, учета и разрешения в органах уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации заявлений, явок с повинной, сообщений о совершенном или готовящемся преступлении, а также информации о иных происшествиях»

Имеющееся противоречие между основополагающим в сфере процессуальной деятельности ФСИН России подзаконным нормативным правовым актом и кодифицированным законом федерального уровня, не позволяет конкретизировать субъектный состав процессуальной деятельности органов и учреждений УИС и, как следствие, точно обозначить надлежащий объект прокурорского надзора.

Применительно к уголовно-процессуальному законодательству данное положение неприемлемо, поскольку как указал в этой связи Пленум Верховного суда РФ в своем постановлении от 31 октября 1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»¹, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если их собирали и закрепляли ненадлежащие лицо или орган.

Очевидно, что относимость учреждений УИС России к объектам прокурорского надзора за законностью осуществления процессуальной деятельности напрямую будет связано с возможностью осуществления уголовно-процессуальной деятельности. В связи с чем, для выделения учреждений, которые будут относиться к объектам прокурорского надзора в данной области, следует выяснить какие из них обладают процессуальными полномочиями.

То, что Инструкция № 250 не указывает уголовно-исполнительные инспекции, исправительные центры, арестные дома и иные учреждения УИС, деятельность которых носит обеспечительный характер, в качестве субъектов процессуальной деятельности имеет свое объяснение в том, что характер выполняемых ими функций, вызванные этим особенности их организации и деятельности отличны от характеристик, присущих учреждениям, которые обеспечивают изоляцию от общества.

Представляется, что именно полномочие по исполнению уголовных наказаний, которые связаны с изоляцией от общества либо содержанию под стражей обуславливают специфику условий, определяющих особенности процессуальной деятельности в данных учреждениях, так и необходимость предоставления им процессуальных полномочий.

Думается, что все учреждения, обеспечивающие изоляцию от общества, обладают специфическими чертами, ставшими причиной наделения их начальников процессуальными полномочиями. Данные признаки можно разделить на две условные группы: объективные и субъективные.

К объективным признакам можно отнести те, которые отражены в материальной составляющей и являются результатом человеческих усилий, а субъективным – обстоятельства, отраженные в сознании людей и значение которых заключается в регулировании поведения лиц, вовлеченных по той или иной причине в процессуальную деятельность, осуществляемую в местах лишения свободы, а также характеристики осужденных, как особой социальной группы населения.

---

¹ См.: Российская газета. № 247. 28 декабря 1995.

В свою очередь, к материальным условиям относятся внешние условия существования и функционирования исправительных учреждений.

Место лишения свободы расположено, как правило, в значительной удаленности от правоохранительных органов, что зачастую приводит к несвоевременному вступлению должностного лица в уголовный процесс.

Так, в ходе проведенного А. М. Лютынским и Р. М. Морозовым обобщения судебной практики расследования побегов из исправительных учреждений установлено, что производство первоначальных следственных действий (например, осмотров места происшествия) следователями и дознавателями ОВД приводит к безвозвратной утрате доказательств, поскольку на их привлечение требуется продолжительный период времени¹.

Это обуславливает необходимость сокращения интервала времени, образующегося между обнаружением признаков преступления и началом проведения первоначальных следственных и иных процессуальных действий, что при условии отдаленности приводит к необходимости их проведения сотрудниками соответствующего учреждения, которые способны их произвести с минимальными временными затратами.

Кроме того, места лишения свободы локализованы в четко очерченном пространстве и имеют охраняемую и режимную территорию.

Данное обстоятельство также влияет на протекание процессуальной деятельности, поскольку как отметил В. А. Иванов, немедленный выезд органов дознания на место происшествия не всегда означает своевременный его осмотр. Если без ущерба для расследования следы происшествия могут быть сохранены, осмотр может быть проведен более квалифицированными силами – следователем, который будет вести предварительное следствие, в лучших условиях освещения, с участием необходимых специалистов, оснащенных техническими средствами осмотра. Если по природным или иным условиям замедление с осмотром может привести к утрате следов преступления и воспрепятствует немедленному разворачиванию расследования, органы дознания проводят этот осмотр². Однако, данная рекомендация трудно реализуема в местах лишения свободы даже при расположении исправительных учреждений в непосредственной близости от следственных служб, т.к., как отмечалось М. А. Петуховским, на относительно небольших территории или помещении ИТУ размещается значительное число осужденных, постоянно существует опасность умышленного или неосторожного изменения первоначальной обстановки³.

Охраняемая территория обозначена инженерными сооружениями и представляет собой собственно территорию исправительного учреждения.

¹ См.: Лютынский А. М., Морозов Р. М. Некоторые вопросы практики расследования побегов из исправительных учреждений ФСИН России // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 364.

² См.: Иванов В. А. Дознание в советском уголовном процессе. Ленинград. 1966. С. 25.

³ См.: Петуховский М. А. Расследование действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений. Караганда. 1980. С. 26.

Режимная территория устанавливается территориальным органом уголовно-исполнительной системы по согласованию с органом местного самоуправления муниципального района либо органом местного самоуправления городского округа¹.

Правильное определение пределов исправительных учреждений имеет большое значение, поскольку именно с ними закон в отдельных случаях связывает границы процессуальных полномочий органов дознания ФСИН.

Территория места лишения свободы характеризуется признаком охраняемости. Охрана мест лишения свободы осуществляется специальными подразделениями УИС, создаваемыми для этих целей при учреждениях, исполняющих наказания и в соответствии со специальными правилами². На режимной территории организуется патрулирование, установлены определенные ограничения, связанные с нахождением граждан, проездом автотранспорта, размещением объектов строительства и инфраструктуры и т. п.

Как на охраняемой, так и режимной территориях действует особый правовой режим, связанный с порядком допуска на нее, правил нахождения, покидания, использования вещей и предметов. Указанные правила разнятся в зависимости от правового статуса лица (осужденный, сотрудник ИУ, представитель проверяющих (надзорных) инстанций, лицо, оказывающее юридическую помощь, производящее предварительное расследование и т. д.), вида исправительного учреждения³.

В числе субъективных условий можно выделить два уровня регулирования поведения: официальный и неофициальный.

Официальный уровень регулирования процессуальной деятельности в местах лишения свободы будет представлен нормами уголовно-процессуального закона и общепризнанными принципами и нормами международного права и международных договоров Российской Федерации.

Отдельные ученые справедливо отмечают, что при проведении следственных действий нельзя не учитывать и положения норм уголовно-исполнительного кодекса, правил внутреннего распорядка и иных нормативных актов, определяющих порядок функционирования мест лишения свободы⁴.

¹ См.: Российская газета. № 201. 12 сентября 2007.

² См.: Инструкция по охране исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы России, утв. приказом Минюста РФ от 15.02.2006 № 21.

³ См., напр.: Рогозин С. В. Особенности назначения и исполнения лишения свободы в тюрьме: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 234 с.; Алексеев С. Б. Правовое положение несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. 174 с.; Кубасов А. В. Обеспечение принципа законности в исправительных колониях общего и строгого режимов: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 253 с.; Михеева С. В. Правовое положение осужденных, содержащихся в исправительных колониях особого режима: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. 185 с. и др.

⁴ См.: Джансараева Р. Правовой, этический и психологический аспекты тактики следственных действий при расследовании преступлений в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 2. С. 38.

Вышеуказанные нормативные акты являются общедоступными. Лицу, осуществляющему процессуальную деятельность по фактам происшествий в местах лишения свободы, следует их знать, чтобы не допускать их нарушения и тем ставить под угрозу не только результаты расследования, но и безопасность функционирования пенитенциарного учреждения. Однако, лицу, не связанному с уголовно-исполнительной сферой, их изучение и успешное использование является довольно затруднительным на первоначальном этапе. В связи с чем, данное обстоятельство требует специализации подразделений дознания по делам данной категории, а более предпочтительно — специально созданное, которыми и являются органы дознания УИС.

Неофициальный уровень регулирования в местах лишения свободы порой играет не менее важную роль, чем официальные регуляторы.

В полной мере данные условия проявляются лишь применительно к учреждениям, которые обеспечивают изоляцию от общества, что и предопределило наделение данных учреждений процессуальной компетенцией.

Нами сознательно не употребляется словосочетание «лишение свободы» поскольку начальники следственных изоляторов, наделенные процессуальной функцией в досудебном производстве, исполняют наказание в виде лишения свободы лишь в отношении небольшой категории осужденных, оставленных для выполнения хозяйственных работ. В отношении же основной массы содержащихся в следственных изоляторах лиц ими исполняется функция содержания под стражей, т.е. обеспечивается изоляция от общества.

Положения Инструкции № 250 к субъектам процессуальной деятельности исправительные центры, действующие в нашей стране с 01 января 2017 года, и арестные дома, создание которых предусмотрено уголовно-исполнительным законодательством, обеспечивают изоляцию от общества не относят.

Причиной этого является то, что арестные дома до настоящего момента не созданы, а исправительные центры созданы относительно недавно и соответствующие изменения в ведомственный нормативный правовой акт не внесены.

Очевидно, что по мере функционирования данных учреждений вопрос о праве на осуществление ими процессуальной деятельности будет решен положительно, в том числе, и путем внесения соответствующих изменений и дополнений в ведомственный нормативный правовой акт, регламентирующий вопросы приема, регистрации, проверки и рассмотрения сообщений о преступлениях. Поскольку, с одной стороны, начальники данных учреждений в настоящий момент наделены процессуальной компетенцией в силу положений п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, другой стороны — особый характер их деятельности, связанный с осуществлением изоляции от общества

создает запрос на подобный вид деятельности в процессе повседневного функционирования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на то, что уголовно-процессуальным законодательством России процессуальными полномочиями наделены начальники всех учреждений УИС, в том числе уголовно-исполнительные инспекции и учреждения, деятельность которых носит вспомогательный характер, не все осуществляют данную деятельность фактически поскольку это не предусмотрено ведомственным документом, раскрывающим положения уголовно-процессуального закона. Кроме того, реализация данными субъектами своих процессуальных полномочий не целесообразно с практической точки зрения.

В связи с чем, требуется конкретизировать список начальников учреждений УИС России, наделенных процессуальной компетенцией, ограничив его учреждениями, обеспечивающими изоляцию от общества, т. е. исполняющими уголовные наказания в виде лишения свободы, исправительных работ, арестов и производящие содержание под стражей.

Таким образом, можно утверждать, что только начальники исправительных колоний, тюрем, исправительных центров, арестных домов и следственных изоляторов наделены уголовно-процессуальными полномочиями и вправе осуществлять предоставленную им функцию в уголовном судопроизводстве. В этот список следует также внести начальников лечебно-профилактических учреждений (больницы, специальные психиатрические и туберкулезные больницы) и лечебных исправительных учреждений, которые исполняют в отношении находящихся в них лиц функции исправительного учреждения или следственного изолятора.

Несмотря на то, что нами выделен признак, по наличию которого происходит и целесообразно наделение процессуальной компетенцией в системе учреждений, исполняющих уголовные наказания – обеспечение изоляции от общества, использовать его вряд ли было бы правильным. Причина эта заключается в том, что данный понятие не имеет законодательного закрепления и использование его создаст затруднения на практике.

Таким образом, приходим к следующим теоретическим выводам и рекомендациям по совершенствованию действующего законодательства.

Субъектом процессуальной деятельности в УИС России, а соответственно и объектом прокурорского надзора в данной сфере, являются начальники учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, исправительных работ, ареста и производящих содержание под стражей, т. е. исправительных центров, арестных домов, колоний-поселений, воспитательных колоний, лечебных и лечебно-исправительных учреждений, исправительных колоний общего, строгого, особого режима, тюрем и следственных изоляторов.

Объектами прокурорского надзора уголовно-исполнительные инспекции, учреждения УИС вспомогательного характера субъектами процессуальной деятельности не являются.

Участвуя в исполнении уголовных наказаний и исполняя функцию контроля по отношению к учреждениям, начальники которых наделены процессуальными полномочиями, территориальные органы ФСИН России и ФСИН России также будут являться субъектами процессуальной деятельности, а, следовательно, и объектами прокурорского надзора.

С учетом сделанных нами выводов представляется целесообразным внести изменения в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, заменив слова «учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» на: «учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, исправительных работ, ареста и производящих содержание под стражей, а также органов уголовно-исполнительной системы».

Аналогичные изменения следует внести и в п. 2 Инструкции № 250 в части перечисления субъектов, должностные лица которых уполномочены производить прием и регистрацию сообщений и заявлений о преступлениях.

Отметим, что учреждение, как система не может непосредственно осуществлять какие-либо действия, принимать юридически-значимые решения. Это может сделать только конкретное физическое лицо или лица, обеспечивающие работу данного коллективного образования.

Любое учреждение уголовно-исполнительной системы представляет собой систему различных служб. Указанные службы исправительного учреждения решают широкий спектр стоящих перед ними задач: от осуществления оперативно-розыскных действий и процессуальной деятельности, надзора за осужденными и проведения воспитательной работы с ними до производственной, а также множество служб обеспечительного характера (кадровые подразделения, отделы маркетинга, бухгалтерия и т. д.).

Подобная сложная организационная структура характерна и для других правоохранительных органов¹, и не является чем-то уникальным для исправительных учреждений.

Спецификой учреждений УИС, наделенных правом осуществления процессуальной деятельности, является то, что в настоящий момент в них отсутствуют структуры или должностные лица, для которых процессуальная деятельность является основной.

Стоит отметить, что отсутствие специализированных подразделений дознания не является чем-то необычным в системе отечественных правоохранительных органов. Даже беглого взгляда на перечни органов, которые

---

¹ См., напр.: Левинова Т. А. Начальник органа дознания в зеркале организационно-практических проблем // Российская юстиция. 2014. № 5. С. 23; Зимин Р. В. Понятие и виды содействия, оказываемого органами дознания следователю // Некоторые вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел в современных условиях: Сб. тр. адъюнктов и соискателей. М., 2006. С. 72—85 и др.

в разные исторические периоды жизни нашей страны относились к органам дознания очевидно, что к данным органам наряду с традиционно относимым к правоохранительным (полиция, милиция, начальники пенитенциарных учреждений, таможенные органы и др.) относились и те, которые к правоохранительной деятельности имеют лишь касательное отношение (органы пожарной охраны) либо не имеют вовсе (начальники геологоразведочных экспедиций). Из этого следует, что процессуальная деятельность для многих органов является не основной, а дополнительной формой деятельности.

Как писал по данному поводу В. А. Иванов: «Для органов дознания основная сфера их деятельности носит административно-правовой характер. Их первоочередной обязанностью является предупреждение и пресечение преступлений. Расследование преступлений (дознание в процессуальном смысле этого слова¹) является весьма важным и действенным, но дополнительным средством в деле укрепления социалистической дисциплины, охраны общественного порядка, государственной безопасности и борьбы с преступностью»².

Любопытно, что п. 2.3 ранее действовавшего приказа № 170 предусматривалось введение в штаты учреждений и органов УИС должностей дознавателей. До их введения выполнение соответствующих функций предписывалось возложить на сотрудников оперативно-режимных служб. Однако, появление подобной фигуры в структуре исправительных учреждений так и не произошло. А в ныне действующую Инструкцию № 250 данное положение не было включено.

Вопрос о правильном определении должностных лиц органов дознания, в том числе и в системе органов ФСИН России, представляется важным и значимым, в первую очередь, с точки зрения практической реализации полномочий органа дознания и осуществления надзора за их деятельностью в данной области.

Поэтому требуется дополнительный анализ законодательства с тем, чтобы установить в структуре учреждений УИС субъекта, наделенного правом осуществлять процессуальную деятельность, и, как следствие, являющегося объектом прокурорского надзора.

Нельзя в полной мере согласиться с мнением О. А. Малышевой процессуальная форма участия ФСИН России в уголовно-процессуальной деятельности конкретизирована в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ³.

В результате проведенного анализа материалов проверок, проводимых в исправительных учреждениях, можно сделать вывод об отсутствии

---

¹ Стоит отметить, что на момент написания указанных строк В.А. Ивановым в понятие дознания наряду с производством предварительного расследования в соответствующий форме входило также и производство неотложных следственных действий, которые в настоящий момент к дознанию не относятся.

² См.: Иванов В. А. Указ. соч. С. 7.

³ См.: Малышева О. А. Система органов дознания нуждается в совершенствовании правовой основы ее построения // Юридический мир. 2010. № 3. С. 40—42.

случаев непосредственно осуществления начальниками исправительных учреждений процессуальных проверок или проведения проверочных мероприятий. Указанные полномочия осуществляются по их поручению подчиненными сотрудниками. Из последнего усматривается, что процессуальное положение начальника учреждения ближе к процессуальному положению начальнику органа дознания.

В целях точного определения субъекта процессуальной деятельности в системе исполнения уголовных наказаний следует обратиться к положениям ст. 40 УПК РФ, где к органам дознания отнесены органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности (далее по тексту — ОРД).

Статья 13 Закона об ОРД содержит перечень из шести органов, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Согласно указанной норме к числу данных органов отнесены, в том числе и *оперативные подразделения Федеральной службы исполнения наказаний России*.

Частью 2 ст. 84 УИК РФ правом на осуществление оперативно-розыскной деятельности наделены *оперативные аппараты исправительных учреждений*, а также другие уполномоченные на то органы в пределах их компетенции.

Пунктом 2 ст. 14 Закона об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, правом на осуществление оперативно-розыскной деятельности наделены *учреждения*, исполняющие соответствующий вид наказания.

Абзацем 7 статьи 34 Федерального закона от 15 июля 1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусмотрено в *местах содержания под стражей* проведение оперативно-розыскные мероприятия в порядке, предусмотренном законом, в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений.

Каждая из приведенных норм изложена в нормативном акте, имеющем статус федерального закона и, следовательно, применима к п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ.

Стоит однако отметить, что предоставление полномочий органов дознания по признаку наличия полномочий по осуществлению ОРД обосновано подвергается критике¹. Вместе с тем, учитывая законодательные положения, изложенные в ч. 1 ст. 40 УПК РФ, следует опираться на данный признак, как единственно предоставленный законодателем.

Нельзя не заметить того обстоятельства, что как и в случае с перечнем лиц и органов, правомочных, согласно Инструкции № 250 осуществлять процессуальные полномочия, оперативно-розыскной компетенцией

---

¹ См., напр.: Горяинов К. К., Александрова О. П. Дознание в уголовно-исполнительной системе: проблемы и решения // Российский следователь. 2006. № 7. С. 48; Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1998. С. 14; Мусейбов У. А. Понятие, признаки и система органов дознания // Научный портал МВД России. 2012. № 2. С. 18 и др.

наделены лишь те учреждения и органы, которые непосредственно осуществляют исполнение наказания в виде лишения свободы либо содержание под стражей, т. е. обеспечивающие изоляцию, а также органы руководящие данными учреждениями. Подобное совпадение не случайно. Поскольку предоставление права на осуществление оперативно-розыскной деятельности вызвано теми же причинами, что наделение процессуальными полномочиями, о чем говорилось выше.

Сложно согласиться с мнением А. А. Крымова, полагающего возможным осуществление оперативно-розыскной деятельности уголовно-исполнительными инспекциями¹, поскольку это прямо противоречит положениям ведомственных нормативных правовых актов в данной области, а также ст. 18.1 УИК РФ, которая закрепляет за ними право на осуществление первоначальных розыскных действий, которые не равны оперативно-розыскной деятельности.

Возникает вполне закономерный вопрос относительно того кто из вышеуказанных субъектов является органом дознания — Федеральная служба исполнения наказаний в целом, учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы или оперативные аппараты исправительных учреждений.

В литературе высказывались различные мнения по данному поводу. К примеру, К. К. Горяинов и О. П. Александрова придерживаются позиции, согласно которой в ч. 1 ст. 40 УПК РФ применительно к уголовно-исполнительной системе речь идет о ФСИН России².

Во многом аналогичной точки зрения придерживается Е. Р. Пудаков, считающий, что органом дознания является уголовно-исполнительная система, а не подразделения и службы, а наличие оперативных подразделений — это «предпосылки наделения того или иного органа исполнительной власти указанным правовым статусом»³.

Не разделяет точку зрения о возможности осуществления процессуальных полномочий должностными лицами оперативных отделов и Е. Е. Босак⁴.

На невозможность осуществления оперативными отделами исправительных учреждений процессуальных полномочий указывает и А. В. Беляков, утверждая, что по буквальному толкованию положений ст. 40 УПК РФ и ст. 13 Закона об ОРД только ФСИН России имеет право осуществлять полномочия органа дознания⁵.

---

¹ См.: Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2015. С. 76.

² См.: Горяинов К. А., Александрова О. П. Указ. соч. С. 48.

³ См.: Пудаков Е. Р. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений УИС России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 61—62.

⁴ См.: Босак Е. Е. Уголовно-процессуальные отношения следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Закон и право. 2009. № 8. С. 44.

⁵ См.: Беляков А. В. К вопросу о процессуальном статусе сотрудников исправительных учреждений // Российский следователь. 2010. № 7. С. 10-13.

При внешней стройности данной точки зрения согласится с ней не представляется возможным хотя бы потому, что согласно абз. 1 ст. 13 Закона об ОРД правом на осуществления оперативно-розыскной деятельности наделяется не весь орган исполнительной власти, а только его оперативные подразделения.

По мнению К. А. Синкина¹, разделенного В. А. Гнатенко² и О. В. Фомичевой³ неуместно рассматривать ведомство как единый орган, осуществляющий ОРД, т. к. орган может состоять из различных структурных подразделений, выполняющих различные задачи, в том числе и осуществление оперативно-розыскной деятельности. В связи с чем, согласно мнения указанных авторов, речь должна идти *об оперативных аппаратах исполнительных учреждений*.

При большей логичности данного высказывания его недостатком является то, что исходя из сказанного получается, что ни территориальный орган, ни федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, в составе которых имеются оперативные подразделения органов дознания, не являются.

Стоит отметить, что спор по данному поводу не является чем-то уникальным применительно к уголовно-исполнительной системе. Ранее вопросы аналогичного характера уже поднимались применительно, правда, к иным органам.

Если обратиться к первоначальной редакции п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ, то видно, что к органам дознания относились «органы внутренних дел Российской Федерации, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности».

Подобная формулировка не давала точного ответа какой именно орган или его структурное подразделение считать органом дознания и приводела исследователей к мысли о необходимости конкретизации⁴.

По мнению профессора С. В. Бажанова, включение органов внутренних дел в число органов дознания с точки зрения законодательной техники следует считать грубой методологической ошибкой, так как подобная интерпретация не отвечает внутренней архитектонике Министерства внутренних дел как системы⁵.

---

¹ См.: Синкин К. А. Особенности судопроизводства по делам о преступлениях, совершенных осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы: дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул. 2004. С. 58.

² См.: Гнатенко В. А. Дознание по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний: дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир. 2007. С. 63.

³ См.: Фомичева О. В. Проблема участия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в реализации уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Владимирского юридического института ФСИН России. 2009. № 3 (12). С. 33—35.

⁴ См.: Гирько С. И. Деятельность милиции в уголовном процессе / Гирько С. И. – М.: Издательство «Экзамэн», 2006. С. 161—162.

⁵ См.: Бажанов С. В. Правовое положение подразделений следствия и дознания в уголовном процессе Российской Федерации // Российский следователь. 2007. № 1. С. 6—7.

Не смотря на подвергающееся постоянной критике наделение процессуальными полномочиями субъекта по признаку наличия права на осуществление ОРД и учитывая положения ч. 1 ст. 40 УПК РФ, следует признать, что процессуальными полномочиями в структуре исправительного учреждения будут обладать сотрудники подразделения, наделенного правом на осуществления ОРД. Поскольку иное противоречило бы положениям уголовно-процессуального законодательства.

В связи с этим, вряд ли можно согласиться с мнением О. А. Малышевой, полагающей, что процессуальная форма участия ФСИН в уголовно-процессуальной деятельности конкретизирована в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ и не отождествляется с деятельностью оперативных подразделений данной службы¹.

Руководитель учреждения, который также является одним из субъектов оперативно-разыскной деятельности, также будет являться лицом, уполномоченным на осуществление процессуальной деятельности. При этом роль и функция указанных субъектов будут отличаться друг от друга. Их положение относительно друг друга будут основаны на принципе подчинения одного другому, в связи с чем, требуется дополнительный анализ правового статуса для определения положения в структуре органа дознания.

Таким образом, к числу субъектов, уполномоченных на осуществление процессуальных полномочий в уголовно-исполнительной системе России, следовательно, и объектам прокурорского надзора, относятся оперативные подразделения учреждений, исполняющих наказание в виде *лишения свободы, принудительных работ, ареста и производящие содержание под стражей, т.е. исправительных центров, арестных домов, колоний-поселений, воспитательных колоний, лечебных и лечебно-исправительных учреждений, исправительных колоний общего, строгого, особого режима, тюрем и следственных изоляторов*, а также начальники данных учреждений.

УДК 343.1

Д. Д. Мительская

Роль прокурора при решении вопроса об экстрадиции

Экстрадиция представляет собой форму международно-правового сотрудничества государств в борьбе с преступностью.

Законодательством Российской Федерации решение вопроса экстрадиции отнесено к компетенции органов прокуратуры.

---

¹ См.: Малышева О. А. Система органов дознания нуждается в совершенствовании правовой основы ее построения // Юридический мир. 2010. № 3. С. 40—42.

Вопросы выдачи и экстрадиции в 2023 году остаются одними из самых значимых. Так согласно статистическим данным¹ в 2022 году количество направленных генеральной прокуратурой Российской Федерации запросов о выдаче увеличилось до 418, в сравнении с аналогичным периодом прошлого года — 379, то есть на 10,2 %. Удовлетворенных запросов о выдаче в 2022 году — 178, а годом ранее — 148, таким образом показатель удовлетворенности запросов вырос на 20,2 %.

Приоритетными направлениями органов прокуратуры в сфере экстрадиции являются активизации и повышения эффективности международного сотрудничества прокуратуры Российской Федерации, укрепления ее авторитета на данном направлении, отстаивания принципов ее деятельности, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, на борьбу с преступностью и иными правонарушениями.

Органы прокуратуры в процессе своей деятельности в первую очередь основываются на нормах национального права, из которых можно выделить Конституцию Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 ноября 1992 г., Приказ Генпрокуратуры России от 03 июня 2020 г. № 297 «О порядке осуществления международного сотрудничества органами и организациями прокуратуры Российской Федерации», Указание Генпрокуратуры России от 05 марта 2018 г. № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора», а также на различных указаниях и информационных письмах Генерального прокурора Российской Федерации, касающихся выдачи лиц, предположительно совершивших преступления.

Так же органы прокуратуры непосредственно руководствуются нормами международного права. Так при взаимодействии со странами СНГ применяется «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Заклучена в г. Минске 22.01.1993), во взаимоотношениях со странами Европейского Союза применяются «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заклучена в г. Риме 04.11.1950), «Европейская конвенция о выдаче» (заклучена в г. Париже 13.12.1957) и дополнительные протоколы к ним, с другими странами — двусторонние договоры. При отсутствии же договорных отношений между государствами направление запроса о выдаче лица осуществляется на основе принципа взаимности.

Выдача лиц осуществляется на основании договора между соответствующими государствами. Это может быть либо двусторонний договор,

---

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 16.07.2023).

либо многосторонняя конвенция, участниками которой должны являться как запрашивающее, так и запрашиваемое государство.

Необходимо также отметить, что формы обращений на выдачу лиц по уголовному преследованию закрепляются внутренним законодательством каждой страны, они не имеют общих стандартов.

В настоящее время в структуре Генпрокуратуры РФ функционирует главное управление международно-правового сотрудничества¹, которое и осуществляет значительный аспект компетенции. В состав Управления входит подразделение: управление экстрадиции, задачи и функции которого изложены в п. 5.1 Положения.

Таким образом, главное управление международно-правового сотрудничества является надзорно-организующим подразделением Генеральной прокуратуры РФ, несущим полную ответственность за содержание и обоснованность запросов в другие государства, включая изложение фактических обстоятельств и правовую квалификацию деяния.

Нельзя не согласиться с мнением С. А. Никифорова, который указывает, что помимо основных полномочий прокурора на стадии досудебного производства по уголовному делу, а также полномочий, связанных с поддержанием государственного обвинения по уголовным делам в судах и с проверкой законности и обоснованности судебных решений, существуют специальные полномочия прокурора, направленные на решение задач международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве².

Органы прокуратуры Российской Федерации осуществляют правоприменительную деятельность в сфере экстрадиции в двух основных направлениях: по рассмотрению запросов о выдаче лиц для уголовного преследования или исполнения приговора; по направлению в компетентные органы иностранных государств запросов об экстрадиции.

С.С. Рассказов³ выделяет стадии реализации применения данных направлений органами прокуратуры: установление фактических оснований экстрадиции, юридическая оценка установленным фактическим обстоятельствам, принятие решения по делу.

Право на выдачу является суверенным правом любой страны. И, согласно общепризнанной мировой позиции, выдача лица является правом, и ни в коем случае не обязанностью.⁴

---

¹ Положение о Главном управлении международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации (утв. Генпрокуратурой России от 26.09.2022).

² Никифоров С. А. Полномочия прокурора при избрании меры пресечения для обеспечения выдачи лица иностранному государству // Законность. – 2011. – № 3(917). – С. 8-9. – EDN NQXWBJ.

³ Рассказов С. С. Содержание деятельности органов российской прокуратуры в сфере экстрадиции: организационно-правовые особенности // Юридический мир. 2013. № 5. С. 24.

⁴ Несмачная Н. В. Экстрадиция лица для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора как одна из форм международного сотрудничества // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 2(103). – С. 229.

Кроме указанные трех стадий, выделенных С. С. Рассказовым, можно выделить еще одну стадию, на которой при решении вопроса об экстрадиции в Российскую Федерацию направляются поручения об осуществлении розыскной деятельности и ходатайства о заключении под стражу, до направления запроса о выдаче.

Ходатайство о заключении под стражу в отличие от запроса о выдаче и поручения об осуществлении розыскной деятельности различаются по своему объему и содержанию, но при этом имеют схожее назначение. Все указанные документы своей целью имеют выдачу лица иностранному государству для дальнейшего уголовного преследования. Отличие их заключается в том, что ходатайство о заключении под стражу, как и просьба о временном задержании, имеет цель изоляции лица, подлежащего выдаче, что следует прямо из названия данных документов.

В отличие от просьбы о временном задержании при поступлении ходатайства о взятии под стражу прокурор не наделяется правом истребования от запрашивающей выдачу стороны дополнительных документов с установлением срока их предоставления. Таким образом, прокурор при реализации своих полномочий не имеет общей картины о лице, в отношении которого решается вопрос о заключении под стражу и обстоятельствах произошедшего.

Положения ч. 1 ст. 61 Конвенции «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Заключена в г. Минске 22.01.1993) и положения и ч. 1 ст. 70 Конвенции «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) устанавливают, что лицо, выдача которого запрашивается, по ходатайству может быть взято под стражу и до получения запроса о выдаче. При этом сторона, запрашивающая выдачу лица, при направлении ходатайства обязана лишь отразить в нем ссылки на указанные документы, а не приобщить их к ходатайству.

При реализации указанной стадии и поступлении в Российскую Федерацию ходатайства о взятии под стражу у прокурора может возникнуть трудность, связанная с собиранием документов, подтверждающих законность и обоснованность вынесения постановления о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в целях выдачи лица.

Указанную позицию подтверждает сложившаяся судебная практика, представленная А. Х. Пиховым, в соответствии с которой поступившее в Российскую Федерацию ходатайство о заключении под стражу гражданина Республики Кыргызстан В. Н. Беспалова, подлежащего выдаче, не было удовлетворено. Причиной являлось отсутствие в материалах представленных с ходатайством сведений, дающих основания полагать, что указанное лицо скрывалось на территории Российской Федерации, а также отсутствие

заверенного текста закона Республики Кыргызстан, согласно которому вменяемое ему деяние признается преступлением, а фактические обстоятельства совершения им преступления изложены неконкретно¹.

В каждом случае вопросы, связанные с выдачей преступников, находятся на контроле в Генеральной прокуратуре Российской Федерации.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что прокурор занимает ключевую роль при решении вопроса об экстрадиции на всех стадиях. Процессуальный порядок экстрадиции в УПК РФ регламентирован недостаточно подробно и четко, что в свою очередь препятствует полной и всесторонней оценки, эффективной реализации указанных процессуальных норм, а также реализации и укреплению международного партнерства в сфере борьбы с преступностью.

УДК 343.1

Н. А. Назырова

Проблемы соблюдения правовых гарантий потерпевшего по уголовным делам с истекшим сроком давности

Потерпевший всегда является уязвимым звеном в сложной цепи правоотношений личности, общества и государства, связанных с выявлением, раскрытием, расследованием совершенного общественно-опасного деяния в досудебном уголовном судопроизводстве. Начнем с выявления преступления, то есть обнаружения события, содержащего признаки, характеризующие его как преступление. Заявление о причинении различных негативных последствий (физического, имущественного или морального вреда для физического лица либо вреда имуществу и деловой репутации для юридического лица), поданное в компетентные органы для защиты законных прав и интересов, признается уголовно-процессуальным законодательством в качестве повода для возбуждения уголовного дела. Такое заявление ускоряет момент реализации правоохранительной функции государства, но не во всех случаях. Если по заявлениям о событиях общеуголовной направленности установление достаточных данных, указывающих на признаки преступления, редко вызывает сложности, то в случаях их отнесения к сфере экономики принятие решения о возбуждении уголовного дела может носить затяжной характер и длиться буквально годами в связи со сложностями в градации гражданско-правовых и уголовных правоотношений. Далее раскрытие преступления, то есть установление подозреваемого в его совершении. Как подчеркнуто в выступлении главы государства В. В. Путина, в 2022

---

¹ Пихов А. Х. Взаимодействие субъектов уголовного преследования с компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международных организаций: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 215 с.

году правоохранительным органам удалось улучшить показатели раскрываемости преступлений¹. Так, во взятом в качестве отчетного периода 2022 году средняя раскрываемость преступлений составила 45,9 % от общего числа их регистрации². Указанные средние показатели раскрываемости повышаются либо снижаются в зависимости от конкретного вида преступления. Изложенные сведения позволяют сделать вывод о том, что значительное количество потерпевших остались без возмещения причиненного им вреда в связи с не установлением лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемого. Следующее направление деятельности досудебного производства – расследование, подразумевающее под собой всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств уголовного дела и, прежде всего, обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст.73 УПК РФ. Нами намеренно условно обособлены раскрытие и расследование преступлений (хотя в априори раскрытие преступления является одной из задач предварительного расследования), так как не всегда подозрения в совершении преступления подтверждаются в процессе расследования. Но даже если по выявленному факту общественно-опасного деяния возбуждено уголовное дело, по которому установлено лицо, причастное к совершению преступления, и проведенное расследование подтверждает причастность данного лица собранной совокупностью обвинительных доказательств, на пути к реализации потерпевшим его правовых гарантий о возмещении причиненного вреда в предусмотренных случаях встают сроки давности уголовного преследования.

Сроки давности находятся в корреляции с принципом целесообразности уголовной ответственности, подразумевающего прямую зависимость эффективности государственного реагирования на общественно-опасное деяние в виде уголовного наказания от близости к моменту его совершения³. При окончании определенных законом сроков, установленных для осуществления уголовного преследования, уголовное дело подлежит прекращению по нереабилитирующему основанию (п. 3 ч. 1 ст.24 УПК РФ) при наличии волеизъявления подозреваемого (обвиняемого), выражающего свое согласие на принятие такого правового решения. Мнение же потерпевшего с момента наступления указанных сроков давности фактически перестает учитываться, так как действующие нормы не требуют получение согласия от данного участника в качестве императивного условия для решения

---

¹ Владимир Путин принял участие в ежегодном расширенном заседании коллегии министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://rg.ru/2023/03/20/pasporta-i-poriadok.html> (дата обращения 21.07.2023). Режим доступа: свободный.

² Генеральная Прокуратура Российской Федерации опубликовала данные о криминогенной обстановке в стране за 2022 год. URL: <https://www.iminfin.ru/news/519-statistika-zaregistrirrovannykh-prestuplenij-v-rossii-za-2022-god> (дата обращения 21.07.2023). Режим доступа: свободный.

³ Шимко А. М. Проблемы правового регулирования прекращения производства по уголовному делу за истечением сроков давности при отсутствии лица // Теоретико-прикладные вопросы развития досудебного производства по уголовным делам на современном этапе : Сборник статей международной научно-практической конференции: в 2-х томах, Новополюк, 26—27 сентября 2019 года / Полоцкий государственный университет. Том 2. Новополюк: Учреждение образования «Полоцкий государственный университет», 2019. С.148.

вопроса о прекращении. Прекращение уголовного дела, вызванное прошествием сроков давности уголовного преследования, констатирует отказ государства от дальнейшего доказывания виновности лица, но не освобождает последнего от обязательств по возмещению причиненного им ущерба. Вместе с тем, такой подход нельзя признать правильным с позиции назначения уголовного судопроизводства. Действительно, потерпевший может продолжить отстаивать свои права и законные интересы самостоятельно в порядке гражданского судопроизводства, однако для возмещения причиненного вреда ему уже единолично потребуется доказывать, что нанесенный ему вред наступил в результате преступных действий (бездействий) конкретного лица. Согласимся, что собранные в досудебном производстве материалы уголовного дела, содержащие обвинительные доказательства, могут быть использованы потерпевшим при намерении истребовать возмещение причиненного вреда в рамках оставшегося у него для реализации данных правовых гарантий механизма гражданско-правового регулирования¹. В то же время подозреваемое лицо может быть установлено не по горячим следам, а только в процессе раскрытия преступлений прошлых лет, к концу или уже на момент истечения сроков давности уголовного преследования. Достаточно ли в этих случаях потерпевшему, не обладающему арсеналом возможностей и средств, которыми наделены органы предварительного расследования, осуществить сбор доказательств? В этой связи представляется более правомерным подход, предложенный в диссертационном исследовании А. В. Соболева, заключающийся в обязательности продолжения расследования уголовного дела с истекшими сроками давности уголовного преследования в обычном порядке как при отказе подозреваемого от прекращения, так и при наличии гражданского иска по делу².

Следует отметить, что внесенные в июне 2023 года изменения в уголовно-процессуальное законодательство в части порядка окончания расследования, продолжившегося после истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, в связи с отказом подозреваемого (обвиняемого) от прекращения уголовного дела по указанному основанию, в значительной степени снизили возможность реализации правовых гарантий потерпевшего по рассматриваемым уголовным делам. Так, в новых нормах установлены предельные сроки расследования (применительно к каждой категории преступления), истечение которых обязывает дознавателей (следователей), продолживших расследование в обычном порядке при вышеуказанных обстоятельствах, прекратить уголовное дело по п.1 ч.1 ст. 27

---

¹ Остапенко Е. В., Семенова В.В. Обеспечение прав потерпевшего при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с истечением сроков давности // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 12 ноября 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С.291.

² Соболев А. В. Процессуальные последствия истечения сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности: автореферат дис.... канд. юрид.наук /12.00.09. Соболев Антон Валентинович. М., 2016. С.11.

УПК РФ, то есть по реабилитирующему основанию. Получается, что государство признает лицо невиновным по окончании формальных сроков предельного расследования таких уголовных дел, что одновременно означает снятие с него обязательств по возмещению причинного вреда. Более того, государство берет на себя обязанность по устранению негативных последствий от уголовного преследования для реабилитированного, включая возмещение причиненного ущерба, но оставляет без внимания вопросы, затрагивающие права и законные интересы потерпевшего.

Изложенные ситуации вызывают проблемы соблюдения и реализации правовых гарантий потерпевшего по уголовным делам с истекшим сроком давности уголовного преследования и требуют дальнейшего совершенствования законодательства.

УДК 343.1

Т. Г. Николаева

Проблемы уголовно-процессуальной политики и тенденции развития современного уголовно-процессуального права

Не вдаваясь в научную полемику о структуре, предмете, содержании уголовно-процессуальной политики, поскольку данные вопросы являются предметом самостоятельных научных исследований, отметим несколько моментов, не вызывающих споров среди научной общественности, а именно: уголовно-процессуальная политика является составной частью уголовной политики и в ее структуре выделяется, как минимум, несколько уровней: доктринальный, законодательный и правоприменительный. Основываясь на вышеизложенном, попробуем охарактеризовать современное состояние уголовно-процессуальной политики в нашей стране в современный период.

Содержание доктринального уровня связано, прежде всего, с научной деятельностью по разработке концептуальных основ уголовно-процессуальной политики. Результатом этой деятельности является принятие соответствующих документов, определяющих развитие уголовной политики в целом и уголовно-процессуальной политики, в частности.

К таким документам можно отнести ежегодные послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию, ряд концепций и стратегий, таких как Национальная стратегия противодействия коррупции, Концепция противодействия терроризма и другие. Отметим, что никаких самостоятельных концепций или стратегий уголовной политики, как в равной степени и уголовно-процессуальной политики, к настоящему времени не разработано. Может сложиться впечатление, что в современных условиях, когда проводится СВО, страна находится в сложной экономической и политической ситуации, не время заниматься разработкой таких концепций,

да и разработчики доклада «Уголовная политика: дорожная карта (2017—2025 гг.)»¹, обсужденного на парламентских слушаниях в Совете Федерации 5 апреля 2017 г. отмечали в целом удовлетворенность современными конструкциями уголовно-процессуального закона. Хотя при этом юридическая общественность отмечает, что российское уголовно-процессуальное законодательство развивается в отсутствие внятной правовой идеологии и единой стратегии правового строительства, уголовной политики [1, с.14.]. Бесспорно, что отсутствие надлежащей уголовно-процессуальной политики существенным образом влияет и на современное состояние ее законодательного уровня.

С момента принятия действующего УПК РФ прошло 20 лет, и за все это время не было ни одного года, когда бы в него не вносились изменения. Причем речь идет не об одном-двух изменениях в год, нет. Ежегодно принималось от 5 до 25 федеральных законов, каждым из которых вносились изменения как в одну-две статьи УПК РФ, так и в целые главы. Всего за это время были приняты более 330 федеральных законов, вносящих изменения и дополнения в УПК РФ, причем многие юристы отмечают бессистемность таких изменений, приводящих к отсутствию взаимосвязи норм закона. На наш взгляд, подготовка любого закона обязательно должна базироваться на системном подходе, лексика уголовного процесса должна быть логична, последовательна и непротиворечива в определении тех или иных понятий, используемых в законе. Но, к сожалению, этого в действительности не происходит. Так, например, п.24 ст.5 УПК РФ определяет орган дознания как «государственные органы и должностные лица, уполномоченные в соответствии с настоящим Кодексом осуществлять дознание и другие *процессуальные* (выделено – нами) полномочия». Из данного определения следует лишь один вывод, что орган дознания как участник уголовного процесса уполномочен исключительно на осуществление процессуальной деятельности. При этом, например, ч.4 ст.157 УПК РФ обязывает орган дознания принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление. Заметим, что оперативно-розыскная деятельность регламентируется не УПК РФ, а отдельным законом - Федеральным законом "Об оперативно-розыскной деятельности" от 12.08.1995 N 144-ФЗ и субъектом этой деятельности являются отнюдь не органы дознания, а оперативные подразделения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ст.13 указанного закона), перечень которых не идентичен перечню органов дознания, указанному в ст.40 УПК РФ. Вышеизложенное не способствует единообразному пониманию полномочий как органа дознания, так и дознавателей. Таких примеров неудачной дефиниции можно привести достаточное количество [см., например, 2, с.14.]. Все это, бесспорно, свидетельствует о несовершенстве уголовно-процессуального законодательства.

---

¹ <http://council.gov.ru/media/files/AenKyNcqHIXcEZAxBXvBAoIrXEKQRam.pdf>

Свою лепту вносит и правоприменительная практика – следующий уровень уголовно-процессуальной политики. Здесь также следует отметить ряд моментов.

Во-первых, не секрет, что практика применения норм уголовно-процессуального закона во многом зависит от ведомственной системы оценки деятельности того или иного органа и именно это, а не нормы закона, к сожалению, являются здесь приоритетом. В качестве примера можно привести институт производства дознания в сокращенной форме. Особенности расследования преступлений в сокращенной форме, связанные с уменьшением объема доказывания, отличных от стандартного расследования средств доказывания, возможность подозреваемого (подсудимого) в любой момент производства по уголовному делу отказаться от данной формы и многие другие нюансы, связанные, в том числе, и с недостатками конструирования норм закона, регламентирующих производство дознания в сокращенной форме, сами по себе вызвали неоднозначное отношение дознавателей и прокуроров к возможности ее применения. Но во многом именно вопросы статистической отчетности явились основанием для того, чтобы применение данной формы расследования существенно сократилось, а в некоторых регионах прекратилось вовсе.

Во-вторых, иногда правоприменительная практика сама, игнорируя требования закона, формирует те или иные процедуры, которые при поддержке судов превращаются в обычную законную практику. Опять же в качестве примера можно привести все больше расширяющуюся практику производства выемки до возбуждения уголовного дела. Спор о возможности производства выемки на данном этапе возник из-за формулировки ч. 1 ст. 144 УПК РФ, предусматривающей возможность органам предварительного расследования при проверке сообщения о преступлении «искребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом». Несмотря на то, что в специальной норме, регламентирующей производство выемки, нет указания на то, что это следственное действие может быть произведено до возбуждения уголовного дела, как, например, это сделано в норме, регламентирующей производство осмотра места происшествия, правоприменители исходят из того, «что не запрещено законом, то разрешено», при этом игнорируя правило, действующее в юриспруденции, в соответствии с которым специальные нормы ограничивают сферу действия общей нормы и если между этими нормами возникли противоречия, то применяется специальная норма.

Суды¹, оценивая соответствие выемки, как доказательства, требованиям ч. 1 ст. 144, ст. ст. 182 и 183 УПК РФ, считают, что информационные

---

¹ См., например, Апелляционное постановление суда Еврейской автономной области № 22-301/2018 от 12 июля 2018г.

письма, изданные заместителем Генерального прокурора Российской Федерации¹ и первым заместителем Председателя Следственного комитета Российской Федерации² в которых обращается внимание на то, что не имеется правовых оснований для изъятия предметов и документов в рамках следственных действий, производство которых до возбуждения уголовного дела не предусмотрено УПК РФ, отражают лишь ведомственное толкование уголовно-процессуального закона.

Оценка допустимости проведения выемки в рамках проверки сообщения о преступлении нашла свое отражение и в Постановлении Верховного Суда Российской Федерации³, в котором Верховный Суд, рассматривая вопрос о незаконности производства выемки флэш-карты до возбуждения уголовного дела, в рамках рассмотрения жалобы стороны защиты, признал изложенные доводы этой стороны несостоятельными, поскольку судами было установлено, что сама выемка проведена в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 144, ст. ст. 182 и 183 УПК РФ. Таким образом, суды приходят к выводу о том, что поскольку целью производства выемки является всесторонняя проверка сообщения о преступлении и собирание необходимых доказательств в рамках предоставленных должностным лицам полномочий, то, следовательно, выемкой, проведенной в соответствии с требованиями УПК РФ, не может быть причинен вред охраняемым законом интересам общества. При таком подходе возникает вопрос о возможности производства обыска до возбуждения уголовного дела.

Нельзя не отметить и роль Конституционного Суда РФ, который, проверяя соответствие норм уголовно-процессуального закона Конституции РФ, в своих решениях предлагает свое толкование этих норм, зачастую резко отличающееся от буквального толкования закона.

Изложенное выше свидетельствует о том, что различное толкование закона на разном уровне разными правоприменителями позволяет утверждать о наличии ведомственной, региональной или местечковой законности и, соответственно приходиться к неутешительному выводу о том, что современный отечественный уголовный процесс нуждается в серьезном совершенствовании. Эти вопросы не могут не волновать юридическую общественность. Обобщая высказанные в юридической литературе мнения ученых и практиков относительно совершенствования уголовно-процессуального закона, можно констатировать наличие нескольких подходов к разрешению данного вопроса: либо полностью реформировать действующее уголовно-процессуальное законодательство, разработать и принять абсолютно новый УПК РФ; либо основательно его переработать.

---

¹ Информационное письмо Генеральной Прокуратуры РФ от 20.08.2014 № 36-11-2014 «О недопустимости изъятия предметов и документов вне рамок следственных действий, предусмотренных до возбуждения уголовного дела».

² Информационное письмо первого заместителя Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 30.12.2014 № 211-51098-14 «О порядке получения сведений о совершенных нотариальных действиях в ходе проверки сообщения о преступлении»
Постановление Верховного Суда РФ от 25.08.2017 № 16-УД17-16 «Об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции»

Представляется, что к решению этих вопросов необходимо подходить системно, поскольку уголовно-процессуальный закон теснейшим образом связан с уголовным и уголовно-исполнительным законом, рядом иных законов, регулирующих отношения в правоохранительной деятельности, судебной системе, что в свою очередь, требует проведения серьезной вдумчивой реформы уголовной политики нашей страны, на основе которой возможна разработка Концепции уголовно-процессуальной политики, которая и определит основные направления развития уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Зайцев О.А. О необходимости разработки концепции современной уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Вестник Московского университета МВД России. № 1, 2018 с.14. (13—16).

2. Николаева Т.Н., Елагина Е.В. О несовершенстве понятийно-терминологического аппарата, используемого законодателем при формулировании норм уголовно-процессуального закона. Криминалистика. 2021. № 1 (34). С. 19—26.

УДК 343.1

А. И. Попов

О некоторых вопросах при расследовании хищений дистанционным способом

Каждое четвертое преступление в стране совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Оценивая состояние преступности необходимо отметить, что по-прежнему сохраняется тенденция значительного роста совершения преступлений с использованием ИТТ (на 27,9 %), на фоне снижения общей регистрации преступлений (на 2,3 %). При этом мы вынуждены констатировать крайне низкую раскрываемость преступлений отмеченной категорий (лишь 30 %) ¹.

Надзирающие прокуроры на всех уровнях, при осуществлении надзора за органами предварительного расследования ориентированы на оказание адресной помощи потерпевшим, реализации полномочий по привлечению к административной ответственности операторов сотовой связи и иных полномочий, которые находятся за плоскостью уголовно-процессуальных отношений.

При расследовании преступлений данной категории определяющее значение имеет своевременность принятия решений, в частности речь идет

---

¹ Сборник состояния преступности в РФ за 7 месяцев 2023 года, подготовленный МВД России.

о возбуждении уголовного дела и последующего установления обстоятельств, позволяющих органу предварительного расследования, использовать институт обеспечительных мер.

Поскольку речь идет об имущественных преступлениях, то, безусловно, одной из задач следователя (дознателя) является своевременное установление данных о счете, на который поступили денежные средства потерпевшего; принадлежности счета конкретному лицу; установление сведений о движении по нему денежных средств, в том числе, о транзите на другие счета.

На первом же этапе у органа предварительного расследования возникают сложности при осуществлении своих полномочий, направленных на защиту и восстановление прав потерпевших.

Для установления, вышеуказанных сведений, следователь направляет запрос в банковскую организацию о номере счета и его владельце, на который получает ответ спустя 2-3 недели, то есть в срок, который заведомо не позволяет эффективно реализовывать свои полномочия, поскольку злоумышленниками принимаются меры, по переводу денежных средств транзитом на иные счета, в том числе на площадки криптовалюты и иных интернет-бирж.

О данной проблеме хорошо известно отечественному законодателю, в связи с чем 18.10.2022 Государственной Думой Российской Федерации принят Федеральный закон № 408-ФЗ «О внесении изменений в ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности» и ст. 27 ФЗ «О национальной платежной системе», который вступает в силу по истечении одного года после дня его официального опубликования, то есть 21.10.2023.

Резюмируя данные изменения, необходимо отметить, что предусматривается возможность получения органом предварительного расследования сведений о случаях и (или) попытках осуществления переводов денежных средств без согласия клиента посредством созданной электронной площадки «ФинЦЕРТ»¹, предусматривающей мгновенный обмен информации между банковскими организациями, операторами сотовой связи и правоохранительными органами.

Вместе с тем, до настоящего времени работа на данном направлении не осуществляется, а алгоритм действий органов предварительного расследования остается прежним, трудоемким и длительным, о котором говорилось выше. Безусловно, данный подход не отвечает существующим реалиям и требует корректировок, которых мы ожидаем с вступлением в силу изменений.

Однако, по непонятным причинам, законодатель вновь забыл в ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности» дознателя, как лица, осу-

---

¹ Центр взаимодействия и реагирования Департамента информационной безопасности, специальное структурное подразделение Банка России.

шествующего предварительное расследование. Лишение дознавателя полномочий, по получению сведений, указанных в данной статье, влечет за собой затягивание реализации обозначенных полномочий, не отвечает существующим реалиям преступности.

На наш взгляд объективно сформировалась потребность предусмотреть порядок получения, обозначенных сведений, дознавателем после согласования запроса с надзирающим прокурором, по аналогии со ст. 165 УПК РФ.

После получения необходимых сведений еще одним этапом, на котором возникают сложности является возбуждение следователем (дознавателем) ходатайства перед судом о наложении ареста на денежные средства, находящиеся на счете, в соответствии со ст. 115 УПК РФ.

На сегодняшний день счета, используемые злоумышленниками, или как их принято называть «дроп-счета», через которые ежедневно осуществляются операции с похищенными денежными средствами, не арестовываются, соответственно, остаются в цепочке инструментов преступников.

Отказывая в удовлетворении ходатайств, суды обращают внимание, что арест накладывается на денежные средства, находящиеся на счете, а не на счет, на сумму хищения. Судами обосновано указывается со ссылками на конкретные нормы процессуального закона (ст. 111, 115 УПК РФ) об отсутствии правовой регламентации ареста счета¹.

Оценивая позицию судов необходимо оговориться, что их решения в полной мере соответствуют закону, в связи с чем, считаем необходимым внести изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство, касающееся порядка и условий наложения ареста на счет.

Принятие данных мер позволит органам прокуратуры и следствия принять необходимые меры для обеспечения защиты прав потерпевшего, в том числе путем подачи искового заявления о неосновательном обогащении к владельцу счета, на который переведены денежные средства потерпевшего, а также позволяет лишить злоумышленников инструментов для совершения преступлений.

Вторым, требующим изменения, на наш взгляд, является положение отечественного уголовно-процессуального закона, предусматривающее наложение ареста на денежные средства на счете, в случаях не терпящих отлагательств.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает арест денежных средств, находящихся на счете лишь в случаях, указанных в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, однако по преступлениям, исследуемой категории, данное процессуальное действие невозможно.

Проведя сравнительно-правовой анализ стоит отметить, что уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан и Респуб-

---

¹ Постановление Ленинского районного суда города Мурманска от 26.05.2023 по делу № 3/10-25/2023.

лики Узбекистан при определении порядка и условий данного процессуального действия – наложение ареста на денежные средства, находящиеся на счете, допускает его производство по всем видам преступлений, без изъятия (ст. 161 и ст. 290 соответственно).

В разрезе рассматриваемой категории преступлений, на наш взгляд, недостаточно существующего инструментария, предусмотренного уголовно-процессуальным законом для эффективного, комплексного подхода к противодействию данным преступлениям, принятия своевременных и надлежащих мер по возмещению ущерба, причиненного преступлением.

УДК 343.1

А. Б. Прохоров

Суд с участием присяжных заседателей: за и против

Право обвиняемого на суд с участием присяжных заседателей в определенных федеральным законом случаях гарантировано в соответствии с нормами ч. 2 ст. 20 и ч. 2 ст. 47 Конституции Российской Федерации¹. Порядок судебного производства с участием присяжных заседателей урегулирован главой 42 и иными нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)². Судебное рассмотрение с участием присяжных заседателей (далее также — суд присяжных) возможно по тяжким и особо тяжким преступлениям за определенным исключением (п. 2 и п. 2.1 части 2 ст. 30 и п. 1 ч. 1 ст. 31 УПК РФ). В рассмотрении дел с участием присяжных заседателей задействованы суды субъектов Российской Федерации (окружные и флотские военные суды), а с 1 июня 2018 года — и районные (гарнизонные военные суды)³. По данным Верховного Суда Российской Федерации, за период 10 лет (2008—2017 гг.), суды присяжных рассмотрели 4 139 уголовных дел; по их вердиктам 7 680 человек (83 %) были осуждены, 1 544 человек (16 %) — оправданы⁴. Институт суда присяжных занимает важное место среди гарантий доступного правосудия. Он обеспечивает обвиняемому возможность обратиться к судьям факта, способным посмотреть на обстоятельства «со стороны».

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

³ См.: ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 2017 года № 467-ФЗ «О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

⁴ Данные приведены на основании аналитической справки Верховного Суда Российской Федерации в сети Интернет. Доступ по ссылке в сети Интернет: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/26852/ (дата обращения: 29 сентября 2023 года).

У суда присяжных также есть право вынести вердикт о снисхождении для обвиняемого, что влечет применение и смягчение наказания согласно ст. 65 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)¹. Надежды на снисхождение не всегда оправданы: вопреки устоявшемуся мнению суд присяжных не всегда проявляет сдержанность по данному вопросу. Примером может быть приговор о пожизненном лишении свободы отцу и сыну Арашуковым².

Необходимо отметить, что вопрос о перечне конкретных преступлений, по которым возможен суд присяжных, дискутируется. Тенденция 2017—2018 гг. на расширение суда с участием присяжных заседателей³ скорректирована. Так, Федеральным законом № 216-ФЗ⁴ внесены изменения в п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, в связи с чем из категории дел суда присяжных изъяты два тяжких состава преступления, соответственно по ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ. Как следует из пояснительной записки, размещенной в составе пакета документов к данному Федеральному закону № 216-ФЗ (на стадии законопроекта)⁵, намерение изъять из сферы суда присяжных указанные составы преступлений было обусловлено спецификой рассмотрения дел данной категории в суде (повышенные меры безопасности, необходимость сохранения государственной тайны, необходимость «высокопрофессиональной правовой оценки» деяний). В пояснительной записке не указано прямо, но, по всей видимости, подразумевается и риск давления на присяжных заседателей. К сожалению, тезисы пояснительной записки не мотивированы статистическими данными или обобщением судебной практики. Вышеуказанный закон (на стадии проекта) был подвергнут резкой критике практиками и учеными⁶. В частности, С. А. Насоновым⁷ раскритикована сама возможность сужения категории уголовных дел с участием присяжных заседателей по принципу наличия особенностей рассмотрения уголовного дела. Ученый справедливо указал, что для судей факта специфика дела имеет второстепенное значение, специфику должен учитывать председательствующий судья. В этой связи, в рамках дискуссии о праве прибегнуть

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

² См., например, сообщение с ленты Интерфакс: <https://www.interfax.ru/russia/923213> (дата обращения: 29 сентября 2023 года).

³ См. аналитическую справку Верховного Суда Российской Федерации, страница в сети Интернет: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/26852/ (дата обращения: 29 сентября 2023 года).

⁴ Федеральный закон от 13 июня 2023 года № 216-ФЗ «О внесении изменений в статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

⁵ См. сайт в сети Интернет «Система обеспечения законодательной деятельности»: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/291794-8> (дата обращения: 29 сентября 2023 года).

⁶ См., например, сообщение ТАСС, доступ в сети Интернет по ссылке: <https://tass.ru/obschestvo/7909245> (дата обращения: 29 сентября 2023 года).

⁷ Насонов С. Сужение компетенции суда присяжных не может быть поддержано. Аргументы, обосновывающие поправки в ст. 30 УПК РФ, представляются юридически ничтожными // Адвокатская газета. 2023. 10 февр. Электронная версия в сети Интернет: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/suzhenie-kompetentsii-suda-prisyaznykh-ne-mozhet-byt-podderzhano/> (дата обращения: 29 сентября 2023 года).

к суду присяжных заседателей хотелось бы обратить внимание на два аспекта.

Во-первых, необходимо понимать, чем обусловлена сама возможность реализации права на рассмотрение уголовного дела суда с участием присяжных заседателей. В УПК РФ соответствующие критерии не даны, но приведен конкретный перечень тяжких и особо тяжких преступлений, по которым обвиняемый вправе заявить соответствующее ходатайство. Основная доля — преступления против личности. В дополнение к перечислению статей УК РФ действует Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 8-П (2010 год)¹, которым подтверждена конституционность изъятия из ведения суда присяжных дела о терроризме и связанные преступления. В данном документе подтверждено право законодательной ветви власти формировать соответствующий перечень преступлений на свое усмотрение при необходимости соблюдения общих требований к обеспечению беспристрастности судебного производства (п. 3 Постановления № 8-П).

По мнению автора данной статьи, здесь возможна дискуссия: допустимо оформление на нормативном уровне критериев доступа к суду с участием присяжных заседателей. Например, в зависимости от тяжести и направленности вменяемого преступления. По мнению автора, особо тяжкие преступления против личности должны при любых обстоятельствах должны охватываться гарантией на суд с участием присяжных заседателей. Что касается необходимости «высокопрофессиональной правовой оценки», то здесь следовало бы поступить следующим образом: отнести особо сложные или специфичные дела к компетенции суда субъекта Российской Федерации (окружного или флотского военного суда).

Во-вторых, существует пробел в плане конкретных мер для ограждения присяжных заседателей от давления в «широком» смысле слова. Под таким давлением понимаем и вмешательство посторонних лиц в деятельность присяжных заседателей, и нарушение тайны их совещания (ст. 341 УПК РФ), и некорректные действия участников уголовного судопроизводства. Присяжным заседателям предоставлены широкие гарантии независимости в соответствии с Федеральным законом № 113-ФЗ², а также права согласно ст. 333 УПК РФ. Как следует из ч. 2 ст. 12 Федерального закона № 113-ФЗ³, предусмотрена ответственность за препятствие присяжному заседателю исполнять обязанности по осуществлению правосудия. Но данная

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 года № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части 2 статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р. Р. Зайнагутдинова, Р. В. Кудаева, Ф. Р. Файзулина, А. Д. Хасанова, А. И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» // Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

² Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

норма не реализована в полной мере: на основании ст. 17.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹ предусмотрена административная ответственность за воспрепятствование явке в суд присяжного заседателя (максимальная санкция – административный штраф до одной тысячи рублей). Мягкость санкции возмущает.

Если обнаруживается давление на кого-то из присяжных или присяжный заседатель начинает проявлять непозволительную активность (ч. 2 ст. 333 УПК РФ), то председательствующий судья должен проверить информацию и может отстранить присяжного от дальнейшего участия в рассмотрении уголовного дела (ч. 4 ст. 333 УПК РФ). При этом отстранение присяжного может быть выгодно лицу, которым инициированы некорректные действия в отношении присяжного заседателя.

Вопросы порядка исследования противоправных действий в отношении присяжных заседателей уже становились предметом рассмотрения Конституционного суда Российской Федерации. Например, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации № 33-П (2020 год)² для целей оценки степени воздействия на присяжных заседателей извне предложено их допрашивать в качестве свидетелей в суде вышестоящей инстанции. Для выяснения деталей вмешательства в деятельность присяжных заседателей (прежде всего, нарушение тайны совещания присяжных) могут инициироваться служебные проверки (разбирательства), материалы проверки могут быть направлены в органы предварительного расследования в соответствии с их компетенцией в порядке ст. ст. 144—145 УПК РФ. Однако ответственность за нарушение тайны совещания присяжных законом не предусмотрена. Некоторые ученые предлагают в этой связи также такие меры, как установление камер наблюдения, направленных в сторону двери совещательной комнаты, сдачу мобильных телефонов присяжными заседателями перед удалением на совещание³. Меры полезны, но они не будут эффективными в достаточной мере без усиления юридической ответственности для нарушителей.

При таких обстоятельствах, целесообразно было бы сначала обсудить дополнительные законодательные меры к защите присяжных заседателей, а уже потом рассматривать вопрос о сужении или расширении компетенции суда присяжных. По мнению автора данной статьи, в настоящее время в дальнейшем ограничении компетенции суда с участием присяжных нет необходимости. Одновременно с этим, для каких-то последовательных, серьезных выводов в этом отношении и мер требуется большая аналитиче-

---

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2020 года № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. А. Алиева» // Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

³ Уланова Ю. Ю. Нарушение тайны совещания присяжных: российская и конвенционная практика // Журнал «Судья». 2021 (август). № 8. С. 46-54.

ская работа на основе обобщения судебной практики. Кроме того, необходимо детально проанализировать вышеприведенные аспекты. В целом суд присяжных необходим, поскольку данный институт связывает конкретных граждан, всё общество и государство и сплачивает вокруг идеи беспристрастного суда, укрепляет веру граждан в закон.

УДК 343.1

Е. В. Пушторская

Внедрение ЕНС и уголовное преследование за налоговые преступления – проблемы и возможные пути их решения

Внедрение с 01.01.2023 г. института единого налогового счета (далее — ЕНС), направленное на совершенствование системы администрирования налоговыми органами расчетов налогоплательщиков с бюджетом по обязательным платежам, вызвало много сложностей как в самом механизме взаимодействия между ними, так и в правоприменительной практике. Е. Г. Васильева отмечает в связи с этим возрастание нагрузки на налоговые органы, обусловленное необходимостью корректировки механизмов анализа, обработки информации, получаемой налоговыми органами при производстве оплаты с помощью единого налогового счета¹. Однако риски нововведений, особенно такого передового цифрового уровня, по нашему мнению, будут последовательно нивелированы при апробации указанного института на практике с учетом всех возникающих сложностей.

Рассматриваемые изменения связаны с порядком учета налоговыми органами налоговых обязательств налогоплательщиков, а с учетом системной взаимосвязи положений налогового законодательства об уплате налога и возбуждения уголовного дела в случае его умышленной неуплаты непосредственно затронули и сам порядок направления материалов в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, предусмотренный ст. 32 НК РФ, который также с 01.01.2023 г. изложен законодателем в новой редакции², и ряд смежных институтов в сфере уголовного преследования за уклонение от уплаты налогов.

П. В. Кулагина, оценивая непосредственное влияние института ЕНС на сферу уголовного судопроизводства, рассматривает вероятность квалификации налоговыми органами имеющегося у налогоплательщика отрицательного сальдо единого налогового платежа (далее — ЕНП) в качестве преступного уклонения от уплаты налогов и предлагает «привести статьи 198,

¹Васильева Е. Г. Единый налоговый счет: новый этап цифровизации в системе налогового администрирования в Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2022. № 2. С. 32.

²О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации. Федеральный закон от 14.07.2022 № 263-ФЗ (ред. от 31.07.2023) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 16.07.2023 г.)

199 УК РФ в полное соответствие с Федеральным Законом «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» от 14 июля 2022 г. N 263-ФЗ»¹.

На наш взгляд, указанные опасения напрасны, так как в рассматриваемой норме п.3 ст. 32 НК РФ основанием возникновения недоимки, влияющей на формирование отрицательного сальдо, указаны исключительно результаты налоговой проверки, а именно — решение о привлечении к ответственности, которое выносится по результатам камеральной либо выездной проверки налогоплательщика. Поясним, почему нам представляется необходимым, напротив, внести изменения в налоговое законодательство во избежание проблем правоприменения, которые будут способствовать избежанию лицами, совершившими налоговое преступление, уголовного преследования и справедливого наказания, а также создавать возможности не возмещать причиненный бюджету ущерб.

Порядок направления материалов, при котором налоговым органам для направления материалов с указанной целью необходимо было вынести решение о привлечении к налоговой ответственности, дожидаться его вступления в законную силу, на основании названного решения направить налогоплательщику в рамках ст. 69 НК РФ требование об уплате налогов, пени и штрафов, и по истечении 2-х месячного срока со дня истечения срока уплаты по требованию, констатировав факт того, что налогоплательщик не воспользовался предоставленным ему налоговым законодательством правом избежать инициации уголовного преследования, в течение 10 дней направить материалы проверки в следственные органы СК РФ, действовал на протяжении более 10 лет. Фактически срок направления материалов со дня вступления решения в законную силу составлял 3 месяца.

В новом режиме правового регулирования данный документ трансформировался в требование об уплате задолженности, выставляемое в течение трех месяцев со дня формирования отрицательного сальдо ЕНС и подлежащее исполнению в течение 8 рабочих дней с даты его получения. Задолженность перед бюджетом на ЕНС возникает в связи с неисполнением налогоплательщиком возникших по результатам самостоятельного декларирования налоговых обязанностей по уплате налогов, авансовых платежей, пени и штрафных санкций, как указано в Письме Минфина от 29 декабря 2022 г. № 03-02-07/129955² либо в связи с их доначислением по итогам проверки.

---

¹Кулагина П. В. Проблемы квалификации по ст. 198, 199 УК РФ в связи с введением ЕНС и ЕНП с 1 января 2023 г. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №11-3. С. 163—164.

²Письмо Минфина от 29 декабря 2022 г. № 03-02-07/129955. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 17.07.2023 г.).

В современной редакции п.3 ст. 32 НК РФ, вопреки предположениям о сокращении срока¹, срок для добровольной уплаты после вступления решения по результатам проверки в законную силу, напротив, увеличен.

В настоящее время налоговый орган обязан направлять материалы, которые в соответствии с ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ выступают поводом для уголовного преследования за налоговые преступления, в следственные органы исключительно в случаях, когда денежных средств в качестве ЕНП недостаточно для исполнения полном объеме налоговых обязанностей по результатам проверки (то есть на ЕНС существует отрицательное сальдо) и со дня вступления в силу решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения прошло 75 дней. Период в 10 дней дополнительно дается налоговому органу на выявление таких обстоятельств и направление материалов в следственные органы.

Таким образом, с 01. 01. 2023 года законодателем увеличен срок для добровольной уплаты доначисленных налогов до направления материалов в следственные органы – фактически до 4-х с половиной месяцев со дня вступления решения в законную силу, что свидетельствует о намерении предоставить налогоплательщику возможности «одуматься» и избежать уголовного преследования, доплатив доначисленные суммы в бюджет и добровольно возместив тем самым причиненный ущерб.

Однако и в измененной редакции пункта 3 статьи 32 НК РФ содержится ряд значительных для эффективного правоприменения нормы в соответствии с задумкой законодателя неточностей, препятствующих эффективному правоприменению.

Во-первых, в современной редакции речь идет о направлении в СК РФ только материалов налоговых проверок, по результатам которых установлена недоимка в уголовно наказуемом размере, и по результатам проверки вынесено решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, что исключает возможность направления в следственные органы материалов налоговой проверки в ситуации вынесения по ее результатам решения об отказе в привлечении к ответственности, без применения налоговых санкций, например, в случаях, когда в связи со значительной продолжительностью проверки, продлением срока рассмотрения возражений, а также установлением существенных нарушений за наиболее ранние периоды на дату вынесения решения истекли сроки давности привлечения к налоговой ответственности.

Данный процессуальный тупик можно объяснить только законодательной недоработкой, так как истечение трехлетнего срока давности привлечения к налоговой ответственности никаким образом не должно при совершении преступления исключать привлечение виновного лица к уголовной ответственности, сроки давности привлечения к которой составляют 6 лет (особо крупный размер уклонения), а руководитель налогового органа,

---

¹Подкопаев М. В. Ответственность за неуплату налогов с 01.01.2023 // Бухгалтер Крыма. 2022. № 8. С. 70—71.

вынесший решение об отказе в привлечении к налоговой ответственности, не является лицом, которое может освободить от уголовной ответственности кого-либо¹.

Во-вторых, в норме п.3 с. 32 НК РФ содержится законодательный пробел, позволяющий при уплате доначисленных по результатам проверки налогов оставить недоплаченной недоимку в размере чуть ниже установленного законодателем в качестве крупного либо особо крупного размера и избежать и полного возмещения ущерба бюджетной системе, и уголовного преследования за такое уклонение. Современная редакция п.3 ст. 32 НК РФ хоть и предполагает, что налоговый орган обязан направлять материалы в следственные органы исключительно в случаях, когда денежных средств в качестве ЕНП недостаточно для исполнения полном объеме налоговых обязанностей по результатам проверки, однако обязательность направления материалов возникает только «в отношении неисполненной обязанности, размер которой позволяет предполагать факт совершения нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления»².

На основании вышеизложенного мы не разделяем позицию Г. А. Есакова о том, что частичное погашение задолженности не исключает передачу материалов в следственные органы, даже в случае, если оставшаяся недоимка составляет менее криминообразующего признака по ст. 198 — 199.1 УК РФ³.

В связи с тем, что в первую очередь поступающие денежные средства в качестве ЕНП будут засчитываться в уплату налога, тем самым можно снизить размер самой недоимки до уровня ниже преступного, предусмотренного статьями 198 и 199 УК РФ, а доначисленные в полном объеме пени и штрафы не уплачивать вовсе.

Норма об определении размера недоимки, который позволит предполагать факт совершения преступления, только на основании размера неисполненной обязанности создаст возможность для налогоплательщика, не возмещая ущерб бюджету в полном объеме и доплатив доначисленные суммы таким образом, чтобы размер оставшейся задолженности к уплате был менее суммы ущерба, предусмотренного УК РФ в качестве крупного либо особо крупного, избежать инициации налоговым органом уголовного преследования исходя из буквального толкования п.3 ст. 32 НК РФ.

Предоставление такой возможности является недопустимым, так как в контексте обязательного соблюдения прав субъектов предпринимательской деятельности «добросовестные налогоплательщики ожидают от орга-

---

¹Пушторская Е. В. Роль прокурора в уголовном судопроизводстве по делам о налоговых преступлениях // Криминалистика. – 2023. – № 2(43). – С. 90.

²Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2023) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 28.04.2023 г.).

³Есаков Г. А. Налоговые преступления: тонкая настройка ответственности в 2022 году и на перспективу // Закон. 2022. № 11. С. 41.

нов власти и реализации принципа справедливого распределения общественных благ, и справедливости в сфере равного для всех налогообложения, когда недобросовестный налогоплательщик обязательно понесет наказание и вынужден будет доплатить налоги в бюджет»¹.

Неясности возникают и с формулировками условия о недостаточности денежных средств для исполнения обязанности по уплате доначисленных сумм, так как согласно буквальному толкованию нормы данное условие должно выполняться в течение всех 75 дней. Корректнее нам видится формулировка «по истечении 75 дней», так как далее указано на наступление такого события, как выявление данных обстоятельств, и срок направления материалов проверки в следственные органы поставлен в зависимость от дня выявления обстоятельств. Неясным остается, каким образом будут выявляться и документально фиксироваться данные обстоятельства для расчета течения сроков, установленных п.3 ст. 32 НК РФ.

Таким образом, при полном погашении сумм недоимки по результатам проверки уголовная ответственность не наступит, однако в связи с особенностями функционирования института ЕНС выполнение данного условия для прекращения уголовного преследования представляется проблематичным.

Особый круг правоприменительных проблем возникает в настоящее время в связи с тем, что в совокупности и взаимосвязи нормы ст. 140 УПК РФ и ст. 32 НК РФ не предусматривают возможности направления налоговым органом материалов с признаками преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ в следственные органы.

До внесения 09.03.2022 г. изменений в УПК РФ² налоговые органы, выявив в деяниях налогоплательщика признаки преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ, направляли материалы в следственные органы в соответствии с Протоколами к межведомственному Соглашению³, в случае проведения совместных мероприятий с органом дознания по установлению признаков данного преступления инициатором направления материалов выступал орган дознания в порядке, установленном ч.7—9 ст.144 УПК РФ.

В настоящее время, как справедливо указывает Д. Г. Горобец, действующие положения уголовно-процессуального законодательства не допускают возбуждения уголовного дела по ст. 199.2 УК РФ не только по материалам, поступающим от органов внутренних дел, но и по материалам налогового органа, направляемым без соблюдения порядка, установленного

---

¹Серова Е. Б., Пушторская Е. В. Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях: проблемы и возможные пути их решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. №1 (97). С. 130.

²О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Федеральный закон от 09.03.2022 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 16.07.2023 г.).

³Соглашение о взаимодействии между Следственным комитетом Российской Федерации и Федеральной налоговой службой (заключено 13.02.2012 № 101-162-12/ММВ-27-2/3). [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 17.07.2023 г.).

п. 3 ст. 32 НК РФ¹. Г. А. Есаков отмечает, что механизм юридического вменения лицу преступления, предусмотренного ст. 199.2 УК РФ, рассогласован как по документам, так и по срокам с порядком, установленным п. 3 ст. 32 НК РФ².

В действующей редакции п.3 ст. 32 НК РФ указано на направление материалов в следственные органы, уполномоченные производить предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 198 — 199.2 УК РФ, однако содержание нормы не предполагает направление материалов, содержащих признаки преступления по ст. 199.2 УК РФ, так как условия направления материалов явно свидетельствуют об их относимости только к составам, предусмотренным ст. 198—199.1 УК РФ, выявленным по результатам проведенной налоговым органом проверки.

Состав преступления в форме сокрытия от взыскания денежных средств и имущества, за счет которых должно быть произведено взыскание недоимки по налогам, может быть выявлен после проведения налоговой проверки и неуплате доначисленных сумм, однако не должен быть поставлен под условия, предусмотренные действующей редакцией п.3 ст. 32 НК РФ, так как недоимка по результатам проверки, которую не уплачивает налогоплательщик, скрывая денежные средства от взыскания, может быть и меньше криминообразующего размера.

До 01.01.2023 г. для решения проблем правоприменения при невозможности выполнения условий, предусмотренных п.3 ст. 32 НК РФ, налоговыми органами использовались положения п.3 ст. 82 НК РФ, что приводило к судебным разбирательствам с налогоплательщиками, оспаривающими законность таких действий. Судебная практика по данному вопросу в настоящее время противоречива, примерами могут служить диаметрально противоположные решения судов, как поддерживающие законность направления материалов³, так и полагающих такое направление в целях возбуждения уголовного дела не соответствующим законодательству РФ⁴. Таким образом, мы наблюдаем изменение правоприменительного подхода судебных инстанций к порядку направления материалов.

Д. Г. Горобец полагает, что налоговые органы при выявлении признаков преступления по ст. 199.2 УК РФ вынужденно продолжают практику

---

¹ Горобец Д. Г. Процессуальные аспекты возбуждения уголовных дел по ст. 199.2 УК РФ с учетом введения ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ // *Налоги*. 2022. № 4. С. 39-40.

² Есаков Г. А. Налоговые преступления: тонкая настройка ответственности в 2022 году и на перспективу // *Закон*. 2022. N 11. С. 42. (38—47).

³ Постановление арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 апреля 2023 г. по делу № А44- 76/2022. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 17.07.2023 г.).

⁴ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.05.2023 № 19АП-2408/2023 по делу № А64-9947/2022. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 17.07.2023 г.).

направления материалов по ст. 82 НК РФ¹.

На поддержку позиции применения в целях уголовного преследования положений п. 3 с. 82 НК РФ указывает и внесенный Государственным Советом Республики Татарстан в ГД ФС РФ Проект федерального закона «О внесении изменения в статью 82 части первой Налогового кодекса Российской Федерации».

Однако Генеральная Прокуратура РФ, опубликовав 07.04.2023 г. на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов Проект Приказа Генерального прокурора РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в налоговой сфере»², особо отмечает соответствующим законом только порядок направления налоговыми органами материалов в порядке части 3 статьи 32 НК РФ.

На наш взгляд, использование положений п.3 с. 82 НК РФ в целях направления материалов по ст. 198—199.2 УК РФ не отвечает намерениям законодателя использовать в целях возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях мнение налогового органа, облеченное в процессуальную форму ненормативного правового акта, содержащего как признаки преступления, так и размер недоимки. Иное, как верно отмечает Г. А. Есаков, в случае параллельного расследования возбужденного уголовного дела и проведения налоговым органом проверки лишит лицо возможности избежать уголовного преследования, возместив причиненный бюджету ущерб³.

Следовательно, целесообразным можно полагать не реализацию предложений о внесении изменений, выражающихся в дополнении п.3 ст. 82 НК РФ возможностью направить соответствующие материалы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела⁴, а приведение в соответствии с потребностями практики положений п.3 ст. 32 НК РФ, включив обособленно в норму условия и порядок направления материалов по ст. 199.2 УК РФ. В связи с необходимостью формирования пакета документов, подтверждающих выявленные признаки преступления, получения дополнительных материалов из других государственных органов, считаем целесообразным установить срок направления материалов продолжительностью не менее 30 дней.

---

¹Горобец Д. Г. Процессуальные аспекты возбуждения уголовных дел по ст. 199.2 УК РФ с учетом введения ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ // *Налоги*. 2022. № 4. С. 39—40.

²Проект Приказа Генпрокуратуры России «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в налоговой сфере» [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по управлению государственным имуществом. – 2023. 07 апр. – URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=137353> (дата обращения 16.07.2023 г.).

³Есаков Г. А. Налоговые преступления: тонкая настройка ответственности в 2022 году и на перспективу // *Закон*. 2022. N 11. С. 40.

⁴Законопроект № № 409982-8 «О внесении изменения в статью 82 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. – 2023. 26 июл. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/409982-8> (дата обращения 15.07.2023 г.).

Таким образом, нам видится целесообразным внесение ряда изменений, направленных на исправление нормативных неточностей, рассмотренных выше, для чего полагаем необходимым изменить положения п.3 ст. 32 НК РФ следующим образом:

— изменить условие наступления срока и вид решения налогового органа: «Если в течение 75 дней со дня вступления в силу решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения» на условие «Если по истечении 75 дней со дня вступления в силу решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения либо об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения»;

— дополнить норму отдельным абзацем для случаев выявления преступлений по ст. 199.2 УК РФ: «В случае выявления в ходе проведения проверок либо вне рамок проверок обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления, предусмотренного статьей 199.2 УК РФ, налоговые органы обязаны в течение 30 дней со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в следственные органы, уполномоченные производить предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

— изменить формулировку размера налоговой обязанности, при неуплате которого материалы подлежат направлению: «в отношении неисполненной обязанности...» на «в отношении суммы недоимки...».

И отдельно стоит отметить возникшую в связи с внесенными изменениями правовую неопределенность порядка определения сумм пени, как доначисленных по результатам налоговой проверки, так и уплаченных по ее результатам, в целях возбуждения уголовного дела по ст. 198 – 199.1 УК РФ и прекращения уголовного преследования в случае возмещения ущерба.

Согласно внесенным в 2023 г. изменениям в формы документов, используемых налоговыми органами при проведении проверок¹, ни в акте проверки, ни в решении по результатам проведенной проверки не указывается доначисленная налогоплательщику сумма пени. Впоследствии она формируется автоматически на ЕНС исходя из совокупного состояния расчетов с бюджетом налогоплательщика на дату вынесения решения налогового органа.

Однако уголовно-правовые институты прекращения уголовного преследования по делам о налоговых преступлениях и возмещения причиненного ущерба содержат обязательные положения о необходимости определения суммы пени, приходящейся на суммы неуплаченной недоимки.

---

¹О внесении изменений в приказ Федеральной налоговой службы от 07.11.2018 № ММВ-7-2/628@: Приказ ФНС России от 09.01.2023 № ЕД-7-2/1@ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 17.07.2023 г.).

При уклонении от уплаты налогов, как предусмотрено действующими нормами УК РФ и УПК РФ, возникает ущерб бюджету, который на стадии прекращения уголовного дела по основанию ст. 28.1 УПК РФ представляет собой совокупность налоговых категорий недоимки, пени и штрафов и уплачивается как общая задолженность перед бюджетом в отношении сумм вменяемого уклонения, не задекларированных в установленном законом порядке, который для достижения цели прекращения уголовного дела должен быть уплачен налогоплательщиком либо иными лицами в полном объеме¹.

В направленных в следственные органы материалах будут содержаться сведения о наличии на ЕНС текущей недоимки в криминаобразующем размере, суммы недоимки и штрафных санкций, непосредственно указанные в решении по результатам проверки, а в отношении суммы пени будет указана существующая на момент направления материалов общая задолженность налогоплательщика по пени в бюджет, которая может быть как менее размера пени, относящегося к установленной по результатам проверки недоимке, так и более данного размера.

При этом формы документов, которые подлежат представлению налоговым органом налогоплательщику и свидетельствуют о состоянии расчетов с бюджетом, такой информации также не содержат.

На основании имеющихся данных налоговый орган формирует справку о наличии по состоянию на дату формирования справки положительного, отрицательного или нулевого сальдо ЕНС, справку о принадлежности сумм денежных средств, перечисленных в качестве ЕНП, и справку об исполнении обязанности по уплате налогов, сборов, пеней, штрафов, процентов по состоянию на дату формирования справки.

Таким образом, налогоплательщик, имея намерение прекратить уголовное преследование и возместить ущерб бюджету, в случае наличия недоимки, образовавшейся ранее, чем недоимка по результатам выездной проверки, будет вынужден оплатить сначала более раннюю задолженность, так как возможности погасить недоимку только по результатам проверки и предоставить в следственный орган документ об этом он не имеет.

Следователю для подтверждения безусловного основания прекращения уголовного преследования налогоплательщик должен будет предоставить: справку о наличии по состоянию на дату формирования справки положительного или нулевого сальдо ЕНС, для получения которой он должен фактически погасить всю имеющуюся задолженность перед бюджетом по налоговым платежам, как установленную проверкой, так и задолженность по текущим периодам. Налоговый орган может выдать налогоплательщику

---

¹Пушторская Е. В. О необходимости уточнения налоговых обязательств в случае прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба // Альманах молодого исследователя. – 2022. – № 13. – С. 92.

справку об исполнении обязанности по уплате налогов, сборов, пеней, штрафов, процентов, которая, как и рассмотренная выше справка, подтвердит отсутствие какой-либо задолженности перед бюджетом. Справка о принадлежности сумм денежных средств, перечисленных в качестве ЕНП, не будет содержать данные о погашении недоимки, пени и штрафов за периоды, в которых налоговой проверкой установлены нарушения.

С учетом предусмотренного п.8 ст. 45 НК РФ порядка определения принадлежности сумм денежных средств, перечисленных в качестве ЕНП, если у налогоплательщика имеется недоимка, возникшая в последующие периоды на основании самостоятельного декларирования либо по результатам других налоговых проверок, и по ней начислены пени, ему необходимо будет также оплатить и новую недоимку, и суммы пени. Даже если налогоплательщик погасит все суммы недоимки, и задолженность останется по суммам пени и штрафных санкций, до полной уплаты пени перечисляемые денежные средства не будут учитываться в уплату штрафов, начисленных по результатам проверки.

При формировании налоговым органом по запросу налогоплательщика для предоставления им в следственные органы неформализованного документа об уплате денежных средств в размере недоимки, пени и штрафов, составляющих сумму ущерба при расследовании уголовного дела, могут возникнуть технические ошибки, также могут усматриваться коррупционные риски.

Тем самым фактически прекращение уголовного преследования по основанию возмещения ущерба, установленного по результатам проверки, при наличии какой-либо иной задолженности в настоящее время не представляется возможным.

Таким образом, видится необходимой и соответствующей целям и задачам эффективного возмещения причиненного бюджету ущерба разработка формализованного документа, представляемого налоговым органом в следственные органы, органы прокуратуры или в суд, в котором по состоянию на дату вступления решения в законную силу будет закреплена сумма пени, относящаяся к доначисленным по результатам проверки суммам недоимки, и ее дальнейшее изменение с возможностью формирования сумм пени на требуемую дату в зависимости от размера такой недоимки.

Заключение специалиста как источник доказательств в уголовном судопроизводстве России

В период размывания самим законодателем классических основ учения о доказательствах¹ пытаться обратить внимание на несоответствие некоторых закрепленных в законе источников доказательств этим основам — неблагоприятное дело. И, тем не менее, хочется присоединить свой голос к поборникам чистоты получения той информации, на основании которой выстраивается вывод о виновности или невиновности привлекаемого к уголовной ответственности лица.

Из названия статьи видно, что речь пойдет о таком источнике доказательств, как заключение специалиста. Напомним, что ни прежнему уголовно-процессуальному законодательству, ни новому УПК РФ первоначально такой источник известен не был. Лишь в 2003 году Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ эта разновидность доказательств наряду с показаниями специалиста введена в оборот с закреплением в ч. 3 ст. 80 УПК РФ его понятия. «Заключение специалиста, — гласит эта норма, — представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами». Часть 1 этой же статьи содержит определение давно известного вида доказательств — заключения эксперта, под которым предлагается понимать представленное в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами.

Современные публикации, спустя практически 20 лет после внедрения этого источника в уголовный процесс, по-прежнему свидетельствуют об отсутствии у практических работников четкого представления о том, что представляет собой заключение специалиста и чем оно отличается от заключения эксперта². Причем разобраться в этом не могут слушатели Института повышения квалификации Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ³. Внимательное прочтение закона, тем не менее, позволяет увидеть различие, поскольку эксперт в заключении отражает содержание исследования и выводы по его результатам, а специалист в своем заключении отражает лишь свое суждение, без проведения исследования по установленной для эксперта методике. В подтверждение этого тезиса процессу-

---

¹ Речь, прежде всего, в этом случае идет о придании законодателем доказательственной силы получаемым непроцессуальным путем результатам проверки поводов к возбуждению уголовного дела, допущении использования в качестве доказательств этих «суррогатов» в процессе расследования уголовного дела в сокращенной форме дознания.

² Глушков М. Р. К вопросу о различии заключений эксперта и специалиста // Эксперт-криминалист. 2020. №4. С. 9.

³ Там же.

алисты всегда прибегают к цитированию постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2021 г., в котором указано, что заключение и показания специалиста даются на основе использования специальных знаний ... «При этом следует иметь в виду, - подчеркивается в постановлении, - что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами»¹.

Установлению более детальных различий между этими источниками доказательств посвящены многие труды ученых и предметом настоящего краткого исследования не являются.

Важно подчеркнуть, что эксперт в заключении излагает не только установленные фактические данные и выводы по исследуемым вопросам, но и описывает технические приемы, научные методы и последовательность исследования, что служит доказательственной основой достоверности полученных экспертом результатов. Если даже согласиться с некоторыми утверждениями о том, что и специалист свое суждение формирует на основании пусть и упрощенного, но все-таки исследования, то считать его достаточным для выводов о достоверности суждения все равно нельзя. Специалист не описывает в своем заключении технические приемы, научные методы и последовательность такого исследования, не применяет инструментальные методы и не разрешает в ходе исследования идентификационные задачи. В. А. Семенцов, обращаясь к анализу заключения специалиста, выделяет именно эту его особенность: «...специалист в ходе своей деятельности, как и эксперт, делает выводы (суждения), но они должны быть основаны не на исследованиях с привлечением лабораторного оборудования, сложных вычислений, длительного времени, а на логических умозаключениях»².

Если же исходить от обратного, тогда отличий между заключениями эксперта и специалиста не останется и, следовательно, надобности в одной из разновидностей этих доказательств также не будет.

Но, а раз специалист приходит к суждению без использования исследовательских приемов, средств, научных методов и не указывает механизм формирования предлагаемого вывода, можно ли считать его достоверным и класть в основу принятия процессуального решения? Ответ очевиден, нет. Попытки включить в систему доказательств результаты применения служебной собаки, полиграфа, гипноза, экстрасенсорных приемов были отвергнуты по той причине, что способ получения таких данных не обеспечивает проверяемости всего процесса исследования, он недостаточно научно обоснован и апробирован. «Процесс исследования истины, — отмечает

¹ О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. №28 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Семенцов В. А. Заключение и показания эксперта и специалиста / В кн.: Гладышева О. В., Семенцов В. А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 121.

В. М. Тертышник, - должен быть тоже истинным и обеспечивать получение достоверных данных, а, следовательно, такой процесс должен быть контролируемым на всех его стадиях, проверяемым и хорошо изученным. По крайней мере, должны быть известны механизмы формирования тех или иных выводов или информационных результатов, исследованы все варианты действия используемого метода в зависимости от различных меняющихся условий его применения»¹. Известный ученый Н. А. Селиванов в этой связи подчеркивал, что для уголовно-процессуального доказывания весьма важно, «чтобы лицо, назначившее экспертизу, а также какие-то третьи лица могли мысленно пройти тот путь, который прошел исследователь, и воспринять признаки, которые он воспринял и отразил в своем заключении...»².

Заключение эксперта позволяет это сделать, а вот заключение специалиста – нет. По этим причинам прежнее законодательство и не знало такого источника доказательств, как заключение специалиста. Нет его и в современном уголовно-процессуальном законодательстве некоторых других стран, ранее сверявших свои предписания, прежде всего, с российским законодательством. Например, из смысла глав 10 и 11 УПК Республики Беларусь, посвященных доказательствам и доказыванию, лишь в случае получения защитником с согласия подозреваемого или обвиняемого «мнения специалиста» оно может быть расценено как другой носитель информации и принято во внимание (см. ст. ст. 100, 103 УПК Республики Беларусь). В перечень источников доказательств заключение специалиста не входит³.

Почему же данная разновидность возможной информации, несмотря на указанную «ущербность» ее получения, не гарантирующего достоверность, включена в систему источников доказательств отечественного судопроизводства и используется на практике? Посвящающие свои научные исследования данному вопросу специалисты, пытаются дать объяснение инициативе законодателя, предполагая те цели, которыми он мог руководствоваться, вводя в систему источников доказательств заключение специалиста. Так, Е. В. Елагина и А. Г. Харатишвили указывают на две цели, первая из которых видится в упрощении процедуры получения компетентного суждения сведущего лица, обладающего специальными знаниями, если отсутствуют основания назначения судебной экспертизы. «Второй целью, — по их мнению, — является обеспечение эффективности соблюдения требований об осуществлении уголовного судопроизводства в разумный срок (ст. 6.1 УПК РФ), поскольку возникает возможность оперативного получения компетентного мнения сведущего лица, привлекаемого в качестве специалиста»⁴.

---

¹ Тертышник В. М. Уголовный процесс: Учебное издание. Харьков: Арсис, 1997. С. 161.

² Селиванов Н. А. Методические и процессуальные аспекты криминалистической одорологии // Сборник научных трудов. М.: ЭКЦ МВД России, 1992. С. 39—40.

³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2012. С. 87—95.

⁴ Елагина Е. В., Харатишвили А. Г. Заключение специалиста – доказательство с неопределенной формой и неясным содержанием // Эксперт-криминалист. 2021. №4. С. 10.

В упрощении процедуры использования специальных знаний в уголовном процессе видит практическое значение заключения специалиста и заведующий кафедрой криминалистики Санкт-Петербургской академии Следственного комитета России М. Р. Глушков¹.

Проанализировав процессуальный регламент получения исследуемого доказательства, упоминавшиеся Е. В. Елагина и А. Г. Харатишвили приходят к выводу о том, что «заключение специалиста фактически является консультацией, инициированной одной из сторон уголовного судопроизводства, содержание которой оформляется в письменном виде»². Но раз это только консультация, которая, как установлено, может и не соответствовать действительности, она не должна напрямую становиться доказательством. Представляется, что такое суждение сведущего лица, как и другую не гарантирующую достоверность, но имеющую значение для дела информацию, можно использовать только в качестве ориентирующего источника, направленного на поиск достоверных и допустимых доказательств. Погоня за упрощением порядка использования специальных знаний, как и в целом, стремление современного законодателя упрощать процедуры уголовного судопроизводства (возьмем, хотя бы дознание в сокращенной форме, особые порядки судебного разбирательства), приводит к утрате гарантий соблюдения прав и свобод граждан, вовлекаемых в уголовный процесс. Классик отечественного уголовного процесса П. А. Лупинская, напомним, предупреждала, что результатом дифференциации уголовного судопроизводства в направлении его упрощения может стать ликвидация части процессуальных гарантий³. Думается, что это предостережение начинает реализовываться.

В этой связи можно констатировать, что качество нашего уголовно-процессуального законодательства оставляет желать лучшего, хотя бы в части затронутых вопросов. Причины низкого уровня регламентации законодательных процедур пытаются анализировать многие ученые. Нам импонирует точка зрения доктора юридических наук, профессора А. И. Бойко, который применительно к родственной уголовному процессу отрасли права — уголовному праву, так объясняет слабое качество закона. «Тексты получают заведомо некачественными, - замечает он, - минимум по двум причинам: из-за ограниченных возможностей письменной речи для описания жизни (1) и в силу пожизненно низкого уровня (нравственного и интеллектуального) депутатского корпуса (2)»⁴.

Еще одно объяснение тому, почему в современном законодательстве закрепляются установления, которые раньше считались неприемлемыми,

---

¹ Глушков М. Р. К вопросу о различии заключений эксперта и специалиста // Эксперт-криминалист. 2020. №4. С. 11.

² Елагина Е. В., Харатишвили А. Г. Указ. соч. С. 11.

³ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М.: Инфра-М, 2010. С. 24.

⁴ Бойко А. И. Отзыв на диссертацию Ситниковой А. И. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. №2. С. 95.

вредными для правоприменения, мы находим в позиции доктора юридических наук, профессора Д. А. Корецкого, который вводит в юридический оборот категорию «новой нормальности». «Новая (современная) нормальность», — разъясняет ученый, — есть совокупность форм поведения, которые традиционно и устойчиво считались ненормальными и противоречили принципам юриспруденции, нормам нравственности и морали, но в настоящее время получившие широкое распространение, не прямое или явное одобрение, а в некоторых случаях нейтралитет, выливающийся в попустительство, со стороны властных и общественных структур, и в силу многократного неосуждаемого повторения, постепенно закрепляющиеся в общественном сознании, юриспруденции и государственной идеологии в качестве нормы¹. Проанализировав уголовно-правовое законодательство в условиях «новой нормальности», Д. А. Корецкий делает такой вывод: «иногда новое понимание устойчиво сложившихся теоретических представлений и вытекающей из них практики формирует новое правосознание и, соответственно, новую правоприменительную практику, нередко противоречащую закону и даже конституционным установлениям. Такое явление не может быть терпимым и требует осуждения и противодействия на основе фундаментальных правовых принципов, законов и норм морали, пересматривать которые нет никаких оснований, несмотря на особенности “новой нормальности”»².

Этот вывод смело можно перенести и на уголовно-процессуальное законодательство. Необходимо вернуться к классическому пониманию доказательств, соблюдению фундаментальных требований к их достоверности, допустимости и относимости, что исключит законодателем предоставляемую возможность нарушения прав и свобод, вовлекаемых в уголовное судопроизводство лиц, и повысит доверие населения к правоохранителям, противодействующим преступности.

УДК 343.1

И. В. Семёнова

**К вопросу о взыскании имущественного ущерба
при вынесении оправдательного решения в кассационном
порядке в уголовном судопроизводстве**

Противодействие преступлениям в сфере компьютерной информации возможно реализовать только при работе целой системы государственных органов, чья деятельность направлена на такую борьбу.

---

¹ Корецкий Д. А. Уголовно-правовое законодательство в условиях «новой нормальности» и современный конституционализм // Российская юстиция. 2022. №5. С. 31.

² Корецкий Д. А. Указ. соч. С. 34.

Судебная система, следственные органы и органы дознания должны выступать единым механизмом, осуществляющим защиту личности, общества и государства, путем снижения уровня преступности, контроля ее деятельности и минимизация и (или) ликвидация нанесенного ею ущерба [1].

Одним из элементов является российское правосудие. Правосудие может быть эффективным лишь в случае существования единообразной практики ее применения, формирующейся на совершенствовании применении уголовно-правовых норм. Следует отметить, что введенная в 2020 году статья 274.2 в УК РФ, до настоящего времени не имеет практику применения.

Рассматриваемая категория преступлений, зачастую сопряжена с причинением материального ущерба потерпевшему.

Преступление, связанное с причинением ущерба собственности, совершается, когда лицо намеренно наносит ущерб собственности другого лица без разрешения другого лица. Важной особенностью преступления является то, что субъект наносит ущерб собственности намеренно и сознательно и ущерб не является результатом халатности или безрассудства.

Исходя из положений, закрепленных в статьях 46 и 52 Конституции Российской Федерации, следует, что права потерпевших охраняются законом и гарантируется компенсация причиненного им ущерба.

Потерпевшим может быть признано физическое и юридическое лицо, наделенное правом требования восстановления нарушенных прав и устранения вредных последствий, причиненных в результате совершения преступления. Гражданский кодекс РФ в статье 12 возмещение убытков относит к одному из способов восстановления нарушенных прав.¹

Государственная защита имущественных прав потерпевшего реализуется на основе статьи 6 УПК РФ, определяющей, что лицо, которому причинен ущерб в результате совершения преступления, в гражданском судопроизводстве может потребовать его компенсацию путем подачи иска. На порядок возмещение ущерба, причиненного в результате совершения преступления, распространяются общие правила, установленные Гражданским кодексом РФ и закрепленные в статье 1064, при этом в уголовном судопроизводстве должна быть установлена причинно-следственная связь совершенного преступления и реального ущерба.

Под имущественным ущербом, согласно действующему законодательству, понимаются затраты, понесенные в результате восстановления утраченного имущества, восстановления прав, нарушенных в результате совершенного преступления, а также не получение определенных доходов, которые лицо могло бы получить в случае не совершения преступления

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 "О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу" // <https://vsrf.ru/documents/own/29308/>.

[2, с. 54]. До недавнего времени, а конкретно до 2018 года, данный факт распространялся на деяния, совершенные с преступным умыслом в сфере собственности.

При причинении имущественного ущерба (упущенной выгодой) при совершении преступления в сфере компьютерной информации, отнесенных в уголовном кодексе РФ, например, к преступлениям, в сфере общественной безопасности, суд не отказывает в праве на компенсацию причиненного ущерба.

Например, в городе Брянск Бежицким районным судом были признаны виновными Левин Валентин Игоревич — в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 272, ч. 2 ст. 273 УК РФ и Дидовец Дмитрий Николаевич - в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 272, ч. 2 ст. 273 УК РФ за умышленное, совместное, совершенное по предварительному сговору из корыстной заинтересованности деяние, совершенное в офисе торгово-монтажной компании. Не имея санкционированного доступа к компьютерной информации НАО, составляющей коммерческую тайну, используя программы, предназначенные для изменения хранимой в памяти смарт-карты информации, осуществили неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, содержащейся в системах спутникового телевидения, способом, не предусмотренным данной компанией, что повлекло ее модификацию.

В суде представитель потерпевшего НАО М. пояснил, что эта организация осуществляет оказание услуг доступа к просмотру пакетов телевизионных каналов «Триколор ТВ» физическим и юридическим лицам.

Услуги данной Компании являются платными и предоставляются на основании заключаемых абонентских договоров. Размер абонентской платы зависит от выбранного абонентом тарифа и от объема предоставляемых прав, но срок доступа не может превышать год.

В обоснование заявленного гражданского иска, истцом указывается, что в результате действий подсудимых НАО «НСК» не получило доход в размере некой суммы.

В уголовном суде были рассмотрены исковые требования о взыскании суммы причиненного материального ущерба, в виде неполученных доходов (упущенной выгоды), суд признал за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска, определив рассмотрение вопроса о размере возмещения гражданского иска в порядке гражданского судопроизводства. В связи с этим, иск необходимо передать для рассмотрения по месту определенному в решении, поскольку он требует дополнительного расчета и доказывания размера неполученных доходов¹.

В связи с этим, отмечается в научной литературе, что при подаче гражданского иска отношения собственности должны выступать основным объектом преступления, так как именно они охватываются умыслом лица

---

¹Дело № 1-11/2018 (1-412/2017), Бежицкий районный суд г. Брянска.

при совершении посягательства, а совершение неправомерного доступа к компьютерной информации есть лишь промежуточный этап в процессе совершения противоправного деяния» [3], является лишь теоретизированным. Однако судебная практика говорит нам об обратном и не имеющим подтверждения.

Следует отметить отдельные аспекты, касающиеся подачи гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства.

1) В рамках уголовного преследования иск, не связанный с предметом преступления, предъявить нельзя.

2) Важным аспектом является срок заявленного требования [4].

Заявить о материальном ущербе можно только после возбуждения уголовного дела и до удаления суда в совещательную комнату, при этом не позднее 3 лет с момента наступления ущерба, поскольку без поданного иска, ущерб не подлежит соответствующему возмещению.

Существует несколько оснований подачи гражданского иска в рамках уголовного преследования. Так, прежде всего, должно быть уголовное дело возбуждено, а лицо, понесшее имущественный ущерб получить в рамках уголовного производства статус потерпевшего и иметь подтверждающие ущерб доказательства.

Казалось бы, все достаточно просто. Ведь если приговором суда обвиняемый признан виновным в совершении преступления и в уголовном судопроизводстве было доказано, что имущественный вред причинен в результате совершенного противоправного деяния, то в рамках гражданского судопроизводства не составит труда получить положительное решение. Однако существует неоднозначная практика реализации рассматриваемого права потерпевшего.

Так для потерпевшей стороны, не является интересна судьба осужденного и тем более его дальнейшие действия, связанные с обжалованием решения, принятого судом, особенно в части касающейся приговора, вступившего в законную силу.

Тем не менее такое право у осужденного есть, и оно закреплено в статье 401.1, 401.2 УПК РФ. Осужденному предоставляется возможность обжаловать решение суда, вступившее в законную силу в течение полу года. Для лица, содержащегося под стражей, данный срок начинает протекать со дня вручения ему копии решения.

В 2019 году система судов претерпела изменения. С появлением межрегиональных кассационных судов общей юрисдикции и кассационного военного суда, межрегиональных апелляционных судов была исключена возможность рассмотрения дела в различных инстанциях в одном регионе, что способствовало более объективному рассмотрению уголовных дел.

Кассационная инстанция тщательно разбирается в обстоятельствах дела, в вопросах допустимости доказательств, в доводах защиты, оценивая обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

При этом, перечень оснований для отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке ограничен, а именно:

- нарушение закона, повлиявшие на исход дела;
- выявление сведений, о нарушении или невыполнении обязательств, установленных досудебным соглашением о сотрудничестве;
- незаконный состав суда;
- нарушение тайны совещания судей при постановлении приговора;
- отсутствие подписи судьи или одного из судей, если уголовное дело рассматривалось судом коллегиально, на соответствующем судебном решении;
- отсутствие протокола судебного заседания, назначение более строгого наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации;
- ошибочная квалификация преступления.

Следует обратить внимание, что за такой продолжительный период в рамках гражданского производства может быть вынесено решение о компенсации имущественного ущерба, выписан исполнительный лист, возбуждено исполнительное производства и даже взыскана определенная сумма. В таком случае не однозначно понимание как быть, если в кассационном производстве приговор был отменен или решение обжаловано в части, касающейся гражданского иска.

Исходя из положений п.3 ч.1 ст. 401.4 УПК РФ, в любом случае дело должно быть, передано или на новое рассмотрение или прокурору, на котором лежит бремя доказывания, согласно пункту 4 части 1 статьи 73 УПК РФ характера и размера причиненного имущественного ущерба. В части обжалования гражданского иска, первая инстанция должна была рассмотреть гражданско-правовую сторону вопроса, не принимая во внимание уголовную составляющую дела, тем самым разделяя уголовную и гражданскую составляющую дела. Этим, предопределяя разрыв связи уголовного дела и гражданского иска, рассматриваемого в гражданском судопроизводстве согласно правилам гражданского процессуального кодекса РФ.

В 2020 году отчасти Верховным судом РФ увещевания представителей сторон были услышаны. В своем Постановлении определил вопросы, касающиеся рассмотрения гражданского иска, определив совместное рассмотрение.

Так, рассматривая дела в особом порядке, суды обязаны исследовать вопросы, касающиеся заявленного гражданского иска. Суд должен принять определенное решение. При вынесении приговора, носящего обвинительный характер, суду необходимо удовлетворить гражданский иск в части касающейся обвинения, с которыми обвиняемый согласился. Однако существует оговорка, иск рассматривается при отсутствии препятствий.

Согласно п.10 ч.1 ст. 299 Уголовного процессуального кодекса РФ при вынесении обвинительного приговора необходимо суду установить лицо в чью пользу будет вынесено решение и размер удовлетворения гражданского иска. В описательной части должны быть указаны мотивы, лежащие в основе вынесения соответствующего решения, с указанием ссылки на нормативный источник, на основе которого принималось решение, а также расчеты сумм, подлежащих взысканию. Исследуемые доказательства в рамках судебного разбирательства, на основе которых устанавливается характер причиненного вреда и его размер указываются в приговоре, даже в случаях отказа в удовлетворении гражданского иска.

При совершении преступления, в результате которого причинен имущественный вред, несколькими подсудимыми, сумма подлежит взысканию солидарно, либо согласно долям определенными судом. В приговоре также указывается порядок взыскания суммы иска нескольких истцов к нескольким подсудимым, с указанием суммы солидарной ответственности и суммы взыскания в пользу каждого истца отдельно.

При решении вопроса возмещения ущерба если в отношении одного подсудимого вынесен обвинительный приговор, а в отношении других выделено отдельное производство или освобождены от ответственности, в основу которых легли нереабилитирующие основания, то возмещать должен осужденный в полном объеме. При вынесении обвинительного приговора лицу, чье дело было вынесено в отдельное производство, вред возмещается солидарно.

Следует отметить еще одно положительное решение ВС РФ, касающееся основания передачи рассмотрения иска в гражданское судопроизводство. Так если еще недавно, судья уголовного суда при необходимости проведения дополнительных расчетов, уточнения размера ущерба (вреда) передавал иск на рассмотрение в гражданское производство, то в настоящее время такого рода уточнения должны проводиться при рассмотрении дела в уголовном производстве, поскольку размер ущерба имеет существенное значение на квалификацию деяния. Удовлетворение иска в порядке ч.2 ст. 309 УПК РФ и передача его на рассмотрение в суд гражданского производства должно быть мотивировано и отражаться в приговоре суда. Об этом извещается истец, и направляются ему копии материалов дела, в части касающейся гражданского иска, а именно копии:

- обвинительного приговора;
- решения суда апелляционной инстанции;
- искового заявления (заявления);
- решений о признании гражданским истцом, гражданским ответчиком либо выписку из протокола судебного заседания;
- иных материалов дела, подтверждающих искомые требования, а также необходимых для решения вопроса об их размере.

При оставлении уголовным судом гражданского иска без рассмотрения, за истцом остается право в гражданском судопроизводстве предъявить иск.¹

Таким образом, рассмотренные положения оказывают существенное влияние на своевременное восстановление нарушенных противозаконным деянием прав потерпевшего, несколько упрощает порядок компенсации имущественного ущерба. Однако остается неурегулированным механизм реализации положения, особенно если ущерб был компенсирован ранее. Тем самым возвращаемся к разобщенности уголовного и гражданского судопроизводства по факту причинения имущественного ущерба, в результате совершенного преступления.

Нормативная правовая база не совершенна в данном направлении и требует дополнений и разъяснений в отношении полномочий и порядка реализации полномочий судов апелляционной и кассационной инстанции при рассмотрении вопросов привлечения к уголовной ответственности и компенсации материального ущерба.

Список источников

1. Воронин Юрий Александрович, Майоров Андрей Владимирович Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Всероссийский криминологический журнал. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-formirovaniya-sistemy-protivodeystviya-prestupnosti-v-rossii> (дата обращения: 09.07.2023).

2. Вохидов Х.М. Ущерб, причиненный в результате преступления, и требование о его взыскании // Российский следователь. 2016. № 24. С. 53—55.

3. Овсяков Д.А. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы квалификации: монография / под науч. ред. С. М. Кочои. Москва: Проспект, 2023. 184 с. / Консультант плюс (дата обращения 31.07.2023)

4. Разумовский, Д. Б. Гражданский иск в уголовном деле: специальность 12.00.09 "Уголовный процесс": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Разумовский Дмитрий Борисович. – Москва, 2004. – 33 с. – EDN NHWVVP.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Бюллетень Верховного Суда РФ", № 12, декабрь, 2020.

Основания и порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве

Досудебное соглашение о сотрудничестве – один из эффективных инструментов повышения результативности предварительного расследования по уголовным делам, находящихся в производстве следственных органов. По своему существу оно выступает аналогом взаимовыгодной сделки между стороной обвинения и стороной защиты. Для стороны обвинения досудебное соглашение уменьшает бюджетные расходы на уголовное производство, способствует решению задач уголовного судопроизводства по привлечению к уголовной ответственности виновных лиц и возмещению вреда, причиненного преступлением, сокращает сроки расследования и судебного рассмотрения дела. Для стороны защиты, в свою очередь, «сделка с правосудием» может учитываться при решении вопроса об избрании и продлении меры пресечения и гарантирует смягчение наказания.

Как справедливо отмечает Н. А. Дудина, досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой одну из форм реализации в уголовном процессе уголовно-правовых норм о деятельном раскаянии, так как добровольное сообщение обвиняемым (подозреваемым) полных и достоверных сведений о совершенном им преступлении существенно облегчает процесс доказывания и последующее привлечение его к установленной законом ответственности¹. Здесь же отметим, что заключение досудебного соглашения о сотрудничестве возможно лишь с совершеннолетним лицом, поскольку УПК РФ не предусматривает возможности судебного рассмотрения уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, в особом порядке уголовного судопроизводства. Степень и эффективность содействия несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) органам предварительного следствия учитывается только в качестве обстоятельства, смягчающего его ответственность.

Несмотря на сложившуюся практику применения исследуемого процессуального института, до настоящего времени присутствует неопределенность и неоднозначность толкования составляющих его правовых норм, в том числе касающихся порядка заключения соглашения.

Во-первых, мы разделяем позицию ученых, полагающих, что для заключения соглашения необходимо наличие двух оснований: процессуального и материального.

---

¹ Дудина Н. А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния : дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Дудина Надежда Афанасьевна; [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. – Томск, 2015. – С. 27, 33–34.

В соответствии с положениями главы 40.1 УПК РФ, досудебное соглашение заключается прокурором с обвиняемым (подозреваемым), по письменному ходатайству последнего, подписанному защитником, поддержанному следователем и согласованному руководителем следственного органа. Данное ходатайство, составленное и поданное в установленном УПК РФ порядке, является фактическим процессуальным основанием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Законодатель не определяет форму, которой должно соответствовать заявляемое обвиняемым (подозреваемым) ходатайство, ограничиваясь лишь указанием на то, что такое ходатайство заявляется на имя прокурора, должно иметь письменную форму, быть подписано защитником и содержать указание на конкретные действия, обязательство о совершении которых намеревается принять на себя субъект.

Так, в производстве следственной части СУ УТ МВД России по СЗФО находилось уголовное дело по обвинению К. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ. Установлено, что К., являясь участником преступной группы, выполнял функции «курьера-закладчика» и осуществлял деятельность, связанную со сбытом наркотических средств и психотропных веществ бесконтактным способом посредством интернет-магазина «X-lab», а полученное от совершения преступлений вознаграждение в виде криптовалюты в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами, приобретенными им в результате совершения преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств, используя виртуальные кошельки, легализовал путем проведения ряда операций с использованием сервисов по обмену электронных средств платежа, конвертировав их в 452 802 руб., с последующим перечислением на используемые обвиняемым банковские карты.

В период предварительного следствия с К. было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в рамках исполнения обязательств по которому обвиняемым даны подробные показания о схеме получения и вывода денежных средств, полученных в результате сбыта наркотических средств, в том числе конвертации криптовалюты в рубли, порядка окончательного получения денежных средств на банковские карты, сумм и дат получения денежных средств (виды криптовалют, номера электронных кошельков, логины и пароли приложений с использованием которых осуществлялось поступление криптовалюты от «куратора»). Эти показания позволили не только получить дополнительные доказательства, но и установить обстоятельства преступлений, совершенных в условиях неочевидности, в том числе роль и степень вовлеченности в преступную деятельность соучастников К.

Следует отметить, что законодатель не связывает возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с обязанностью лица

совершить все перечисленные действия. По этому же пути идет и правоприменительная практика, так как непосредственную ценность для процесса осуществления уголовного судопроизводства имеет в первую очередь значение сообщаемых обвиняемым (подозреваемым) сведений и их влияние на достижение целей и задач уголовного судопроизводства.

Так, по делу в отношении П., который обвинялся в совершении 11 эпизодов сбыта посредством «закладок» наркотических средств и психотропного вещества, было заключено досудебное соглашение, предметом которого стало обязательство П. сообщить в ходе расследования все данные о лицах, причастных к совершению инкриминируемых ему деяний, а также иных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, о которых он осведомлен, с указанием их конкретных преступных действий, адресов проживания и возможного пребывания данных лиц в настоящее время (при необходимости, в ходе следственного действия – проверки показаний на месте); сообщить обо всех иных известных ему фактах преступной деятельности лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, в том числе о местах преступных посягательств, времени и способе совершения преступления, роли в них каждого из соучастников; опознать лиц, совместно с которыми он совершал данные преступления; в ходе дальнейшего предварительного расследования и судебных заседаний полностью подтверждать свои показания, данные на этапе предварительного следствия в качестве подозреваемого и обвиняемого по данному уголовному делу, в том числе в ходе очных ставок с лицами, причастными к совершению данных преступлений, проверок показаний на месте, а также уголовному делу, выделенному из данного уголовного дела, а также в дальнейшем по выделенным уголовным делам в отношении известных ему соучастников и в ходе судебных заседаний по указанным уголовным делам; не отказываться от проведения следственных действий, необходимость в совершении которых может возникнуть в ходе предварительного расследования; не скрываться от органов предварительного следствия и суда; не оказывать противодействия проводимому расследованию, а также рассмотрению дела в суде.

Фактически, исполняя данное досудебное соглашение о сотрудничестве, П. полностью признал себя виновным в совершении всех инкриминируемых ему деяний, дал признательные показания по обстоятельствам совершенных им преступлений, изобличающие не только его самого, но и других лиц, причастных к преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, подтвердил свои показания в ходе проверки показаний на месте. На основе показаний П. установлены обстоятельства осуществления сбытов наркотических средств и психотропных веществ посредством средств электронного общения «Orbot» и «Гидра», а также доказана причастность к незаконному обороту наркотических средств З., в отношении которого возбуждено уголовное дело.

Аналогичным образом, Ч., исполняя заключенное с ним досудебное соглашение по уголовному делу о покушении на сбыт наркотического средства, полностью признал себя виновным в совершении девяти инкриминируемых ему деяний, дал признательные показания по обстоятельствам совершенных им преступлений, изобличающие не только его самого, но и других лиц, причастных к преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, подтвердил свои показания в ходе проверки показаний на месте, продемонстрировал места размещения «закладок», о которых не было известно сотрудникам органов внутренних дел. На основе показаний Ч. установлены обстоятельства осуществления сбытов наркотических средств и психотропных веществ посредством средства электронного общения «Гидра».

Не вызывает сомнений, что по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, обвиняемый (подозреваемый) далеко не всегда может оказать действие в розыске имущества, добытого в результате преступления. Тем не менее такие преступления имеют исключительную общественную опасность и высокую сложность установления и доказывания «цепочки» законспирированных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий продавцов и посредников. Изложенное прямо обуславливает острую необходимость заключения таких досудебных соглашений о сотрудничестве с включение в него и обязательств, касающихся розыска имущества, добытого преступным путем.

Таким образом, нельзя не согласиться с мнением Пиюка А. В., полагающего, что для принятия процессуального решения о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо также наличие такого «материального» основания, как наличие у обвиняемого (подозреваемого) сведений, представляющих интерес для органов, осуществляющих уголовное преследование¹.

Необходимо отметить, что УПК РФ не содержит ограничений в части количества досудебных соглашений, заключенных прокурором по одному уголовному делу. Таким образом, досудебные соглашения о сотрудничестве могут быть заключены как с одним, так и с каждым из нескольких подозреваемых (обвиняемых).

При этом согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства досудебное соглашение о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) может быть заключено только по таким уголовным делам, расследование по которым осуществляется в форме предварительного следствия, однако, по нашему мнению, эффективность применения данного правового института могла бы быть существенно повышена путем распространения его применения на уголовные дела о преступлениях экономической

---

¹ Пиюк, А. В. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве / А. В. Пиюк // Законность. – 2016. – № 12(986). – С. 54.

направленности, находящихся в производстве дознавателей (прежде всего, таможенных органов).

Так, например, неоспоримой является значимость ущерба бюджету Российской Федерации, причиняемого преступлениями, связанными с уклонением от уплаты таможенных платежей. Большинство таких преступлений, совершаются в составе группы лиц, сопряжены с многочисленными коррупционными проявлениями, как непосредственно в таможенных, так и в иных государственных органах.

Вместе с тем у органа дознания и прокурора при расследовании таможенных преступлений фактически отсутствуют законодательные рычаги, которые могли бы склонить установленного непосредственного декларанта (например, водителя в случае уклонения от уплаты таможенных платежей путем перемещения иностранных транспортных средств на таможенную территорию ЕАЭС с помещением их под лже-процедуру временного ввоза) к даче показаний на фактических выгодоприобретателей, бенефициаров поставки, а также должностных лиц, государственных органов, которые за денежное вознаграждение способствовали совершению, сокрытию преступления, либо распоряжению незаконно ввезенным имуществом. При этом без таких показаний, в условиях все повышающейся глобальной цифровой конфиденциальности, доказывание причастности тех, кто «стоит за спиной» лица, непосредственно перемещающего незадекларированный либо ненадлежащим образом задекларированный товар, является фактически невозможным.

Альтернативой распространения положений о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве на такую форму предварительного расследования, как дознание, может стать наделение таможенных органов полномочиями по осуществлению предварительного следствия, на необходимость чего неоднократно указывалось практикой.

Говоря об основаниях заключения досудебного соглашения, нельзя не отметить, что ходатайство о заключении такого соглашения может быть подано лицом после приобретения процессуального статуса обвиняемого (подозреваемого) и до уведомления обвиняемого об окончании предварительного следствия. Законодатель предусмотрел достаточно сложный путь направления ходатайства прокурору. Первоначально лицо заявляет ходатайство следователю, в чьем производстве находится дело. Тот, свою очередь выносит мотивированное постановление, согласовывает его с руководителем следственного органа, и только после этого материалы поступают прокурору. В случае отказа следователя в удовлетворении ходатайства обвиняемого (подозреваемого), им выносятся соответствующее постановление. УПК РФ наделяет обвиняемого (подозреваемого) и его защитника правом обжаловать постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства подозреваемого (обвиняемого) в заключении досудебного согла-

шения о сотрудничестве, однако необоснованно не обязывает его уведомлять о факте поступления такого ходатайства и результатах его рассмотрения прокурора, как и не предоставляет прокурору право отмены незаконного и необоснованного решения следователя.

Представляется, что такой подход может иметь негативные последствия, когда в силу тех или иных обстоятельств субъективного характера (нежелание процессуальным путем проверять дополнительную информацию, стремление избежать увеличение служебной нагрузки, коррупционные проявления и т. д.) следователь (руководитель следственного органа) имеет возможность незаконно отказать лицу в реализации его права, тем самым сокрыть от учета и регистрации иные преступления, обеспечить непривлечение к уголовной ответственности соучастников преступления и др.

Требования ст. 317.2 УПК РФ предусматривают, что ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве рассматривается прокурором в течение трех суток с момента его поступления, по результатам чего выносится постановление либо об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, либо об отказе в его удовлетворении. Такое процессуальное решение прокурора может быть обжаловано следователем, подозреваемым (обвиняемым) и (или) его защитником вышестоящему прокурору. Представляется возможным согласиться с высказанной в литературе позицией, что заключение досудебного соглашения о сотрудничестве является не только исключительной прерогативой, но и правом прокурора, а не его обязанностью¹, что в полной мере корреспондирует с положениями п. 5.2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Вместе с тем хотя законодатель и не привел императивного указания на необходимость мотивированности такого отказа, в силу положений ч. 4 ст. 7 УПК РФ представляется, что те или иные мотивы отказа в постановлении все же должны быть приведены. Вместе с тем сущность таких мотивов может быть сведена не только к нарушению обвиняемым (подозреваемым), его защитником или следователем процедуры заявления ходатайства, но и, собственно, к отсутствию «материального» основания, а именно к незначительности для целей уголовного преследования той информации, которую готов сообщить обвиняемый (подозреваемый).

В этой связи, принимая во внимание исключительность компетенции прокурора на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, представляется целесообразным законодательно закрепить возможность обжалования такого решения прокурора только в случае нарушения им процедуры вынесения соответствующего решения, например, нарушения сроков, вынесение процессуального решения неуполномоченным лицом и т. п.

---

¹ Рыжаков, А. П. Обновленные правила досудебного соглашения о сотрудничестве (комментарий к Федеральному закону от 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ) / А. П. Рыжаков – Специально для системы ГАРАНТ, 2016 г.

В случае, когда ходатайство подозреваемого (обвиняемого) прокурором удовлетворено, прокурор приглашает следователя, подозреваемого (обвиняемого) и его защитника и с их участием составляет досудебное соглашение о сотрудничестве.

В настоящее время заключение досудебного соглашения о сотрудничестве возможно только в условиях непосредственного участия лица, с которым такое досудебное соглашение заключается. Вместе с тем в научной и научно-практической литературе высказывается мнение о возможности распространения института досудебного соглашения о сотрудничестве на случаи, когда лицо скрылось от органов предварительного расследования и суда. Так, по мнению Багаутдинова Н. Ф. и Заики А.М., в случаях, когда обвиняемый скрылся от органов предварительного следствия и суда, следователь, а также и прокурор могут предложить адвокату обвиняемого либо родным и близким разыскиваемого лица связаться с ним и предложить ему «сдаться» с возможностью заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. При этом лицо, находящееся в розыске, берет на себя обязательства явиться добровольно к следователю, дать показания и т.д. Указанными авторами предлагается, что в такой ситуации досудебное соглашение за него подписывается адвокатом либо близким родственником, а после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве разыскиваемое лицо является с повинной и с ним заключается полноценное досудебное соглашение о сотрудничестве¹.

Мы данную позицию разделить не можем. Во-первых, не вполне ясно, как следует поступать в данном случае с исчислением сроков давности привлечения лица к уголовной ответственности, которые, как известно, приостанавливаются, если лицо скрывается от органов предварительного следствия и суда.

Во-вторых, возникает вопрос, получает ли в данном случае лицо право на смягчение своей участи. Тем, что подозреваемый (обвиняемый) скрылся от органов предварительного расследования, он самостоятельно усугубил свое положение и продемонстрировал активное нежелание сотрудничать с органами предварительного следствия. При таких данных оснований для ответного смягчения его наказания в условиях одного только восстановления нарушенной им процессуальной ситуации в ее исходное состояние не усматривается и представляется, что заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, как акт раскаяния лица, причастного к преступлению, возможен только при демонстрации им активной созидательной роли в расследовании.

Обращает на себя внимание, что законодателем не регламентирован срок, в течение которого после вынесения постановления об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве

---

¹ Заика, А. М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нерешённые вопросы / А. М. Заика, Ф. Н. Багаутдинов // Законность. – 2022. – № 11(1057). – С. 18.

такое соглашение должно быть составлено и заключено. Аналогичным образом, законодатель не указывает, составляется ли при заключении досудебного соглашения протокол. При этом единого подхода не выработано и практикой.

Представляется, что лица, участвующие в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, должны быть приглашены для его составления в кратчайшие сроки, исходя из условий содержания подозреваемого (обвиняемого) и необходимости его этапирования. При этом процедура заключения досудебного соглашения осуществляется на стадии предварительного расследования стороной обвинения, ввиду чего может быть отнесена к процессуальным действиям, что требует ее протоколирования. При этом составление соответствующего протокола дополнительно подтвердит легитимность протокола, факт разъяснения участникам (прежде всего, подозреваемому (обвиняемому)) их прав, обязанностей и правовых последствий заключения досудебного соглашения, а также подтвердит, что заключая досудебное соглашение, прокурор убедился в добровольности действий подозреваемого (обвиняемого), понимании им сути тех действий, обязательство о совершении которых он на себя принимает, а также во владении им русским языком (либо протокол закрепит участие соответствующего переводчика).

Реализация полномочий по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве на современном этапе уже позволила повысить эффективность противодействия преступности, в первую очередь, имеющей признаки организованности. Вместе с тем непосредственное применение данного правового института и оценка его потенциала указывают на необходимость дальнейшего реформирования положений главы 40.1 УПК РФ, более широкого его распространения в досудебном производстве, наделения прокурора дополнительными полномочиями, корреспондирующими с исключительностью его компетенции по заключению такого соглашения, устранения пробелов в законодательстве и правовых коллизий.

Так, помимо выше изложенных вопросов, в научной и научно-практической литературе высказываются мнения о необходимости участия потерпевшего в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и обязательном учете его мнения, а также о том, чтобы обязательным условием заключения этого соглашения было возмещение подозреваемым или обвиняемым причиненного потерпевшему вреда¹.

Вместе с тем представляется, что как не может выступать субъектом заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и не выступает его окончательным подписантом следователь, являющийся лицом, непосредственно заинтересованным в окончательных результатах расследования

---

¹ Топчиева, Т. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Топчиева Татьяна Владимировна ; [Место защиты: С.-Петерб. ун-т МВД РФ]. – Санкт-Петербург, 2013. – 22 с.

конкретного преступления, так не может таковым выступать и потерпевший, интересы которого сводятся к совершенному непосредственно в отношении него преступному посягательству. В то же время сформированная в части института досудебного соглашения о сотрудничестве правовая схема в полной мере соответствует позиции прокуратуры как органа, осуществляющего надзорные полномочия независимо от статистических показателей, от стороны процесса, а в интересах общества и государства, в целях реального противодействия преступности и максимально возможного выявления, пресечения и раскрытия преступлений.

В этих целях, в том числе, представляется обоснованным высказанное Багаутдиновым Н. Ф. и Заикой А. М. мнение о необходимости законодательного закрепления возможности освобождения сотрудничающего лица от уголовной ответственности¹. Такое освобождение от уголовной ответственности, безусловно, может применяться только судом и иметь место в исключительных случаях особой ценности, важности и значимости сообщенной лицом, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, информации. Такая информация могла сыграть решающую роль в изобличении и привлечении к уголовной ответственности организаторов или иных активных участников преступления, либо обеспечила предотвращение значительных общественно опасных последствий, при этом не могла быть получена органом предварительного расследования из иных источников. В таких случаях суд может признать лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, виновным, но освободить его от уголовной ответственности и наказания, что стало бы дополнительным стимулом для заключения такого соглашения и изобличения виновным своих соучастников.

УДК 343.1

Н. В. Спесивов

Влияние цифровых технологий на оптимизацию деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве

Появление цифровых технологий, стремительно набирающих обороты в последнее время, имеет своим важнейшим положительным следствием трансформацию различных составляющих общественной жизни, в результате чего видоизменяется их правовое регулирование. Первоначально «апробирование» внедрение цифровых технологий произошло в гражданско-правовой сфере, которая отличается некой «гибкостью», но очевидно,

---

¹ Заика, А. М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нерешённые вопросы / А. М. Заика, Ф. Н. Багаутдинов // Законность. – 2022. – № 11(1057). – С. 13–19.

что это не могло не коснуться и «консервативного блок» законодательства и права, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность.

Процесс цифровизации затронул и деятельность суда, прокурора, органов, осуществляющих предварительное расследование. Нельзя не учитывать и современные реалии, которые предоставляет нам мировая тенденция (бурное развитие информационных технологий, сложная геополитическая и эпидемиологическая обстановка и т. д.). Важно отметить, в Указе Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» прописаны цели развития Российской Федерации до 2030 года, одной из которых является цифровая трансформация¹.

Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О внесении изменений в Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» от 01.12.2021 №713 были внесены новые корректировки по оптимизации цифровой трансформации в органах прокуратуры². Так, п.5 данного приказа утверждено полное внедрение электронного документооборота в органах прокуратуры в целях перехода на безбумажное делопроизводство. Причем внедрение полного электронного документооборота более точно конкретизировано в Приказе Генпрокуратуры России «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации»³ от 29.12.2011 года № 450. Пунктом 11 отмечено создание аналитической платформы баз данных органов прокуратуры с применением стандартов обработки массивов больших данных в облачных и иных системах, технологий искусственного интеллекта.

Процесс модернизации уголовного судопроизводства тесно связан с появлением новых цифровых форм осуществления процессуальных действий на стадии расследования уголовного дела, что нашло свое закрепление в законодательстве Российской Федерации.

Введение в производство цифровой системы надзора за органами, осуществляющими преследование, способствует более точно и оптимизировано осуществлять функцию надзора органами прокуратуры. Отметим, что цифровизация призвана изменить качественную сторону работы

---

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Приказ Генпрокуратуры России от 01 декабря. 2021г. №713 «О внесении изменений в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» и Концепцию, утвержденную этим приказом» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 29 декабря 2011 г. № 450 «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

иных государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, имея своей целью формирования среды доверия к ним и всей уголовно-процессуальной системе.

Цифровые платформы, имеющиеся на данный момент в органах прокуратуры, позволяют повысить качество и эффективность прокурорской деятельности в современном информационном обществе.

В частности, функционирующая система «Надзор-WEB» действительно позволяет вышестоящему руководителю, направившему поручение нижестоящему, отслеживать принятие документа к исполнению, а также процесс его исполнения, ведь все запросы, проекты документов и их итоговые варианты незамедлительно отображаются в системе.

Ранее, временной промежуток от момента направления поручения из прокуратуры субъекта в районную прокуратуру можно было исчислять неделями. В настоящее же время в день подписания документа он сразу же поступает в профиль руководителя районной прокуратуры, который распределяет его соответствующему исполнителю.

Функция «связка» позволяет прикрепить к основному документу все последующие, что значительно упрощает поиск именно тех документов, которые относятся к конкретному поручению.

Безусловно, это влияет на оперативность прокурорского реагирования, служит в том числе обеспечению реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства, процессуальной экономии, позволяет экономить трудовой ресурс прокурорских работников и государственных гражданских служащих, а также значительно упрощает работу прокурора в рамках досудебного производства по уголовным делам.

Так, с момента возбуждения уголовного дела соответствующее постановление поступает к прокурору района или его заместителю, который ранее формировал надзорное производство, делая соответствующую резолюцию на процессуальном документе, указывая о необходимости сформировать надзорное производство и списать указанный документ в него.

Теперь же при поступлении постановления о возбуждении уголовного дела прокурор формирует надзорное производство и списывает в него документ в системе «Надзор-WEB», в дальнейшем формируя все документы, поступающие в прокуратуру района по данному уголовному делу.

Указанное позволяет в случае необходимости проведения проверки законности следственных действий, соблюдения принципов разумного срока уголовного судопроизводства, разрешения жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ без траты времени на поиск надзорного производства и истребования уголовного дела просто ввести в поисковой строке номер надзорного производства и просмотреть необходимые документы.

Данная возможность, как уже было сказано ранее, значительно ускоряет процесс реагирования на допущенные нарушения, однако на сегодняшний день система «Надзор-WEB» неидеальна и, по нашему мнению, нуждается в доработке.

Так, значительный объем данных, ежедневно вносимых в нее, а также количество пользователей системы перегружают автоматизированную программу, что, несомненно, препятствует ее бесперебойной работе, в связи с чем требуется использование более мощного оборудования и серверов, которые позволят обеспечить ее качественное функционирование и безопасное хранение данных.

Кроме того, переход с письменного документооборота на электронный — процесс достаточно трудоемкий. Ввод системы в эксплуатацию и использование всего ее потенциала требует значительного времени. В этой связи в настоящее время прокурорскими работниками проводится двойная работа по составлению письменных документов и дальнейшему отражению их в электронной системе.

Однако не сомневаемся, что в ближайшем будущем, когда система «Надзор-WEB» заработает на полную мощность, появится возможность отказаться от хранения письменных документов, поскольку они будут находиться на надежных отечественных серверах, это значительно повысит оперативность и качество внутриведомственного взаимодействия.

Положительно это скажется и на деятельности прокурора в рамках производства по уголовному делу. Так, если посредством электронного документооборота прокурору поступит жалоба в порядке ст. 124 УПК РФ, срок рассмотрения которой составляет 3 суток и, в случае необходимости истребования и изучения документов, он может быть продлен до 10 суток, он начинает исчисляться с момента ее регистрации.

Так или иначе, за эти 10 суток надзирающий прокурор должен принять жалобу к своему рассмотрению, изучить доводы, изложенные заявителем, запросить материал проверки (уголовное дело) из соответствующего ведомства, которое зачастую поступает на 7—8 сутки, изучить его, проанализировать с учетом доводов заявителя, в случае необходимости подготовить акты прокурорского реагирования и, наконец, дать ответ заявителю путем вынесения постановления либо об удовлетворении, либо об отказе в удовлетворении жалобы.

При использовании возможностей электронного документооборота, жалоба с момента ее поступления незамедлительно регистрируется и появляется в личном кабинете надзирающего прокурора, который в этот же день, изучив изложенные в ней доводы, осуществляет вход в свой личный кабинет, изучает принятое процессуальное решение и сразу понимает дальнейший вектор работы: законно ли принятое процессуальное решение, учтены ли доводы заявителя, либо необходимо запросить материал и тщательно его изучить.

Кроме того, в рамках действующего уголовно-процессуального порядка, большой объем информирования участников уголовного судопроизводства происходит в бумажном формате, например, сообщения о процес-

суальных решениях о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче сообщения о преступлении по подследственности (ч. 2 статья 145 УПК РФ) и т.д. Анализ ч.3.2 ст. 28.1, ч.3 124, ч.4 ст.146, 151, ч.7 ст. 462 УПК РФ показывает, что процессуальные документы должны направляться незамедлительно. Отправка такого материала и их копий на бумажном носителе может привести к несвоевременному получению их адресатом, кроме того, допускается и утеря таких документов в ходе рассылки, что вызывает жалобы. В результате из-за такого формата участники уголовного судопроизводства ограничены в возможности по реализации права на доступ к правосудию.

Несомненно, направление участникам уголовного судопроизводства электронных процессуальных документов вместо бумажных ускорит и упростит производство по делу. Так, Е. И. Иванов отмечает: «...положительные стороны информационных технологий способны проявиться именно при доведении до участников судопроизводства значимой для них информации»¹. А.В. Победкин считает: «...внедрение цифровых технологий в целях ускорения доведения информации о процессуальных действиях и решениях до уполномоченных участников уголовного процесса не вызывает возражений»².

Однако практика внедрения электронного документооборота на досудебном производстве не так однозначна. Даже в период сложной эпидемиологической обстановки суды не принимали электронный документооборот как вспомогательный инструмент следователя, что подтверждается Апелляционным постановлением Московского городского суда от 7 октября 2020 г. по делу № 10-17277/2020³. Нужно отметить, что и ученые считают, что попытки использовать блага цифровизации на досудебном производстве провалились, в том числе на этапе ознакомления участников уголовного судопроизводства с электронными образцами материалов дела⁴. Вместе с тем, суд допускает вручение участникам уголовного судопроизводства копии процессуальных решений в электронном виде. Данный феномен рассматривается как вспомогательный инструмент⁵.

На наш взгляд, внедрение полноценного электронного документооборота в досудебное производство по уголовным делам возможно только при определенных постепенных законодательных изменений в УПК РФ:

---

¹ Иванов Е. Е. Уведомление участников судопроизводства на досудебных стадиях: усилить гарантии // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4 (113). С. 99–109.

² Победкин А. В. Производство следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи на досудебном производстве: рамочность процессуальных гарантий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 77–83.

³ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 7 октября 2020 г. по делу №10-17277/2020 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/b58ef53f-8cf8-482f-bbfd-1d9999c3a348>.

⁴ См.: Гришина Е. П. К вопросу об использовании электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. 2020. № 3. С. 31–34.

⁵ См.: Иванов Е. Е. Уведомление участников судопроизводства на досудебных стадиях: усилить гарантии // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4 (113). С. 99–109.

1. в целях единой правоприменительной практики необходимо внести изменения в ст. 5 УПК РФ, а именно закрепить понятие «электронный документ» - это электронная копия документа, изначально выполненная на бумажном носителе, преобразованная в электронную форму путем сканирования с сохранением его реквизитов, заверенная квалифицированной электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

2 внести изменения в ч.2 статью 222 УПК РФ вместо «Копия обвинительного заключения с приложениями вручается прокурором обвиняемому. Копии обвинительного заключения вручаются также защитнику и потерпевшему, если они ходатайствуют об этом» на «Копия обвинительного заключения с приложениями вручается прокурором обвиняемому на бумажном носителе либо по его ходатайству в электронной форме. Копии обвинительного заключения вручаются также защитнику и потерпевшему на бумажном носителе либо по их ходатайству в электронном формате, если они заявят ходатайство об этом»;

3. предлагается внести дополнения в статью 217 УПК РФ путем добавления пункта 6. Так: п.6 статья 217 УПК РФ: «По ходатайству обвиняемого и его защитника материалы уголовного дела могут быть представлены в электронном формате с использованием информационно-телекоммуникационной сети».

Одним из аспектов цифровизации в органах прокуратуры является внедрения в соответствии с Приказом Генпрокуратуры России от 18.01.2016 № 18 «О проведении опытной эксплуатации государственной автоматизированной системы правовой статистики» программы ГАС ПС (Государственная автоматизированная система правовой статистики)¹. Согласно п.1. статьи 51 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 №2202-1 Генеральная прокуратура Российской Федерации осуществляет государственный единый статистический учет данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре². Положения данных документов регламентируют процесс информирования граждан о состоянии преступности в Российской Федерации. Вместе с тем, общедоступные статистические данные не отражают результатов надзорной деятельности прокурора в отношении органов, осуществляющих уголовное преследование. В результате чего открыто провести анализ законности при производстве не имеется возможности³.

---

¹ См.: Приказ Генеральной прокуратуры от 18 января 2016 г. №18 «О проведении опытной эксплуатации государственной автоматизированной системы правовой статистики» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Федеральный закон от 17 января.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472.

³ См.: Голованова Н. А., Гравина А. А., Зайцев О. А. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография. М.: Контакт. 2019. С. 4-134.

В связи с тем, что прокурор будет использовать цифровую форму надзора за органами, осуществлявшие преследование, целесообразно, на наш взгляд внести следующие изменения:

1. пункт 4 часть 2 статья 37 УПК РФ вместо «давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий» изложить как «давать дознавателю указания в письменной или в электронной форме о направлении расследования, производстве процессуальных действий».

2. часть 2.1 статья 37 УПК РФ вместо «по мотивированному письменному запросу прокурора ему предоставляется возможность ознакомиться с материалами, находящегося в производстве уголовного дела» изложить как «по мотивированному письменному или электронному запросу прокурора ему предоставляется возможность ознакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела».

Таким образом, высокотехнологичный прокурорский надзор позволяет значительно ускорить процесс реагирования на нарушения, допущенные как в ходе приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, так и в ходе предварительного расследования.

УДК 343.1

О. Н. Углев

Сравнительно-правовой анализ отдельных аспектов проверки и оценки доказательств по уголовно-процессуальному законодательству России, Белоруссии и Казахстана.

Процесс доказывания образует центральную, системообразующую часть деятельности следователя. Представляя собой частный случай применения теории познания для решения задач уголовного судопроизводства, доказывание подчиняется общим закономерностям познания.

В теории доказательств под доказыванием большинством авторов понимается собирание, проверка и оценка доказательств. Доказательства при этом выступают единственным средством, с помощью которого следователь и другие властные участники уголовного процесса в ходе производства по уголовному делу решают задачи, стоящие перед ними.

Проверка и оценка доказательств являются органическими частями единого целого – процесса доказывания. Соответствуя требованиям, предъявляемым к доказыванию в целом, они обладают присущими им особенностями, учет которых имеет важное значение для правильного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам, соблюдения прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса, обеспечения назначения уголовного судопроизводства.

Историческим этапом, предшествующим современному законодательному регулированию проверки и оценки доказательств бывших союзных республик, ратифицировавших соглашение о создании Содружества Независимых Государств после распада Союза ССР, являлось издание Модельного уголовно-процессуального кодекса¹, с учетом которого в последующем были приняты уголовно-процессуальные кодексы России, Белоруссии и Казахстана.

На регулирование указанных частей доказывания в Российском уголовно-процессуальном законодательстве повлияли также отдельные положения принятой ранее Концепции судебной реформы в Российской Федерации².

С момента принятия уголовно-процессуального кодекса (Далее – УПК) Российской Федерации статья 87 о проверке доказательств не претерпела изменений и изложена путем указания властных субъектов, которыми она производится: дознавателем; следователем; прокурором и судом, а также приведением способов ее осуществления:

- сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле;
- установления источников доказательств;
- получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

В акте официального толкования - постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре» указано, что доказательства, могут быть положены в основу выводов суда лишь после их проверки и оценки по правилам, установленным статьями 87, 88 УПК России, регулирующие указанные части доказывания, при этом суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на имеющиеся в уголовном деле доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания³.

Сравнительный анализ законодательного регулирования такой части доказывания как проверка доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве России, Белоруссии и Казахстана, показал, что действующее его правовое регулирование в УПК России, в отличие от УПК Белоруссии и Казахстана, не содержит положений о целях проверки. Нет по этому вопросу и единства среди ученых-процессуалистов.

Среди авторов, как и в рассматриваемых кодексах, нет единства и в применении наименования такой части доказывания как проверка доказательств. Ряд ученых указывают на то, что исследование доказательств и их

---

¹ Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества независимых государств // Приложение к «Информационному бюллетеню», 1996, №10 (Далее — МУПК).

² Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. – М.: Республика, 1992. – 111 с.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 "О судебном приговоре".

проверка это одно и тоже¹, другие указывают на то, что осуществляется именно их исследование, путем получения информации и проверки полученных сведений² либо определяют его как познание следователем или судом содержание доказательств, установление согласуемой данного доказательства со всеми остальными доказательствами по делу»³.

Так, УПК Казахстана в положениях о необходимости проверки доказательств, одну из частей доказывания определяет буквально как «исследования собранных по делу доказательств», при этом целью определяет всестороннее и объективное исследование доказательств. Способами, помимо тех, которые изложены в УПК РФ, являются аналогичный по сути получению - собирание для целей проверки дополнительных доказательств, а также указан дополнительный способ проверки — анализ полученного доказательства (статья 124 УПК Казахстана). УПК Белоруссии в статье о проверке доказательств дополнительно определяет целью не только всестороннюю и объективную, но и полную проверку доказательства органами уголовного преследования и судом.

Способы проверки аналогичны тем, которые изложены в УПК России, за исключением термина получение «других», а не «иных» доказательств и наличия также как в УПК Казахстана дополнительного способа — анализ доказательств.

Что же касается такой части доказывания как оценка доказательств — в статье 88 УПК России изложены правила оценки доказательств в соответствии с частью 1 которой каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела.

Уголовно-процессуальное законодательство Белоруссии и Казахстана содержат аналогичные правила оценки доказательств, вместе с тем, указанные правила регулируется более подробно.

Так, в УПК Белоруссии указано, что достаточность доказательств необходима не только для разрешения уголовного дела, но и для завершения стадии предварительного расследования.

При этом, в УПК Белоруссии конкретно указано на то, в каком случае доказательства будут соответствовать свойству относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Так, относящимися к уголовному делу признаются только те доказательства, которые способны устанавливать или опровергать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

---

¹ Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М. : Юрид. лит, 1964. С. 15–16.

² Курс советского уголовного процесса; под редакцией А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. Т. 1. С. 302.

³ Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М. : Наука, 1966. С. 48.

Допустимыми признаются доказательства, полученные органом, ведущим уголовный процесс, в установленном Кодексом порядке и из предусмотренных законом источников, достоверными - соответствующие действительности.

Достаточность определяется путем оценки их совокупности на предмет наличия факта установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Аналогичным образом УПК Казахстана дает определение указанных свойств¹.

Также, представляется целесообразным провести сравнительно-правовой анализ использования в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности (Далее — результатов ОРД), по уголовно-процессуальному законодательству России, Белоруссии и Казахстана, в том числе для целей проверки и оценки доказательств.

При наличии различных точек зрения на возможность использования результатов ОРД в доказывании², авторами не оспаривается необходимость соблюдения требований закона и подзаконных ненормативных-правовых актов при их проведении и представлении.

Что касается нормативного регулирования указанного вопроса в России, то принятая Концепция судебной реформы в Российской Федерации определила, что результаты опросов, розыска и негласного наблюдения³ доказательственного значения не имеют⁴.

По поводу их использования в доказывании высказался также Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 4 февраля 1999 г. № 18-О «По жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно разъяснений которого результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а

---

¹ Доказательство признается относящимся к делу, если оно представляет собой фактические данные, которые подтверждают, опровергают или ставят под сомнение выводы о существовании обстоятельств, имеющих значение для данного дела. Доказательство признается допустимым, если оно получено в порядке, установленном Кодексом. Доказательство признается достоверным, если в результате проверки выясняется, что оно соответствует действительности. Совокупность доказательств признается достаточной для разрешения уголовного дела, если собраны относящиеся к делу допустимые и достоверные доказательства, без всякого сомнения и неоспоримо устанавливающие истину обо всех и каждом из обстоятельств, подлежащих доказыванию.

² Подробнее об этом см.: *Доля Е. А.* Анализ наиболее распространенных концепций по проблеме использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. Современная Россия: реалии и перспективы: Научные труды ИМПЭ им. А. С. Грибоедова. М., 2004, с. 147-161; *Он же.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография. М.: Проспект, 2009, с. 236-278.

³ Т. е. в современном понимании результаты ОРД.

⁴ Раздел 4 Концепции.

именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т.е. так, как это предписывается статьями 49 (часть 1) и 50 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

В дальнейшем указанная позиция неоднократно поддерживалась и другими решениями Конституционного Суда Российской Федерации¹.

Пленум же Верховного Суда Российской Федерации говорит о возможности использования результатов ОРД именно в качестве доказательств, разъясняя, что это допустимо только в том случае, когда такие мероприятия проведены для решения задач, указанных в статье 2 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных статьями 7 и 8 указанного Федерального закона, а полученные сведения представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путем производства соответствующих следственных или судебных действий. Например, произведенные аудио- и видеозаписи, изъятые предметы и документы должны быть осмотрены и приобщены к делу; обнаруженные вещества - подвергнуты экспертным исследованиям; лица, участвовавшие в проведении оперативно-розыскных мероприятий, — при необходимости допрошены в качестве свидетелей. Также в указанном постановлении имеется оговорка о том, что в случае признания полученных на основе результатов оперативно-розыскной деятельности доказательств недопустимыми они не могут быть восполнены путем допроса сотрудников органов, осуществлявших оперативно-розыскные мероприятия².

Особо следует отметить, что модельный уголовно-процессуальный кодекс для стран СНГ впервые на постсоветском пространстве предлагает напрямую допускать в качестве доказательств результаты ОРД³, и кроме этого материалы полученные с использованием услуг частного детектива, при этом предлагая порядок их проверки путем производства допроса и оценки с точки зрения соблюдения требований соответствующего закона на предмет допустимости: 1) они получены в соответствии с законодательством, регулирующим осуществление оперативно-разыскной и частной детективной деятельности без ограничения прав человека и гражданина или с

---

¹ См.: определения Конституционного Суда РФ: от 22.04.2010 № 487-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Ракова Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 75 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"; от 25.11.2010 № 1487-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Ракова Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 75 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"; от 23.04.2013 № 497-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шкабары Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" и др.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 "О судебном приговоре".

³ В соответствии с ч. 4 ст. 142 МУПК - материалы, полученные оперативно-разыскным путем.

дозволенным судом их ограничением; 2) допрошенный в установленном порядке свидетель подтвердил их подлинность и сообщил об их происхождении и обстоятельствах получения.

Положения ч. 4 статьи 142 МУПК о том, что материалы, полученные оперативно-разыскным путем или с использованием услуг частного детектива, допускаются в качестве доказательств, не нашли своего отражения в УПК России, вместе с тем, в отдельной статье был сформулирован запрет на использование в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК России.

При этом, принятые УПК Белоруссии и Казахстана, что результаты ОРД можно использовать в качестве доказательств, а также напрямую относят их к таковым.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь определяет, что материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, могут быть признаны в качестве источников доказательств при условии, если они получены и предоставлены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, проверены и оценены в порядке, установленном Кодексом Республики.

УПК Казахстана к доказательствам относит не только результаты оперативно-разыскной, но и контрразведывательной деятельности, определяя, что материалы, в которых зафиксированы фактические данные о противоправных действиях, полученные с соблюдением требований законов Республики Казахстан не только «Об оперативно-розыскной деятельности», но и «О контрразведывательной деятельности», являются таким видом доказательств как документы и могут использоваться в уголовном процессе в качестве доказательств»¹.

Таким образом, сравнение проверки и оценки доказательств по уголовно-процессуальному законодательству России, Белоруссии и Казахстана показал, что такой способ проверки как анализ доказательств нашел отражение в УПК стран СНГ, а синтез неотрывно связан с анализом, по мнению автора указанные способы проверки доказательств необходимо включить в соответствующую статью УПК России.

Вместе с тем, по мнению автора законодательное закрепление Белоруссией и Казахстана результатов ОРД в качестве самостоятельных доказательств не является обоснованным, поскольку выводы по уголовному делу построенные не на основе доказательств (чувственного познания, осуществляемого при производстве следственных действий), а на основе результатов чувственного познания, реализованного оперативным работником при проведении соответствующих оперативно-разыскных мероприятий, ведут к смешению оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

---

¹ Ст. 120 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V.

Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовным делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей

Институт рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей нельзя назвать новым для Российской системы уголовно-процессуального права. В своем современном виде он появился в Уголовно-процессуальном кодексе РФ от 18.12.2001.

При этом Глава 42 УПК РФ, регламентирующая особенности рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей за все время существования и действия УПК РФ, претерпела незначительные изменения, в целом оставаясь неизменной с момента введения в действие Кодекса.

Однако, что стало особенно актуальным в последние годы, изменения, вносимые законодателем в другие нормы материального и процессуального права, зачастую напрямую не связанные с процедурой рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, оказывают существенное влияние на практику рассмотрения дел в указанном составе суда, а также порождают вопросы в правоприменении.

Так, положения ст.ст. 30, 31 УПК РФ, определяющих подсудность уголовных дел судам субъектов Российской Федерации и возможность рассмотрения таких дел судом с участием присяжных заседателей, в течение последних лет подвергались неоднократным пересмотрам, в ходе которых изменялся как количественный (количество преступлений, уголовные дела о которых подсудны суду присяжных), так и качественный (конкретные виды преступлений, дела о которых подсудны суду присяжных) состав уголовных дел, рассмотрение которых возможно с участием коллегии присяжных.

Действующая в настоящее время редакция указанных норм уголовно-процессуального закона, в том числе предусматривает возможность рассмотрения судом присяжных уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, ответственность за совершение которых установлена ч. 5 ст. 228.1 УК РФ.

Одной из особенностей раскрытия и расследования таких преступлений является то, что львиная доля доказательств собирается путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых предоставляются следователю и становятся основой доказательственной базы стороны обвинения.

Как следствие, при рассмотрении дел названной категории судом присяжных остро встают вопросы исследования результатов оперативно-розыскной деятельности в присутствии присяжных, связанные с отнесением

конкретных материалов оперативно-розыскной деятельности к вопросам права и вопросам факта.

Уголовно-процессуальный кодекс не содержит норм, регламентирующих порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий, при этом требования ст. 89 УПК РФ указывают лишь на необходимость проведения таковых с соблюдением требований уголовно-процессуального закона.

В тоже время Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ, указывая на необходимость соблюдения общих принципов оперативно-розыскной деятельности, а также устанавливая перечень оперативно-розыскных мероприятий, не регламентирует процедуру проведения каждого из них.

На практике порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий работниками правоохранительных органов выработан, и, если так можно выразиться, «стандартизирован».

С целью соблюдения принципов законности и гласности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, к участию в таковых привлекаются представители общественности, которые участвуют в фиксации хода и результатов проводимого ОРМ.

Обстоятельства, очевидцами которых являлись такие лица, облачаются в процессуальную форму в ходе следствия путем их допроса.

Уголовно-процессуальный закон четко разграничивает вопросы, подлежащие рассмотрению судом с участием присяжных заседателей и вопросы, подлежащие рассмотрению судом в отсутствие таковых.

Так, требования ст. 335 УПК РФ устанавливают, что в присутствии присяжных заседателей не могут рассматриваться вопросы, связанные с личностью подсудимого, свидетелей и потерпевших по делу, а также вопросы, связанные с процедурой получения доказательств по делу.

В свою очередь, из содержания ст. 339 УПК РФ следует, что присяжные заседатели, являясь судьями факта, разрешают вопросы о доказанности события преступления, причастности подсудимого к его совершению и его виновности в совершении такового.

Возникает первый вопрос. В зависимости от избранной работниками правоохранительных органов тактики проведения конкретного ОРМ, а также в зависимости от конкретных обстоятельств проведения такового, представители общественности могут, как являться очевидцами совершения преступления, фиксируемого в ходе ОРМ, например приобретения наркотических средств, или передачи оружия предполагаемому исполнителю заказного убийства, так и участвовать лишь в «процессуальной» части проведения ОРМ, фиксируя, например отсутствие при «закупщике» запрещенных в гражданском обороте предметов и веществ до проведения «проверочной закупки» и т. д.

Таким образом, можно прийти к выводу, что показания указанных лиц могут носить двоякий характер и относиться как к вопросам права, так и к вопросам факта.

Если в первом случае их допрос в суде присяжных возможен лишь в отсутствии коллегии присяжных в рамках рассмотрения вопроса о допустимости доказательств, добытых при их участии, то во втором случае, они являются полноценными свидетелями факта и могут быть допрошены в присутствии присяжных заседателей, но лишь в части, не затрагивающей вопросы процедуры проведения ОРМ.

Схожая ситуация возникает при допросах в суде присяжных работников оперативно-розыскных подразделений, непосредственно проводивших ОРМ. С одной стороны, они также являются свидетелями права, давая в ходе следствия показания о соблюдении требований закона при проведении конкретного ОРМ, с другой, они являются очевидцами преступления, совершение которого фиксируется в ходе ОРМ.

При этом с учетом специфики оперативно-розыскной деятельности вопросы права и вопросы факта могут тесно переплетаться друг с другом.

Так, в ходе предварительного слушания по уголовному делу в отношении И., обвиняемого в совершении незаконного приобретения, хранения и перевозке оружия и боеприпасов, приготовления к похищению человека и убийству в Санкт-Петербургском городском суде, стороной защиты было заявлено ходатайство об исключении из числа доказательств по делу видеозаписи, на которой был зафиксирован факт передачи оружия и боеприпасов для последующего совершения заказного убийства.

В обоснование ходатайства сторона защиты указала на то, что встреча предполагаемого исполнителя убийства с заказчиком, в ходе которой последний передал исполнителю оружие и боеприпасы, зафиксирована сотрудниками правоохранительных органов в ходе проведения ОРМ «Наблюдение», при этом в документах, составленных по результатам ОРМ, а также в показаниях участвовавших в его проведении лиц, не отражено, кем именно и при каких обстоятельствах, осуществлялась видеозапись данной встречи.

Суд, согласившись с доводами стороны защиты, указал на то, что в материалах дела отсутствуют сведения об источнике происхождения видеозаписи, что в соответствии с требованиями ст. 75 УПК РФ, влечет ее недопустимость в качестве доказательства.

В дальнейшем, при допросе оперативных сотрудников в судебном заседании в присутствии присяжных заседателей по обстоятельствам приготовления к убийству, очевидцами которых они являлись, в том числе по факту передачи заказчиком убийства оружия и боеприпасов исполнителю, был установлен конкретный оперуполномоченный, осуществлявший видеозапись встречи, а также обстоятельства, при которых данная запись велась.

Принимая во внимание показания свидетелей, данные в ходе судебного разбирательства, суд, по ходатайству стороны обвинения, вернулся к рассмотрению вопроса о допустимости в качестве доказательства названной видеозаписи, признал таковую допустимым доказательством и позволил стороне обвинения продемонстрировать ее присяжным заседателям.

По итогам рассмотрения дела, на основании вердикта коллегии присяжных заседателей в отношении И. был постановлен обвинительный приговор.

Приведенный пример достаточно наглядно демонстрирует фактическое смешение вопросов права и факта при рассмотрении обстоятельств производства ОРМ, что существенно затрудняет процесс представления доказательств в суде присяжных.

В продолжение вопроса о пределах исследования фактических обстоятельств проведенных ОРМ следует также отметить, что Европейский Суд по правам человека неоднократно указывал в своих решениях на отсутствие в российском законодательстве четко регламентированной процедуры санкционирования и проведения оперативно-розыскных мероприятий. В частности, такие указания содержатся в решениях по делам «Сергей Лебедев и другие против Российской Федерации», «Роман Захаров против Российской Федерации»: отсутствие в правовой системе Российской Федерации ясного и предсказуемого порядка санкционирования оперативно-розыскных мероприятий, является структурной проблемой, из-за которой заявители подвергаются произволу со стороны сотрудников органов внутренних дел, а внутригосударственные суды не могут осуществлять эффективную судебную проверку по их жалобам на провокацию.

В большинстве случаев тактика защиты от обвинения, основанного на доказательствах, полученных по результатам ОРД, строится на оспаривании наличия оснований для проведения таковых, при этом с учетом изложенной позиции ЕСПЧ такая тактика в ряде случаев является обоснованной.

Например, отменяя приговор Ленинградского областного суда в отношении Б., осужденного по ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, в том числе указала, что основанием для возбуждения уголовного дела в отношении Б. послужили результаты ОРД, представленные следователю.

Из материалов ОРД следует, что поводом для проведения таковых явился рапорт оперуполномоченного и заявление лица, которое добровольно приняло участие в закупке наркотических средств у Б., о том, что данное лицо осведомлено, что Б. занимается распространением наркотиков.

По мнению Судебной коллегии, неприятие правоохранительными органами мер по проверке сведений, содержащихся в заявлении указанного лица, иными способами, кроме проведения ОРМ, связанного с закупкой наркотических средств, а также отсутствие в материалах ОРД сведений об

источниках его осведомленности о преступной деятельности Б., ставит под сомнение законность проведенного ОРМ.

Приведенный пример вновь демонстрирует тесное переплетение вопросов права и факта в делах, связанных с проведением ОРМ. С одной стороны, приведенный в решении Верховного Суда РФ обстоятельства относятся к вопросам права, поскольку на основании их разрешения суд должен прийти к выводу о законности проведения ОРМ и допустимости результатов такового в качестве доказательств по делу.

С другой стороны, данные сведения должны быть отнесены к вопросам факта, поскольку их установление влияет на разрешение вопросов, например, о виновности лица в совершении незаконного сбыта наркотиков, при этом в целом, показания лиц, участвующих в проведении ОРМ, о событиях, непосредственно предшествовавших таковому дают более полное представление о событии преступления в целом, и позволяют избежать формирования у присяжных заседателей предубеждения, вызванного недоверием к правоохранительным органам, ввиду «сокрытия» таковыми определенной информации.

Представляется, что, на практике, наиболее целесообразным выходом из ситуации, в которой в суде присяжных необходимо исследовать показания лиц, участвовавших в проведении ОРМ, является предварительный допрос таких лиц в отсутствие присяжных заседателей, в ходе которого стороны и суд могут установить пределы относимости показаний конкретного лица к предмету судебного разбирательства с участием присяжных заседателей и с учетом этого, во-первых, разрешить вопрос о возможности допроса таких лиц в присутствии присяжных заседателей, во-вторых, определить тактику допроса с тем, чтобы показания допрашиваемых лиц, максимально подробно отражали ход и результаты проведения ОРМ, в тоже время, не затрагивали обстоятельств, исследование которых в присутствии коллегии присяжных недопустимо.

Еще одним важным вопросом, прежде всего, с точки зрения стороны обвинения, является вопрос о недопустимости формирования у коллегии присяжных предубеждения перед работниками правоохранительных органов и результатами их работы.

Не секрет, что на фоне сообщений в СМИ, личного опыта каждого человека, а также общего исторического наследия нашей страны у многих граждан России уровень недоверия к правоохранительной и судебной системам может сформировать у присяжных предубеждение о недостоверности доказательств обвинения, заинтересованности суда в исходе дела и т. д.

Особенно актуальным недопущение формирования такого предубеждения становится при рассмотрении дел, доказательства по которым добыты по результатам ОРМ, поскольку зачастую сведения о причастности лица к совершению преступления основаны на показаниях сотрудников правоохранительных органов и содержании документов, составленных

ими. В связи с этим особую значимость приобретает вопрос наглядности представляемых доказательств.

Возвращаясь к обстоятельствам рассмотрения судом уголовного дела в отношении И., необходимо также отметить, что, во многом, убедительность доказательств обвинения была основана на демонстрации присяжным заседателям видеозаписи встречи заказчика и исполнителя убийства, поскольку фиксация обстоятельств проведения ОРМ на видеозаписи, фотоснимках и т.д. «обезличивает» таковые, по сути, устраняя необходимость допроса лиц, в чьей незаинтересованности в исходе дела могут возникнуть сомнения.

Подводя итог, необходимо отметить, что, несмотря на наличие в российском законодательстве, казалось бы, устоявшейся процедуры рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей, разнообразие и «эволюция» форм преступной деятельности, а также методов борьбы с таковой и расследования преступлений заставляет совершенствовать методику работы в суде присяжных.

Кроме того, с учетом наличия в законодательстве двух видов деятельности, связанных с раскрытием и расследованием преступлений: уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной, в судебной практике особенности исследования результатов ОРД и отнесения таковых к вопросам права или вопросам факта, будут во многом определяться спецификой конкретного дела и обстоятельств и тактики проведения конкретного ОРМ.

МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ

УДК 343.1

А. В. Карнюхина
Научный руководитель
к.ю.н., доцент **Ю. Н. Маторина**

Актуальные проблемы, возникающие при рассмотрении жалоб, поданных в порядке ст. 125 УПК РФ

Рассмотрение судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ наряду с рассмотрением судом ходатайств органов предварительного расследования о применении мер уголовно-процессуального принуждения, а также о производстве отдельных следственных действий, затрагивающих конституционные права и свободы граждан, является наиболее востребованной формой судебного контроля в ходе досудебного производства. Об этом свидетельствуют данные судебной статистики.

Так, по отчетам Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2022 году судами в порядке ст. 125 УПК РФ было рассмотрено 111 тысяч жалоб, из которых удовлетворено около 4 %, по 17 % жалоб было принято решение об отказе в удовлетворении, а по остальным жалобам были приняты решения об отказе в принятии, возврате, передачи по подсудности или о прекращении производства¹.

Обжалование в суд действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, выступает одной из важнейших правовых гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также является одной из форм судебной защиты на стадии предварительного расследования. Данный порядок обжалования в ходе досудебного производства позволяет своевременно предупреждать и устранять нарушения закона при производстве предварительного расследования, восстанавливать права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, нарушенные при расследовании преступлений. Положения уголовно-процессуального закона, обеспечивающие возможность обжалования заинтересованными лицами действий (бездействий) и решений должностных лиц и органов, осуществляющих в ходе досудебного производства уголовное преследование, служат отраслевым средством реализации прав граждан, закрепленных в ч.1 и ч. 2 ст. 46 Конституции РФ.

Несмотря на подробную регламентацию судебного порядка рассмотрения жалоб в уголовно-процессуальном законодательстве, а также наличие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, содержащихся в Постановлении от 10 февраля 2009 г. № 1 "О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации", в судебной практике все же существуют проблемные вопросы, которые возникают у правоприменителей при рассмотрении данных жалоб.

Во-первых, если брать во внимание статистику, приведенную Судебным департаментом при Верховном Суде РФ в 2022 г., то судами в порядке ст. 125 УПК РФ по 79 % жалоб были приняты решения об отказе в принятии, возврате, передачи по подсудности или о прекращении производства. В данном случае речь может идти о допуске ошибок как заявителями при подаче жалоб, так и судами при решении вопроса о принятии их к производству.

К основным критериям приемлемости жалоб, подаваемых в порядке ст. 125 УПК РФ, относятся: надлежащая форма жалобы, соблюдение правил подсудности, надлежащий предмет обжалования, актуальность требования об устранении нарушения, надлежащий субъект обжалования, а также надлежащий момент обжалования. Для принятия судом к своему производству жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, требуется соблюдение

---

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 25.07.2023).

всех перечисленных критериев. «Устранение подобных нарушений способствовало бы не только повышению уровня процессуальных гарантий прав и законных интересов граждан, вовлеченных в орбиту уголовного правосудия, но и существенной экономии времени и сил как судей, так и других участников досудебного производства по уголовным делам»¹.

Во-вторых, в настоящее время в УПК РФ не регламентирован вопрос о том, кто какие обстоятельства доказывает при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. В своей работе Э. Р. Миргородская приходит к выводу, что бремя доказывания факта законности и обоснованности должно возлагаться и на должностное лицо, принявшее соответствующее решение, совершившее оспариваемое действие (бездействие). На заявителя возлагается бремя утверждения доводов факта совершения оспариваемого решения, нарушения конституционного права, бремя опровержения доводов заявителя, т.е. "бремя представления доказательства", надлежит доказывать государственному органу, принявшему соответствующее решение. Предлагается дополнить ч. 2.1 ст. 125 УПК РФ: «на должностное лицо, чье действие (бездействие) или решение обжалуется, возлагается бремя представления доказательств с целью обоснования законности, обоснованности, мотивированности принятых решений, совершенных действий (бездействия)»².

В-третьих, на практике допускается ненадлежащее извещение того должностного лица, действия (бездействие) или решение которого обжалуются, а также иных лиц, интересы которых затрагиваются доводами жалобы. Согласно ст. 125 УПК РФ неявка лиц, которые были своевременно уведомлены о времени и месте рассмотрения жалобы и не настаивали на ее рассмотрении с их участием, не может явиться помехой для рассмотрения жалобы судом³. Законодателем установлен достаточно короткий срок извещения – 5 дней, учитывая, что на практике даже при соблюдении 14-дневного срока извещения участников процесса при рассмотрении дела по существу, у суда часто отсутствуют сведения об извещении, что обусловлено объективными причинами, например, загруженность отделения почтовой связи. Следовательно, на законодательном уровне необходимо закрепить положение о том, что у суда должны иметься достаточные доказательства надлежащего извещения лиц, принимающих участие при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ.

В-четвертых, ни на теоретическом, ни на законодательном уровне не разрешена проблема определения предмета доказывания. Также в ст. 125 УПК РФ не регламентирован вопрос о том, какие обстоятельства подлежат установлению при рассмотрении судом жалобы. Постановление Пленума

---

¹ Дикарев И. С., Юткина С. М. Критерии приемлемости жалоб, подаваемых в порядке ст. 125 УПК. // Законность. 2023. №2. С. 2.

² Миргородская Э. Р. Распределение бремени доказывания при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. // Российский судья. 2022. №9. С. 5.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2001. № 52.

Верховного Суда №1 от 10.02.2009 г. устанавливает предмет доказывания при рассмотрении жалоб только на три процессуальных решения, а именно: постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, постановление о прекращении уголовного дела, постановление о возбуждении уголовного дела, при этом не рассматривая другие категории жалоб¹. Поэтому необходимо на законодательном уровне проанализировать и закрепить предмет доказывания по остальным категориям жалоб.

В-пятых, существует проблема определения круга лиц, которые могут обжаловать постановление судьи, вынесенного по результатам рассмотрения жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ. При нарушении прав и законных интересов заинтересованных лиц предметом обжалования либо постановлением судьи они вправе обжаловать постановление. В свою очередь ввиду того, что следователь, дознаватель, а также руководитель следственного органа, относятся к категории должностных лиц, представляя собой сторону обвинения и осуществляющие уголовное преследование, соответственно, право обжаловать постановление судьи, вынесенное по жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ, у них отсутствует. Со стороны обвинения только представитель прокуратуры наделен правом обжалования таких судебных решений.

Таким образом, на данный момент в уголовно-процессуальном законодательстве существуют проблемные аспекты в части, касающейся отдельных особенностей рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. Разрешение данных правовых коллизий приведет к усовершенствованию судебной и правоприменительной практики и поможет избежать ошибок, что позволит упрочить гарантии обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина на стадии предварительного расследования.

УДК 343.1

А. А. Кульпин

О некоторых проблемах выдачи лица для уголовного преследования (экстрадиции) при расследовании публичного распространения заведомо ложной информации, предусмотренной ст. 207.3 УК РФ

В условиях лавинообразного потока заведомо ложной информации о специальной военной операции (далее — СВО) перед государством встала проблема, связанная с защитой интересов и безопасности Российской Федерации. Одним из путей разрешения этой проблемы явилось правовое обеспечение специальной военной операции, в том числе, путем дополнения Уголовного кодекса РФ статьей 207.3.

---

¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 // Российская газета. 2009. №27.

Между тем, с момента начала СВО напряженность в отношениях между Россией и европейскими странами возрастает практически с каждым днем, что явилось детерминантой резкого снижения уровня международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве между указанными сторонами. При этом, как верно отмечает Е. В. Баркалова, международно-правовое сотрудничество в указанной сфере представляет собой сложную, многоуровневую систему, включающую в себя такие направления, как: правовая помощь по уголовным делам, передача судопроизводства и экстрадиция, обладающая в УПК РФ самостоятельным значением¹.

Невозможно оставить без внимания тот факт, что институт экстрадиции, долгое время являвшийся важным механизмом международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, за последний год столкнулся с рядом вызовов, оказывающих негативное влияние на его эффективность. В первую очередь это проявляется в увеличении числа отказов в исполнении запросов о правовой помощи и выдаче лиц для уголовного преследования.

Согласно данным, представленным Генеральной прокуратурой РФ, за первое полугодие 2023 г. отказано в исполнении 46 запросов о выдаче обвиняемых, из них в 15 случаях причиной отказа стали так называемые «политические мотивы» уголовного преследования. Сложившаяся ситуация свидетельствует о формировании определенных тенденций в международной практике экстрадиции, которые могут негативно сказываться на эффективности уголовного преследования и исполнения приговоров².

Как верно отмечает С.В. Зимина, на практике в большинстве случаев от инициатора розыска поступает просьба о временном задержании разыскиваемого лица и применении именно такой меры пресечения в целях обеспечения возможности его выдачи³.

Между тем, к настоящему времени уже сформировалась негативная правоприменительная практика по вопросам экстрадиции российских граждан, обвиненных в совершении преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ и объявленных в международный розыск⁴⁵⁶.

Так, в частности, Оперативная группа по международным уведомлениям Генерального секретариата Интерпола уведомила НЦБ Интерпола МВД России о том, что запросы о правовой помощи в части экстрадиции

---

¹ Международное сотрудничество органов прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства: учебно-методическое пособие / Е. В. Баркалова. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. С. 24.

² Генпрокуратура объяснила «руссофобией» отказы стран Запада в помощи по уголовным делам // URL: <https://www.forbes.ru/society/490571-genprokuratura-ob-asnila-rusofobiej-otkazy-stran-zapada-v-pomosi-po-ugolovnym-delam?ysclid=liyutn5gnl42929290> (дата обращения 16.06.2023 г.).

³ Зимина С. В. Теоретические и практические аспекты проведения экстрадиционной проверки // Криминалист. 2023. № 2 (43). С. 52.

⁴ Архив Басманного районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 01–0001/2023 (2023 г.).

⁵ Архив Басманного районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 01–0152/2023 (2023 г.).

⁶ Архив Басманного районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 01–0154/2023 (2023 г.).

отнесены к вопросам политического характера, что противоречит ст. 2 Устава Интерпола.

Аналогичная ситуация складывается по поводу выдачи граждан Венесуэлы, совершивших преступление, предусмотренное ст. 207.3 УК РФ, и в отношении которых судом заочно вынесены постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу^{1,2}.

При этом отметим, что в сфере международного и национального уголовного права определение и классификация так называемых «политических преступлений» является одним из остро дискуссионных вопросов. Несмотря на это, ни российское законодательство³, ни международные конвенции, не содержат ответ на вопрос о том, что же понимать под «политическими преступлениями». Следствием такой позиции отечественного законодателя явилось искусственное создание проблемы, связанной с субъективной интерпретацией правоприменителями определения этого понятия.

В этой связи невозможно не признать справедливым мнение И. М. Беляевой и О. В. Начаркиной о том, что существующий пробел может привести к различным толкованиям и, как следствие, к неконсистентности в применении понятия⁴.

Рассматриваемая проблема была затронута и в исследовании Е. В. Быковой и В. С. Выкуб, которые, полагаю, пришли к правильному выводу. Так, в частности, они отмечают нарастающую тенденцию внедрения политического контекста в отношениях между рядом зарубежных стран и Россией по вопросам выдачи российских граждан, совершивших общеуголовные преступления на территории РФ⁵.

В международной правовой доктрине политическая мотивированность преследования, как основание для отказа в выдаче, исторически являлась важным инструментом защиты прав человека. Однако, представляется, что в современных условиях она используется исключительно, как инструмент политического давления и манипуляции, что подрывает доверие к международной системе правосудия.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть возможность исключения политической мотивированности преследования из оснований для отказа в выдаче, тем самым способствуя унификации и стандартизации процедур экстрадиции.

---

¹ Архив Басманного районного суда г. Москвы. Дело об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу № 3/1-0157/2023 (2023 г.).

² Архив Басманного районного суда г. Москвы. Дело об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу № 3/1-0158/2023 (2023 г.).

³ Как следует из п. 5 ч. 2 Федерального закона «О ратификации Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам от 15 мая 1972 года» от 30.10.2007 № 237-ФЗ: «... законодательство Российской Федерации не содержит понятия «правонарушение политического характера», используемого в пункте «d» статьи 11 и в пункте 1 статьи 30 Конвенции.».

⁴ Беляева И. М. Основания отказа в выдаче лиц, совершивших преступления / И. М. Беляева, О. В. Начаркина // Проблемы права. – 2015. – № 6 (54). – С. 176–177.

⁵ Быкова Е. В., Выкуб В. С. Достоинства и недостатки совершенствования законодательства в сфере международного сотрудничества // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 2. С. 73.

Между тем, необходимо отметить, что при изучении ранее упомянутого ответа на запрос Генеральной прокуратуры РФ о правовой помощи неизбежна постановка ряда вопросов.

Во-первых, что из себя представляет Оперативная группа по международным уведомлениям Генерального секретариата Интерпола (далее по тексту — ОГМУ)?

В процессе (ходе) глобализации и ускоренного развития технологий современный мир сталкивается с растущими вызовами в области трансграничной преступности. В связи с этим, Оперативная группа по международным уведомлениям Генерального секретариата Интерпола выступает в качестве интегрального компонента системы международного сотрудничества, направленного на противодействие угрозам безопасности государств.

ОГМУ, как специализированное подразделение Интерпола, обеспечивает координацию и обмен информацией между странами-членами этой организации, что способствует повышению эффективности противодействия трансграничной преступности. Основные функции ОГМУ включают обработку и распространение международных уведомлений, координацию оперативного сотрудничества между национальными центральными бюро (НЦБ) и поддержку международных операций и специализированных проектов.

В контексте международных уведомлений ОГМУ активно использует инструментарий Интерпола (например, красные, синие, зеленые и другие виды уведомлений) для обеспечения оперативного поиска преступников, предупреждения о потенциальных угрозах и обмена информацией о преступлениях и преступниках. Это позволяет ускорить процесс расследования и привлечения к ответственности лиц, совершающих либо вовлеченных в трансграничные преступления.

ОГМУ также играет важную роль в координации оперативного сотрудничества между НЦБ стран-членов Интерпола, обеспечивая своевременный и эффективный обмен информацией и содействие в расследованиях, что способствует укреплению международного сотрудничества и повышению уровня доверия между правоохранительными органами разных стран.

В дополнение к этому ОГМУ активно участвует в поддержке и координации международных операций и специализированных проектов, направленных на борьбу с различными видами трансграничной преступности (терроризм, наркоторговля, торговля людьми и киберпреступность). Это позволяет совместными усилиями противостоять глобальным угрозам и обеспечивать безопасность на международном уровне¹.

---

¹ Подробнее см.: Волеводз А. Г. Международная организация уголовной полиции - Интерпол и тенденции формирования региональных правоохранительных организаций // Библиотека криминалиста. Научный журнал. - 2011. - № 1. - С. 130—151.

Таким образом, Оперативная группа по международным уведомлениям Генерального секретариата Интерпола является ключевым элементом в системе международного сотрудничества по борьбе с трансграничной преступностью, обеспечивая оперативность, эффективность и синергию усилий правоохранительных органов разных стран.

Во-вторых, насколько правомерен отказ ОГМУ в осуществлении экстрадиции российских граждан?

Интерпол, как международная организация, функционирует в соответствии с установленными нормами и принципами, определенными в Уставе Интерпола и других регламентирующих документах. ОГМУ является одним из ключевых структурных подразделений Генерального секретариата, ответственным за координацию и обработку информации, касающейся международных уведомлений, включая красные уведомления.

При этом полномочия Оперативной группы ограничены рамками, установленными Уставом Интерпола и другими регламентирующими актами. В частности, данная структура не обладает правом принимать окончательные решения по вопросам экстрадиции, поскольку это является исключительной компетенцией национальных правоохранительных органов и судебных инстанций государств-членов Интерпола.

Абсолютно права С. В. Горленко, утверждая, что процесс экстрадиции регулируется как национальным законодательством каждой страны, так и международными договорами и соглашениями, заключенными между государствами¹. В этом контексте Оперативная группа по международным уведомлениям выполняет вспомогательную и координационную функцию, обеспечивая обмен информацией между правоохранительными органами разных стран и предоставляя им необходимые данные для осуществления процедуры экстрадиции.

Таким образом, учитывая вышеизложенные аргументы, можно прийти к выводу, что Оперативная группа по международным уведомлениям Генерального секретариата Интерпола была не вправе отказывать Генеральной прокуратуре РФ в экстрадиции, поскольку ее полномочия ограничены координационными функциями и обработкой информации, связанной с международными уведомлениями. Окончательное решение об экстрадиции принимается национальными правоохранительными органами и судебными инстанциями государств-членов Интерпола в соответствии с их законодательством и международными обязательствами. Следовательно, будет уместным утверждение о нарушении со стороны зарубежных стран процедуры экстрадиции — такой отказ должен был поступить от компетентных правоохранительных органов запрашиваемых государств в Генеральную прокуратуру РФ напрямую, либо посредством ОГМУ, но за их подписью.

---

¹ Горленко С. В. Особенности соблюдения прав и свобод человека и гражданина в сфере выдачи лиц для уголовного преследования и исполнения приговора суда // Международное сотрудничество прокуратуры Российской Федерации в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина: сборник матер. круглого стола (Москва, 19 апреля 2018 года). - М., 2019. С. 84.

С учетом изложенного, полагаем, что подобный подход в политике Западных стран не только подрывает международные стандарты защиты прав человека, но и вносит раздор в международные отношения, усиливая напряженность и недоверие.

В этой связи целесообразна постановка вопроса — способен ли представленный подход быть преодолен или же он обретет статус прецедента, став первым в ряду подобных? Полагаем, что в настоящее время дать однозначный ответ на этот вопрос не представляется возможным, однако безусловно, его решение будет иметь значительное влияние на формирование моделей взаимодействия в контексте международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства.

УДК 343.1

Ю. В. Нагаев-Кочкин

Об изменениях законодательства в части предельных сроков уголовного преследования, применительно к уголовным делам о налоговых преступлениях

Федеральным законом от 13.06.2023 № 220-ФЗ в статьи 27, 91, 97 УПК РФ внесены изменения, ограничивающие длительность расследования уголовного дела в тех случаях, когда производство продолжено ввиду возражений подозреваемого против его прекращения. В уголовно-процессуальный закон введена ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, установившая временные пределы в 2 месяца для преступлений небольшой тяжести, 3 месяца для преступлений средней тяжести, 1 год для тяжких и особо тяжких преступлений, в случае истечения срока давности уголовного преследования и отсутствия согласия привлекаемого лица на прекращение производства по данному не-реабилитирующему основанию. Согласно новой норме, данные сроки исчисляются с момента истечения сроков давности. По их истечении уголовное преследование подлежит прекращению в связи с непричастностью (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) подозреваемого (обвиняемого) к совершению преступления¹.

Данные нововведения безусловно направлены на защиту прав граждан от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения прав и свобод, и отвечают назначению уголовного судопроизводства. Однако новые нормы ставят перед следователями вопросы, ответы на которые не дают:

— с какого момента исчислять новые сроки, при установлении лица по уголовному делу, по которому сроки давности уже истекли ранее двух, трёх или двенадцати месяцев, соответственно?

---

¹ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от ред. от 10.07.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

— как придать подозреваемому соответствующий статус по возбужденному уголовному делу (при условии, что избрание меры пресечения и задержание недопустимы)?

— при прекращении уголовного преследования в отношении подозреваемого, какое решение надлежит принять по уголовному делу?

Так как изменения в законодательство внесены совсем недавно, проблематика остаётся не исследованной, а следственная практика также не выработана. При разрешении изложенных ситуаций видится наиболее правильным обратиться к позициям Конституционного Суда Российской Федерации, ведь новшества внесены в закон именно во исполнение Постановления от 18.07.2022 № 33-П.

В следственной практике не редки случаи, когда сроки давности уголовного преследования давно истекли, однако подозреваемый по уголовному делу не установлен (например, о преступлениях прошлых лет). В таких случаях, при установлении лица, совершившего преступление, буквальное толкование ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ означало бы необходимость незамедлительного прекращения уголовного преследования. По сути, у следователя не имелось бы времени не только на разбор обстоятельств дела, но и оставалось бы крайне мало времени даже на техническое оформление процессуальных действий и решений.

Однако, Конституционный Суд Российской Федерации в вышеуказанном Постановлении в 2022 году изложил правовую позицию, в соответствии с которой продолжение расследования по уголовному делу, когда истёк срок давности, осуществляется не столько с целью изблечь подозреваемого, сколько с целью предоставить ему возможность обоснования позиции защиты. Так, истечение срока давности не лишает лицо таких прав, как: давать показания, возражать против подозрения, представлять доказательства, и других. Продолжение расследования в таких случаях обусловлено позицией подозреваемого, желающего защищаться от необоснованного, по его мнению, преследования, и направлено прежде всего на устранение сомнений в его виновности. Для обеспечения его прав, в том числе для участия в следственных действиях, поиска и предоставления доказательств, и необходимо дополнительное время. Иное толкование приводило бы к тому, что доводы подозреваемого остались бы без внимания, а его права — без защиты.

Таким образом, незамедлительное прекращение уголовного преследования (с момента фактического истечения срока давности уголовного преследования), при наличии возражений подозреваемого, заявленных в порядке ч. 2 ст. 27 УПК РФ, нарушило бы его право на защиту, так как исключило бы возможность проведения даже минимальной проверки.

В связи с этим, вновь введённые законодателем сроки, как видится, надлежит исчислять именно с момента заявления подозреваемым (обвиняемым) возражений о прекращении дела без реабилитации, предоставив ему

тем самым время на обоснование своей позиции, предъявление доказательств и реализацию иных прав.

Например, по уголовному делу по ч. 1 ст. 199 УК РФ об уклонении от уплаты налога на добавленную стоимость с организации за 2 квартал 2021 года срок давности истекает 26.07.2023 (так как срок уплаты налога за указанный период — 26.07.2021). В этот день подозреваемый может заявить о своём несогласии с прекращением преследования по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, и в таком случае у следователя остаётся лишь 2 месяца на продолжение расследования, то есть не свыше 26.09.2023, независимо от даты возбуждения уголовного дела.

Что касается судьбы самого уголовного дела, то законодатель не дал определённого алгоритма действий, указав лишь на необходимость прекращения именно уголовного преследования в связи с непричастностью лица. В таком случае, в органе расследования фактически остаётся незавершённое производство без субъекта преследования — нет лица, совершившего преступление.

Вновь обращаясь к вышеуказанному Постановлению, полагаем необходимым руководствоваться следующим его положением: «если уголовное дело в установленном порядке не передано в суд, оно подлежит незамедлительному прекращению и без согласия на то подозреваемого (обвиняемого), который вправе оспорить такое решение в суд». Так, если в УПК РФ речь идёт лишь о прекращении уголовного преследования, то Конституционный Суд Российской Федерации прямо говорит о прекращении именно уголовного дела.

Таким образом, следует исходить из того, что в рассматриваемой ситуации, при отсутствии иных лиц, привлекаемых к ответственности, уголовное дело подлежит незамедлительному прекращению на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. А новое законоположение необходимо рассматривать как специальную норму, в соответствии с которой для прекращения уголовного дела по данному основанию согласие подозреваемого (обвиняемого) не требуется.

Кроме того, статьи 91 и 97 УПК РФ дополнены частями 3, которые установили, что в отношении подозреваемых (обвиняемых), сроки давности уголовного преследования которых истекли, недопустимо задержание и избирание меры пресечения. Исключение составляют преступления, за совершение которых уголовным законом предусмотрена смертная казнь или пожизненное заключение.

В случае, если до момента истечения сроков давности уголовного преследования лицу, которое фактически подозревается в совершении преступления, не придан соответствующий процессуальный статус в порядке ст. 46 УПК РФ (например, преступление оставалось продолжительное время нераскрытым), то необходимо учитывать положения Постановления Кон-

ституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 № 11-П. Согласно изложенной в нём правовой позиции, сама по себе обвинительная деятельность с целью изобличения лица в совершении преступления и проведение в отношении него следственных действий свидетельствуют о наличии против него подозрений (фактическое подозрение)¹.

В связи с этим установленное лицо, фактически являющееся подозреваемым (формальный процессуальный статус которому не может быть придан ввиду невозможности его задержания или избрания в отношении него меры пресечения), пользуется правами и несёт обязанности, предусмотренные ст. 46 УПК РФ. Помимо возбуждения нового уголовного дела, либо предъявления обвинения, иным способом придать соответствующий статус невозможно, но это не должно умалять чьих-либо прав или препятствовать производству по делу.

Новые нормы имеют важное значение для расследования уголовных дел об уклонении от уплаты налогов с организаций. Составы преступлений, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 199 УК РФ, относятся к категориям небольшой и средней тяжести, соответственно. А уголовные дела о налоговых преступлениях, как правило, возбуждаются по прошествии значительного времени с момента совершения преступления, так как с даты подачи неверной налоговой декларации требуется время на проведение налоговой проверки, а после возбуждения уголовного дела ещё и для проведения длительной экономической (бухгалтерской, налоговой) экспертизы, исследования документации.

Если ранее, при истечении срока давности уголовного преследования по рассматриваемой категории дел, у органа следствия имелась возможность предложить фигуранту либо прекращение по нереабилитирующему основанию, с соответствующими правовыми последствиями, то в настоящее время у недобросовестного налогоплательщика есть возможность уйти от ответственности и быть реабилитированным спустя 2-3 месяца, после истечения срока давности. Можно предположить, что по многим уголовным делам защита будет строиться на всевозможных попытках затянуть расследование, чтобы дождаться истечения предельных сроков.

Подводя итог, видится необходимым, в следственной практике:

— исчислять сроки, установленные ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, с момента заявления подозреваемым (обвиняемым) возражения против прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию, а с целью процессуальной фиксации момента начала течения данных сроков получать соответствующее письменное заявление (возражение), либо заносить его в протокол допроса;

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

— одновременно с прекращением уголовного преследования в связи с непричастностью лица, прекращать и само уголовное дела на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ;

— исходить из наличия у лица прав подозреваемого, даже при отсутствии возможности придать ему соответствующий статус;

— учитывать при планировании расследования наличие предельных сроков преследования.

УДК 343.1

С. Л. Онучина

Поручение следователя органу дознания как один из важнейших видов процессуального взаимодействия

На данный момент уголовно-процессуальный закон четко регламентирует полномочия следователя и органа дознания, компетенцию, права и обязанности. Несмотря на тенденцию к увеличению процессуальной самостоятельности данных органов и соответствующих должностных лиц, не менее важным является их взаимодействие при расследовании преступлений. Как емко отметил Е. А. Травкин, взаимодействие следователя и органа дознания выступает как «объективная неизбежность, как одно из важнейших условий их успешной деятельности»¹.

На данный момент существуют различные точки зрения относительно содержания понятия «взаимодействие» применительно к сфере деятельности следователя и органа дознания. Наиболее полное понятие взаимодействия, на наш взгляд, дано А. И. Бастрыкиным, под которым понимается согласованная деятельность следователя, оперативного органа (органа дознания), экспертно-криминалистического подразделения и других субъектов доказывания, предполагающую рациональное сочетание при расследовании преступления процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, осуществляемых каждым из них в соответствии со своими функциями и в пределах предоставленных законом полномочий, с использованием специальных знаний и технико-криминалистических средств с целью наиболее успешного и эффективного выполнения задач уголовного судопроизводства². На основе этого можно сделать вывод о том, что взаимодействие — процесс комплексный, включающий единство организационных, тактических, методических начал.

---

¹ Травкин Е. А. Взаимодействие следователей Следственного комитета РФ с органами дознания: проблемы, пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 10. – С.168.

² Доклад А. И. Бастрыкина на расширенном заседании коллегии СКР 26 февраля 2016 г. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1019445> (дата обращения: 08.09.2023).

Нельзя не отметить, что взаимодействие как процесс предполагает реализацию в определенных внешних формах. Традиционно формы взаимодействия классифицируют на процессуальные, т. е. регламентированные законом, и непроцессуальные, регламентированные в ведомственными актами, функционирующие на организационном уровне. Наиболее остро стоит вопрос процессуального взаимодействия, так как именно в рамках данного процесса формируется доказательственный массив по уголовному делу.

Одной из важнейших процессуальных форм взаимодействия следователя и органа дознания является письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также следственных действий в рамках п. 4 ч. 2 ст. 40 УПК РФ. Указанные поручения носят обязательный характер, так как следователь является должностным лицом, уполномоченным самостоятельно направлять ход расследования. На практике данная форма взаимодействия является наиболее распространенной, однако имеются и проблемные вопросы ее применения.

Во-первых, уголовно-процессуальным законом определена только форма поручения – письменная – без указания требований к его содержанию. С одной стороны, это дает возможность следователю в свободной форме излагать действия, которые надлежит выполнить органу дознания. Однако, это также чревато формализмом при составлении поручения, отсутствием ссылок на УПК РФ и изложением мотивировки его направления органу дознания. Помимо этого, нет указания в законе на необходимость приложения к поручению, например, копий постановлений о производстве следственного действия или иных материалов уголовного дела, без ознакомления с которыми орган дознания не сможет провести поручаемое следственное действие или оперативно-розыскное мероприятие в полном объеме. Таким образом, представляется необходимым закрепить в отдельной статье УПК РФ норму, регламентирующую содержание письменного поручения следователя органу дознания, указав в первую очередь на обязательное приложение копий материалов уголовного дела для полного и всестороннего проведения поручаемого действия.

Во-вторых, помимо статьи 40 УПК РФ, о поручении следователя органу дознания упоминается в статье 152 УПК РФ, касающейся места производства предварительного расследования. Интерес представляет часть 1 данной статьи, в которой указан срок исполнения поручения вне места проведения предварительного расследования – исполнение должно быть осуществлено не позднее 10 суток. В связи с этим возникает логичный вопрос: каков срок его исполнения, если совершение порученного действия осуществляется по месту предварительного расследования? Например, такая ситуация возможна, если орган дознания проводил по данному уголовному делу неотложные следственные действия в рамках ст. 157 УПК РФ. Соответственно после передачи уголовного дела следователю орган дознания не

вправе проводить следственные действия без поручения следователя. В дальнейшем в соответствии с. 4 ст. 157 УПК РФ, следователь направляет поручение органу дознания по месту производства неотложных следственных действий, т. е. по месту проведения предварительного расследования. Кроме того, нередки ситуации, когда необходимо производство следственных действий одновременно в разных местах (обыск, выемка), например, при поиске похищенного имущества по разным адресам. В данном случае вопрос срока исполнения такого поручения остается открытым. В литературе единого мнения также нет: к примеру, часть авторов считает, что в таких ситуациях надлежит применять ч. 1 ст. 152 УПК РФ «по аналогии» к поручениям по месту проведения предварительного расследования, т. е. устанавливать срок 10 суток. Однако данный подход, во-первых, противоречит сущности уголовно-процессуального законодательства, которое запрещает применять его положения по аналогии, и, во-вторых, данный срок может быть слишком длительным или слишком коротким в зависимости от порученного действия.

Следует согласиться с авторами, которые считают, что следователь должен самостоятельно определять срок исполнения своего поручения в случае необходимости его исполнения по месту проведения предварительного расследования. В частности, такого мнения придерживаются А. С. Есина¹, А. В. Ендольцева и др. На наш взгляд, такой подход целесообразен, т.к. зачастую поручение должно быть исполнено немедленно, или наоборот – в более длительный срок, чем 10 суток. Кроме того, имеются и действия, которые в принципе не предполагают установления конкретного срока – например, если следователем поручено установление лица, совершившего преступление. В данном случае устанавливать срок бессмысленно, исполнение будет осуществлено при достижении результата – обнаружении указанного лица. В подобных случаях предлагается также закрепление обязанности органа дознания информировать следователя о промежуточных результатах исполнения поручения². Таким образом, вопрос срока исполнения поручения следователя органу дознания на практике стоит остро: отмечается, что основной причиной конфликта следователя и органа дознания является именно срок выполнения поручений, так как он напрямую влияет на срок следствия³.

Продолжая исследование вопроса поручения следователя о проведении отдельного следственного действия, необходимо отметить отсутствие в

---

¹ Есина А. С. Каким должно быть содержание отдельного поручения следователя? // Российский следователь. – 2002. – № 2. – С. 6.

² Ендольцева А. В. Поручения следователя органу дознания: проблемные вопросы в теории и практике // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – №1. – С.95.

³ Ефремова О. М. Проблемные аспекты взаимодействия органов предварительного следствия и дознания при раскрытии и расследовании преступлений / О. М. Ефремова, В. В. Солодовник // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. – 2022. – № 4(93). – С. 177.

законе указания на то, какие именно из них возможно поручать органу дознания, так сказать «без ущерба» для уголовного дела. К примеру, речь идет о ситуациях, когда следователями в обход нормы уголовно-процессуального закона о своей руководящей роли в предварительном расследовании, поручают практически весь массив следственных действий органу дознания. Причин формирования указанной негативно складывающейся практики может быть множество, однако «оправдание» им едино – большая загруженность следователя, что, в целом, не является законным использованием полномочия по поручению исполнения своего массива выполнения действий по уголовному делу органу дознания. Помимо этого, вопрос определения возможных следственных действий для выполнения органом дознания связан с тем, что отдельные следственные действия отличаются сложностью и строгим порядком их проведения. Неправильное производство следственного действия приводит к признанию его недопустимым доказательством с последующими негативными последствиями. Несмотря на это, следователи, по сути, злоупотребляя своим правом¹, поручают проведение очной ставки, следственного эксперимента, проверку показаний на месте органу дознания без необходимых на то причин. В результате таких действий следователя увеличивается риск допущения нарушений уголовно-процессуального порядка проведения следственных действий и невозможность признания их доказательствами по уголовному делу в установленном порядке. Сложность в закреплении перечня следственных действий, которые могут быть поручены следователем органу дознания в том, что, во-первых, каждое уголовное дело предполагает самостоятельный набор необходимых для проведения следственных действий, и, во-вторых, в литературе нет однозначного мнения, что считать «сложными» следственными действиями. К примеру, А. М. Ларин считает, что недопустимо поручать органу дознания проведение судебной экспертизы, допроса подозреваемого или обвиняемого². А. В. Ендольцева, в свою очередь, считает нецелесообразным поручать проведение следственных действий, которые направлены на проверку ранее данных показаний³ (очная ставка, проверка показаний на месте и др.). Таким образом, законодателю необходимо обратить внимание на указанную проблему, закрепив в УПК РФ перечень тех следственных действий, которые должны выполняться следователем самостоятельно во всех случаях. Представляется, что такая норма будет выступать превентивной мерой по отношению к признанию результатов следственных действий недопустимыми доказательствами.

В заключение стоит отметить важность совершенствования процессуального взаимодействия между следователями и органами дознания в

---

¹ Исакова И. В. Поручения следователю органу дознания после выполнения неотложных следственных действий // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 11. С. 100.

² Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М., 1986. – С.126.

³ Ендольцева А. В. Поручения следователя органу дознания: проблемные вопросы в теории и практике // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – №1. – С.95.

рамках производства по уголовному делу. Исключение формализма в своей работе, направление поручений только в необходимых случаях, производство органом дознания поручений в срок и в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона – ключ к слаженной и эффективной работе обоих ведомств. Ряд авторов высказывает необходимость в разработке и введении межведомственной Инструкции о взаимодействии органов дознания и предварительного следствия¹, что, на наш взгляд, позитивно повлияет на процесс взаимодействия данных органов при расследовании преступлений.

Список источников

1. Ендольцева А. В. Поручения следователя органу дознания: проблемные вопросы в теории и практике // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – №1. – С.91—96.
2. Есина А. С. Каким должно быть содержание отдельного поручения следователя? // Российский следователь. – 2002. – № 2. – С. 5—10.
3. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М., 1986. – 160 с.
4. Михайловская О. В. К вопросу о взаимодействии органов предварительного расследования с оперативными подразделениями в части, касающейся исполнения отдельных поручений следователя, дознавателя / О. В. Михайловская, В. А. Хабаров // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2021. – № 3(53). – С. 58—62.
5. Травкин Е. А. Взаимодействие следователей Следственного комитета РФ с органами дознания: проблемы, пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2010. – №10. – С.167—172.
6. Травкин Е. А. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 23 с.

---

¹ Травкин Е. А. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С.7.

Проблемы роспуска коллегии присяжных ввиду тенденциозности в теории и судебной практике

Судопроизводство с участием присяжных заседателей традиционно представляет собой усложненную форму отправления правосудия, способной в наибольшей мере гарантировать соблюдение прав привлекаемых к ответственности лиц и обеспечить непосредственную реализацию принципа демократизма при вынесении судебного решения. Вместе с тем необходимо учитывать, что внедрение народного элемента в отправление правосудия возлагает на законодателя и правоприменителя повышенную ответственность и обязывает их создать надежные процессуальные механизмы, позволяющие в соответствии с общим назначением судопроизводства наделить присяжных заседателей соответствующими их особому процессуальному статусу полномочиями, оградить коллегию от выполнения несвойственных функций и обеспечить её беспристрастность до вынесения вердикта. Как справедливо отмечено С. А. Насоновым, именно «процессуальная форма обеспечивает преобразование суда толпы («естественной организованности») в суд присяжных («культурную организованность»)»¹.

Одним из таких процессуальных механизмов, существующих на этапе формирования коллегии присяжных и преследующих цель исключить появление всякого рода *внепроцессуального* предубеждения в отношении подсудимого, является институт роспуска коллегии присяжных заседателей ввиду её тенденциозности (ст. 330 УПК РФ). Данная норма предоставляет председательствующему право по заявлению стороны распустить коллегию присяжных до приведения её к присяге по причине наличия обоснованного сомнения в способности сформированной коллегии с учетом особенностей рассматриваемого дела вынести обоснованный вердикт. Следует отметить, что несмотря на очевидную попытку законодателя создать повышенные гарантии к сохранению беспристрастности присяжных заседателей в отношении подсудимого (подобно тому, как, например, в отличие от Устава Уголовного Судопроизводства 1864г. существует запрет исследовать данные о личности подсудимого), исследуемая норма получила весьма неоднозначную как в научной литературе, так и в судебной практике. Обнаружить случаи констатации тенденциозности коллегии с использованием современных справочно-поисковых правовых баз практически невозможно, а суды апелляционных и кассационных инстанций почти по любым обстоятельствам не решаются признать сформированный состав присяжных неспособным вынести обоснованный вердикт. Чем можно объяснить сложившуюся практику?

---

¹ Насонов С. А. Судебное следствие в суде присяжных: особенности и проблемные ситуации, теория, законодательство, практика. М., 1999. С. 4.

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова слово «тенденциозность» определяется как «предвзятость, пристрастность, необъективность, содержащаяся в чем-то склонность к чему-либо»¹.

Верховный суд в п.16 Постановления Пленума от 22.11.2005 № 23 (ред. от 28.06.2022) "О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей" указывает, что «под тенденциозностью состава коллегии присяжных заседателей следует понимать случаи, когда при соблюдении положений закона о порядке ее формирования тем не менее имеются основания полагать, что *образованная по конкретному уголовному делу коллегия, вследствие особенностей этого дела, не способна всесторонне и объективно оценить обстоятельства рассматриваемого уголовного дела и вынести справедливый вердикт* (например, вследствие однородности состава коллегии присяжных заседателей с точки зрения возрастных, профессиональных, социальных и иных факторов)»². Обращает на себя внимание, что из данного разъяснения следует крайняя *неопределенность, аморфность* критериев определения тенденциозности, что позволяет правоприменителю очень субъективно подходить к оценке склонности сформировавшейся коллегии к предубеждению. Проблематичным является и то, что в судебной практике часто происходит *смещение* института тенденциозности с иными процессуальными институтами.

Одним из проявлений такого смещения является приравнивание института роспуска коллегии ввиду её тенденциозности к обычным основаниям для заявления отводов кандидатам в присяжные. Например, по одному из дел Верховный Суд, признавая законным отказ председательствующего удовлетворить заявление о роспуске коллегии, указал, что «поскольку при формировании коллегии присяжных сторона защиты не заявляли ни мотивированных, ни немотивированных отводов, основания для роспуска коллегии отсутствовали»³. Представляется, что подобное отождествление недопустимо по следующим соображениям. Во-первых, заявление о тенденциозности может быть обоснованно заявлено (институт специально ради этого, во многом, и вводился законодателем) и в тех случаях, когда основания для отвода каждому отдельному присяжному отсутствуют в принципе, однако, тем не менее, существуют сомнения в способности всего состава объективно разрешить рассматриваемое дело (например, по делам о «взаимоотношении полов», когда существенное преобладание среди присяжных лиц одного пола создает разумные опасения для сохранения ими беспристрастности). Во-вторых, если полагать, что возможность применения института тенденциозности под условием связана с разрешением ординарных

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс].

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005г. № 25 (ред. от 28.06.2022) «О применении судами норм Уголовно-процессуального Кодекса РФ, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 июля 2004 года № 7-о04-18сп. Доступ из справ.-правовой системы «Судакт».

отводов, то после опроса присяжных и разрешения заявленных кандидатам мотивированных и немотивированных отводов, ни председательствующий, ни стороны больше не получают никакой новой информации о кандидатах, следовательно норма, при таком варианте толкования, становится бессмысленной. Из вышесказанного следует, что для применения ст. 330 УПК РФ факт заявления сторонами отводов присяжным должен считаться irrelevantным.

По многим иным делам, где институт тенденциозности связывался стороной защиты с однородностью коллегии по гендерному признаку, Верховным судом категорично разъяснялось, что «согласно ст. 19 Конституции все равны перед законом и судом и мужчина, и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. При таких данных, запрет доступа граждан к отправлению правосудия по половому признаку - противоречит закону и является дискриминацией».¹ Соглашаясь в целом с позицией Верховного суда по конкретному делу, хотелось бы высказаться относительно приведенной аргументации. Представляется, что в указанном случае также просматривается отождествление института тенденциозности и заявления ординарных отводов. Ст. 19 Конституции РФ, гарантирующая равенство мужчин и женщин перед законом и судом, могла бы являться основанием для отказа в удовлетворении судом именно мотивированного отвода стороны, поскольку один факт принадлежности кандидата к определенному полу или к определенной национальности не может свидетельствовать о его прямой или косвенной заинтересованности в разрешении дела. При заявлении же о тенденциозности никто не оспаривает равенство возможностей отдельных женщин в справедливом разрешении дела - норма ст. 330 УПК РФ создана для иных целей. Дело в том, что половая однородность коллегии по отдельным, исключительным категориям дел может создавать риск появления предубеждения в отношении подсудимого, как острой психологической реакции представителей женского пола на совершенное преступление в силу наличия особо болезненных «общественных» проблем, связанных с «взаимоотношением полов». (формирование установок страха, «ассоциации себя с жертвой домашнего насилия или возможной будущей жертвой»). Никто не вступает в дискуссию с психологами о том, что групповые психофизиологические характеристики женщин существенно отличаются от мужских. Как справедливо указывает С. А. Пашин, «институт заявления о тенденциозности позволяет предотвратить необъективность коллегии присяжных по отдельным категориям дел, поскольку по делам, связанным с национальными столкновениями, и о половых преступлениях, опасным может быть не только стопроцентное участие в процессе

---

¹ Кассационное Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 марта 2012 года по делу №93-012-1сга. Доступ из справ.-правовой системы «Судакт».

лиц одной национальности или одного пола, но даже их большинство».¹ Исходя из этого, ст. 19 Конституции не имеет отношения к рассматриваемой проблеме и, как я полагаю, избежание нарушения права подсудимого на защиту судам необходимо обосновывать отсутствие связи гендерной однородности коллегии в конкретном уголовном деле именно с «взаимоотношением полов» (такое взаимоотношение прослеживается, например, в половом преступлении², деле об убийстве женщины сожителем в ходе домашнего насилия) — ситуации, которая может создавать риск появления предубеждения, тогда как сам по себе факт наличия в составе коллегии присяжных большинства представителей одного пола, разумеется, не предопределяет вывод о тенденциозности.

Другой проблемой, существующей в правоприменительной практике, является отказ судов апелляционных и кассационных инстанций содержательно исследовать возможную тенденциозность коллегии вследствие того, что сторона защиты не делала заявлений о тенденциозности до приведения присяжных к присяге. Например, как указывает Верховный суд в одном из Апелляционных Определений, «Как видно из протокола судебного заседания, по окончании отбора замечаний по процедуре формирования коллегии присяжных заседателей, заявлений о ее тенденциозности от участников судопроизводства, в том числе от осужденных и их защитников, не поступило»³. По мнению автора, отсутствие заявления о тенденциозности в первой инстанции не может блокировать рассмотрение данного вопроса в дальнейшем, поскольку в противном случае фактически происходит отказ в правосудии. Наличие оснований для тенденциозности означает, несмотря на отсутствие у председательствующего права инициативно распустить коллегию (что видится ошибочным) означает ни что иное, как рассмотрение дела незаконным составом суда и нарушает право подсудимого на защиту. Использование же в уголовных делах принципа «непротиворечивого поведения» (так называемого эстоппеля), свойственного гражданскому праву и позволяющего не учитывать факты нарушения закона и (или) прав граждан в зависимости от своевременности процессуального реагирования противоположной стороны на допущенное нарушение, создает опасные предпосылки для обеспечения принципа законности при разрешении уголовных дел. По этой причине рассмотрение вопроса о тенденциозности *по существу* не может связываться с заявлением об этом в суде первой инстанции и подлежит исследованию на любой стадии уголовного судопроизводства.

Одной из существенных проблем применения института тенденциозности является также то, что ни в уголовно-процессуальном законе в

---

¹ Пашин С. А. Судебная реформа и суд присяжных. М., 1995. С. 12—13.

² В настоящий момент половые преступления не отнесены к подсудности суда присяжных.

³ Апелляционное Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 декабря 2019 года № 39-АПУ-19-5СП. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

ст. 330, ни в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, не дано разъяснений относительно необходимости удаления присяжных заседателей при заявлении одной из сторон о тенденциозности коллегии, что иногда порождает споры в ходе судебных заседаний. Данную проблему нельзя считать несущественной. В науке существует точка зрения, что рассматриваемый институт по этой причине «следует упразднить, поскольку у присяжных после его заявления может сложиться неприязненное отношение к подсудимому в случае его неудовлетворения»¹. Указанная проблема неоднократно становилась и предметом обращения граждан и в Конституционный Суд РФ. Например, как указывал один из заявителей, оспаривавший конституционность ст. 330 УПК РФ, «статья не обязывает суд рассматривать ходатайство об отводе коллегии ввиду тенденциозности ее состава в отсутствие присяжных, что в ходе судебного разбирательства его уголовного дела позволило разрешить данный вопрос в их присутствии, чем вызвало их явное предубеждение»². Представляется, что не стоит принимать чрезмерные решения и отказываться от всего института роспуска коллегии до её приведения к присяге ввиду наличия процессуальных проблем, которые могут быть устранены практическими и (или) законодательными мерами, тем не менее следует полностью согласиться с вышеуказанными авторами в незаконности рассмотрения заявления в порядке ст. 330 УПК РФ в присутствии присяжных. Во-первых, указанный вопрос является сугубо правовым, а потому подлежит исследованию в отсутствие присяжных заседателей. Во-вторых, по смыслу закона, конечно же, такого рода заявления должны сопровождаться удалением присяжным именно во избежание формирования стойкого предубеждения по отношению к стороне, «не поверившей» в способности коллегии вынести обоснованный вердикт, в противном случае сама тенденциозность формируется, как ни парадоксально, уже после рассмотрения неудовлетворенного заявления о роспуске коллегии. По этой причине целесообразно внести изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 28.06.2022) "О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей", дополнив пункт 16 Постановления пятым абзацем со словами «по смыслу ст. 330 УПК РФ, заявление о тенденциозности рассматривается в отсутствие присяжных заседателей».

Список источников

1. Добровольская С. И. Суд присяжных: актуальные проблемы организации и деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. И. Добровольская – М., 1995. – 178 с.

---

¹ Добровольская С. И. Суд присяжных: актуальные проблемы организации и деятельности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 8.

² Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2009г. № 1441-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Насонов, С. А. Судебное следствие с участием присяжных: Особенности и проблемные ситуации, теория, законодательства, практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ С. А. Насонов. – М., 1999. – 189 с.

3. Пашин, С. А. Судебная реформа и суд присяжных / С. А. Пашин. – М.: изд-во РПА МЮ РФ, 1995. – 76 с.

УДК 343.1

В. В. Рохина

О некоторых особенностях начального этапа расследования недружественных поглощений

Экономика России после перехода от социалистической системы хозяйствования к капиталистической переживала резкие структурные изменения, происходил процесс приватизации государственного имущества. Так, в 1991—1992 годах было приватизировано порядка 46,8 тысяч предприятий, в 1993 году – данная цифра возросла до 88,6 тысяч предприятий, а в 1994 году таковых стало 112,6 тысяч¹. При этом, по некоторым данным, на основе этих предприятий было создано в первые годы приватизации всего лишь 12 тысяч предприятий². В то же время в связи с происходившим процессом приватизации выросло и количество преступлений против собственности.

Так, в 1991 году их было зарегистрировано 1 462 513, темпы прироста к предыдущему году составили 30,6 %, а к 1987 году 184,2 %: в процентах от общего числа мошенничество составляло 57,4 %, кража государственного или общественного имущества — 27,4 %, хищение государственного или общественного имущества путем присвоения или растраты, либо путем злоупотребления служебным положением составили 7 %³. В 2003 году (январь-декабрь) мошенничеств — 87 471 (прирост 26,1 %), присвоение и растрата — 49 002 (прирост 2,2 %)⁴. В 2005 году мошенничество — 179 553 (прирост 42,4 %), присвоение и растрата — 63 012 (прирост 7,2 %)⁵. В 2022 году число мошенничество — 343 085⁶. Как видно из приведенных статистических данных, проблема преступлений против собственности актуальна

¹ История приватизации в России. Официальный сайт РИА Новости. URL:<https://ria.ru/20171001/1505774937.html> (дата обращения: 08.09.2023).

² 25 лет приватизации в России: что осталось от страны заводов и фабрик? Офиц. сайт газеты «Аргументы и факты». URL:https://aif.ru/money/economy/25_let_privatizacii_v_rossii_chno_ostalos_ot_strany_zavodov_i_fabrik (дата обращения: 08.09.2023).

³ Преступность и правонарушения: Статистический сборник. М. Финансы и статистика. 1992. С. 27.

⁴ Общие сведения о состоянии преступности. Официальный сайт МВД. URL:<https://мвд.рф/upload/site1/import/f0a65b9851.pdf> (дата обращения: 08.09.2023).

⁵ Общие сведения о состоянии преступности. Официальный сайт МВД. URL:<https://мвд.рф/upload/site1/import/277d8f0b81.pdf> (дата обращения: 08.09.2023).

⁶ Состояние преступности в России. Официальный сайт МВД. URL:[file:///C:/Users/artem/Downloads/Sbornik_22_12%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/artem/Downloads/Sbornik_22_12%20(1).pdf) (дата обращения: 08.09.2023).

до сих пор, несмотря на «компьютеризацию» преступности¹. Однако в связи с тем, что пострадавшие субъекты экономической деятельности своевременно не обращаются или не желают обращаться в правоохранительные органы, официальная статистика не в полном объеме отражает действительное число преступных посягательств².

Представляется необходимым рассмотреть особо важную сторону проблемы экономических преступлений — дружественное и недружественное (враждебное) поглощение, которое ученые-юристы разделяют по целевому аспекту. Дружественное поглощение подразумевает добровольное согласие продавца (поглощаемой компании) и покупателя (компании-поглотителя) на совершение сделки, иными словами, решением общего собрания акционеров (участников) предопределяется одобрение сделки, предложенной покупателем, советом директоров. Враждебное же поглощение предполагает получение корпоративного контроля над поглощаемой компанией против воли ее руководства, мажоритарного акционера, без учета интересов других акционеров (участников). М. Г. Ионцев определяет приобретение агрессором максимально возможное количество акций и формирование контрольного пакета главной технологией враждебного поглощения. После данных мероприятий поглощающая компания организует внеочередное собрание акционеров и избирает новые органы управления обществом, переводя тем самым управление в свои руки³.

Безусловно, недружественное поглощение ассимилируется с правонарушением, однако в данном случае видится наиболее целесообразным рассматривать в качестве действия, не только не соответствующие требованиям законодательства напрямую, но и действия, которые осуществляются в обход закона, то есть в такой ситуации прямой запрет отсутствует, однако основополагающие принципы права все-таки нарушаются.

Недружественные поглощения негативно влияют на коммерческий оборот ввиду снижения конкуренции на товарных рынках, тем самым затрагивая не только частные, но и публичные интересы, поэтому представляется необходимым разработка защитных механизмов бизнеса, направленные на снижение рисков враждебного поглощения.

В практике присутствует множество вариантов противостояния подобным поглощениям, например, путем внесения изменений в устав общества, сокращение количества акций в обороте, усложнение корпоративной структуры и механизмов управления ею, размещение акций по закрытой подписке.

---

¹ Гишинский Я. И. Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе пост-модерна: взгляд криминолога // Криминалистика. 2016. № 1 (18). С. 4.

² Валласк Е. В. Мошенничество с использованием ценных бумаг: ретроспективный анализ, криминалистическая характеристика и программы расследования : монография / Е. В. Валласк. СПб, Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 7.

³ Ионцев М. Г. Корпоративные захваты: слияния, поглощения, гринмэйл. М. : Республика, 2010. С. 56.

«Понятийный аппарат» недружественных поглощений довольно велик в зависимости от форм их проявлений: это может быть как и «корпоративный захват», так и более узкое по смыслу «рейдерство» (в данном случае интересна позиция Е.В. Валласк о том, что указанные термины зачастую используются в качестве синонимов, однако рейдер выступает как один из потенциальных субъектов «корпоративного захвата», отсюда само «рейдерство» видится логичным определить как преступную деятельность по организации и осуществлению «корпоративных захватов»¹), или же прием «гринмейл» («корпоративный шантаж»).

Важно понимать, что в Уголовном кодексе РФ² (далее – УК РФ) не закреплены одноименные конкретные составы преступления, так как указанные термины больше являются собирательными и условными, охватывающие группу преступных деяний, объединенных единой целью получения права на чужое имущество. Как отмечает Е.В. Валласк, следствием разнообразия способов корпоративных захватов стала криминализация ряда злоупотреблений в сфере корпоративных правоотношений и оборота ценных бумаг. Так как рейдерские захваты предприятий образуются целым механизмом действий, квалификацию каждого из составных деяний необходимо осуществлять по различным статьям УК РФ³.

Неслучайно статистика выше приводилась по такой категории дел, как мошенничество (ст.159 УК РФ) – самый распространенный состав при квалификации деяния лиц в сфере недружественного поглощения. Некоторые исследователи относят в данную группу преступлений также и такие преступления, как вымогательство (ст.163 УК РФ), ст. 170 УК РФ (регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом), а также ст. 170.1 УК РФ (фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельца ценных бумаг или депозитарного учета), ст. 179 УК РФ (принуждение к совершению сделки или отказ от ее совершения), ст. 185.5 УК РФ, ст. 195 УК РФ, ст. 196 УК РФ и иные⁴.

Так или иначе, определившись с возможными вариантами квалификации действий преступников в рамках недружественного поглощения юридических лиц, мы обратимся к особенностям расследования данных преступлений на начальном этапе, анализируя в данной статье лишь часто встречающиеся на практике ситуации.

---

¹ Валласк Е. В. Криминалистическая характеристика и программы расследования хищения путем мошенничества с использованием ценных бумаг : дис. канд. юрид. наук : 12.00.09. СПб., 2006. С. 36.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : текст с изм. и доп. на 04 авг. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Валласк Е. В. Противодействие корпоративным захватам предприятий уголовно-правовыми средствами: анализ новелл законодательства // Юрист. 2012. № 6. С. 10.

⁴ Лебедев И. Рейдеры: «Поймай нас, если сможешь». Официальный сайт «Адвокатская газета». URL : <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/reyder-y-poymay-nas-esli-smozhesh/> (дата обращения: 09.09.2023).

В силу пункта 2 статьи 50 и пункта 4 статьи 66 Гражданского кодекса¹ Российской Федерации (далее – ГК РФ) хозяйственные общества, то есть корпоративные коммерческие организации с уставным капиталом, разделенным на доли учредителей, могут существовать в форме акционерных обществ или обществ с ограниченной ответственностью.

Представим следственную ситуацию, в которой произошел захват общества с ограниченной ответственностью, принудительное отчуждение доли участников общества в уставном (складочном) капитале, о чем стало известно из заявления одного из пострадавших лиц. Рассмотрим вероятные следственные версии. Во-первых, возможна ситуация, при которой захват ООО мог быть произведен посторонними лицами. Во-вторых, захват мог быть осуществлен собственниками иных долей в уставном капитале ООО. В-третьих, возможен и такой вариант, при котором лицо, сообщившее о преступлении, пытается вернуть «невыгодно» проданную долю, прикрываясь якобы утратой доли вопреки его воле.

Так, истец М. оспаривал цепочку сделок, которые привели к отчуждению доли в 51 % в уставном капитале Общества. Пытаясь восстановить корпоративный контроль, истец М. утверждал, что его доля была из собственности в результате противозаконных, недобросовестных действий ответчиков Э. и М. Т. (промежуточный и окончательный выгодоприобретатели от сделки). В своём Определении от 21 декабря 2022 года №304-ЭС22-24007 по делу №А46-11859/2021 Верховный Суд РФ указал, что истец не смог доказать противоправность действий ответчиков². Более того, представлены доказательства того, что имелось совпадение волеизъявления сторон, принуждение к отчуждению отсутствовало или не смогло быть доказано.

В связи с этим следственным органам необходимо тщательно выполнять следующую совокупность действий (типовые задачи) на начальном этапе при расследования подобной ситуации:

1. Установить, действительно ли был переход доли в уставном капитале к новому собственнику(ам). Установить личности, их местонахождение.

2. Выяснить, на основании каких правоустанавливающих документов была осуществлена подобная сделка, изъять их. Провести криминалистические экспертизы реквизитов документов и текста с целью установления фальсификации документов, на основании которых и был осуществлен переход права собственности на долю.

3. Установить последствия корпоративного захвата (каким образом он повлиял на кадровую политику в юридическом лице, организацию труда,

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : текст с изм. и доп. на 01 авг. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда РФ от 21 декабря 2022 г. №304-ЭС22-24007 по делу № А46-11859/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

отчисление налогов в бюджеты всех уровней и т. д.). Использовался ли силовой захват, причинен ли кому-либо вред от силового захвата.

Теперь представим ситуацию, в которой произошел захват акционерного общества. Возможны следующие следственные версии. Во-первых, субъектами, осуществляющими захват, могут быть также как посторонние лица, так и иные акционеры общества (бывшие таковыми или действующие). Во-вторых, хищение может осуществляться группой рейдеров по заказу конкурентов или партнеров по бизнесу. В-третьих, возможно участие в преступлении миноритарных акционеров с целью установления полного контроля над акционерным обществом. В-четвертых, нельзя исключать и ложное заявление о преступлении, которое может быть подано с целью скрыть законное выбытие акций из собственности. Независимо от способа осуществления преступления (подделка документов, созыв общих собраний акционеров, участие в работе наблюдательных советов и изменение состава его участников, увольнение прежнего руководства юридического лица и даже силовой захват) результат один — лицо, еще недавно владевшее акциями, больше не является их собственником.

Так, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа 22 декабря 2022 года вынес Постановление по очень интересному делу¹. Истец просил о пересмотре ранее вступивших в силу решений арбитражных судов по вновь открывшимся обстоятельствам (хотя ранее в судах истец добровольно отказался от требований) и об истребовании обыкновенных именных бездокументарных акций. Вновь открывшимися обстоятельствами истец посчитал установление фактов хищения данных акций, однако в последствии уголовное дело было прекращено в связи со смертью обвиняемого (к которому ранее предъявлялись требования в арбитражном процессе). Однако, суд не отнес данные обстоятельства к вновь открывшимся, считая имевшийся отказ от требований без возникновения указанного обстоятельства добровольным.

Еще более интересным представляется Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2021 года по делу №88-30577/2021, 2-03/2021². Истец обратилась в суд с иском к ПАО «Сбербанк России» о взыскании стоимости акций, дивидендов и процентов за пользование денежными средствами. В обоснование своих требований истец указала, что между истцом и ответчиком был заключен депозитно-брокерский договор, вследствие чего истец совершал сделки купли-продажи ценных бумаг, различных эмитентов. По состоянию на начало 2017 года по данным брокера ПАО «Сбербанк» на счете находилось 121 300 акций ПАО «Сбербанк», а уже в марте 2017 года на счете оказалось 0 акций. Были также проведены и почерковедческие экспертизы, которые к конкретным результатам

---

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29 декабря 2022 г. № Ф04-6923/2022 по делу № А45-6683/2013. URL : <https://sudact.ru/arbitral/doc/Gi7xpwdSiQnc/> (дата обращения: 11.09.2023).

² Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2021 г. по делу № 88-30577/2021, 2-03/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

по делу не смогли привести. Как выяснилось, приговором Нальчикского городского суда гражданин, являвшийся начальником отдела по обслуживанию на финансовых рынках Кабардино-Балкарского отделения ПАО «Сбербанк РФ», признан виновным в совершении преступления по п. 4 ст. 159 УК РФ. Он, имея доступ к соответствующим ресурсам ПАО «Сбербанк РФ», используя служебные возможности, осуществил хищение части акций Истца. Конечно, это не повлияло на правление одного из крупнейших банков России, но является ярким примером того, как с использованием современных технологий можно похитить акции акционерного общества.

Типовыми задачами в такой категории дел будут являться:

1. Установление личности потерпевшего, рода занятий, уровня образования, профессии для понимания того, мог ли он быть введен в заблуждение злоумышленниками или уровень его знаний современной экономики исключает фактор заблуждения или обмана потерпевшего.

2. Определить тип и номинальную стоимость акций, некогда принадлежащих заявителю. Выяснить, когда и при каких обстоятельствах он стал собственником акций, осуществлял ли он обязанности, возложенные на акционеров, а также не имел ли конфликтов с сособственниками на «корпоративной почве».

3. Установить, когда, кем и при каких обстоятельствах были внесены в правоподтверждающие документы (реестр акционеров) данные о переходе прав собственности к иному лицу (для чего необходимо проанализировать передаточное распоряжение, то есть документ, предоставляемый регистратору и содержащий требование о внесении записи в реестр или предоставления информации из реестра)¹. Если осуществлялась сделка, то необходимо выяснить, состоялась ли она в соответствии с требованиями действующего законодательства (например, в части формы сделки). Выявить рыночную стоимость акций на момент перехода права собственности и стоимость их по заключенному договору, если такой имелся.

4. Установить лицо, которое стало собственником данных акций. Выяснить в целом возможный круг субъектов преступления. Установить, не произошло ли перестановок и увольнений в руководящих кадрах юридического лица.

5. Выяснить, какое право заинтересовало мошенников в большей степени. Установить, как заподозренные лица объясняют факт перехода к ним акций².

---

¹ Валласк Е. В. Противодействие корпоративным захватам предприятий уголовно-правовыми средствами: анализ новелл законодательства // Юрист. 2012. № 6. С. 11.

² Криминалистическая характеристика, квалификация и программы расследования преступлений, характеризующихся как корпоративный (рейдерский) захват : учебное пособие / Е. В. Валласк, С. П. Кушниренко, А. В. Сальников, В. Ф. Щепельков. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2009. С. 87.

Безусловно, каждое преступление неповторимо по своей сути, однако уместно описание и универсального алгоритма, не теряющего актуальность вне зависимости от конкретного состава преступления в сфере экономики и состоящего из таких шагов, как изъятие всей документации, непосредственно связанной с переходом права собственности и переизбранием руководителей, назначение судебно-бухгалтерской или судебно-экономической экспертизы, почерковедческой экспертизы, анализ правовой составляющей указанных документов, допрос потерпевших, подозреваемых и свидетелей, взаимодействие с оперативными работниками для установления круга подозреваемых.

Таким образом, сбор достаточных доказательств и информации об основных обстоятельствах расследуемого события и виновности в выявленном преступлении конкретных лиц является главной задачей начального этапа расследования. Относительно массива преступлений, охватываемого явлением недружественных поглощений, могут применяться как общие универсальные рекомендации по расследованию, так и действия, требующие от сотрудников правоохранительных органов знаний не только в сфере уголовного права и уголовного процесса, но и в сфере гражданского права, корпоративного, финансового, а также в сфере экономики.

УДК 343.1

В. А. Сарапкин

Институт понятых в уголовном судопроизводстве России: убрать нельзя оставить

С начала Великих реформ Александра II институт понятых в уголовном судопроизводстве России, как форма общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов в лице их должностных лиц существует практически в неизменном виде.

Введение Уставом уголовного судопроизводства 1864 года необходимого участия не менее двух понятых при производстве отдельных процессуальных действий, безусловно, стало новеллой для правоприменителя, изменив привычный ход и содержание предварительного расследования.

Участие понятых позволяло не только повысить качество предварительного расследования, но и встать на путь противодействия произволу со стороны сыскной полиции.

По истечении времени уголовный процесс России эволюционировал — изменились как методы и приемы предварительного расследования, так и правоприменительная практика в целом.

Согласно действующему УПК РФ «Понятой — не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем

для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия»¹.

Ст. 170 УПК РФ закрепила положение об обязательном участии не менее двух понятых в производстве отдельных процессуальных действий.

Вместе с тем, ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ носит отчасти диспозитивный характер, законодатель оставил на усмотрение следователя привлечение понятых при производстве некоторых следственных действий, если есть возможность использования технических средств фиксации хода и результатов следственного действия.

Отсюда мы можем сделать вывод, что понятой в уголовном судопроизводстве может рассматриваться в качестве лица, отражающего в памяти ход и результаты процессуального действия и призванного в последствии передать информацию о нем в ходе судебного следствия.

Здесь возникает первый вопрос: способен ли понятой, обладающий ограниченным объемом памяти полно и без искажения передать информацию суду о конкретном процессуальном действии, происходившем, например два месяца назад? А при многоэпизодном преступлении? Отвечая на поставленные вопросы следует заметить, что понятой согласно ст. 60 УПК РФ является незаинтересованным лицом, зачастую вовсе не обладающим знаниями в области юриспруденции, что может повлиять на его оценку содержания предварительного расследования и свести к минимуму его роль «представителя общества».

В настоящее время найти в качестве понятого равнодушного человека, стремящегося всеми силами помочь следствию в установлении справедливости и законности очень сложно.

К сожалению, мы можем констатировать, что по сравнению с советским уровнем правовой культуры общества современное поколение более склонно к нигилизму.

С. А. Борсученко, рассматривая проблематику данного вопроса приходит к выводу о необходимости полного отказа от понятых в уголовном процессе России.

Аргументируя свою позицию, автор выдвигает гипотезу о правовом нигилизме населения России, его инертности, отмечая, что оценку относимости и допустимости доказательств по уголовному делу осуществляет только суд, а институт понятых остается «исключительно формальным»².

Думается, что для установления объективной истины при проведении предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу наибольшую роль представляют собой именно технические средства фиксации хода и результатов следственного действия.

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. - № 52 (ч. I). - ст. 4921. Статья 60 «Понятой» (дата обращения: 29.05.2023).

² Судьба понятых // Правовой портал «Закония». Официальный сайт. – 2011, 24 ноя. – Режим доступа: <https://www.zakonia.ru/analytics/77/52620> (дата обращения: 18.06.2023).

Современные информационные технологии за последние два десятилетия существенно модифицировали процесс осуществления правосудия, в том числе коснулись и производства предварительного расследования.

Повсеместное использование в ходе проведения процессуальных действий камеры 360-градусного формата, сохраняющей информацию на электронном носителе, полно и беспристрастно отражающей всю информацию о ходе процессуального действия, по нашему мнению, больше бы отвечало интересам правосудия, чем два понятых, институт которых не исключает и других проблем.

По вопросу исключения института понятых из уголовного судопроизводства России существует несколько точек зрения, которые можно свести к двум основным:

Во-первых, новые средства фиксации доказательств, о которых мы говорили ранее, по сравнению с понятыми, более отвечают принципам законности и свободы оценки доказательств и нивелируют ту роль понятых при производстве отдельных процессуальных действий, которую они исполняют в соответствии с действующим УПК РФ.

Развивая концепцию об исключении понятых как обязательных участников при производстве некоторых следственных действий, следует согласиться с утверждением Р. М. Шевцова и А. В. Максименко, в котором авторы полагают, что «только видео- и звукозапись всего процесса следственного действия позволит документально зафиксировать особенности предметов, повреждения, поведение конкретных лиц и иные факты, которые порой невозможно отразить в протоколе осмотра. Все это будет исследовано специалистом, экспертом, а также исключит возможность манипуляции доказательствами, их подмены»¹.

Во-вторых, низкая эффективность понятых при проведении осмотра места совершения преступления и других процессуальных действий, а также возможность привлечения «штатных понятых» (т. е. неоднократно привлекаемых следователями в целях содействия по сбору доказательств вины лица и имеющие преимущественно «обвинительный уклон»), не способных обеспечить реализацию основополагающего определяющего принципа уголовного судопроизводства — законности, в части нарушения порядка собирания, проверки и оценки доказательств².

К сожалению, низкая эффективность понятых при производстве процессуальных действий в ходе предварительного следствия подтверждается резонансными делами.

---

¹ Шевцов Р. М., Максименко А. В. Понятые в уголовном судопроизводстве // Наука. Теория. Практика № 1. 2013. С. 36. (дата обращения: 30.05.2023).

² Судьба понятых // Правовой портал «Закония». Официальный сайт. – 2011, 24 ноя. – Режим доступа: <https://www.zakonia.ru/analytics/77/52620> (дата обращения: 30.05.2023).

Так, например, понятые не смогли предотвратить служебные преступления сотрудников УВД по ЗАО г. Москвы, подбросившие при задержании наркотики журналисту Ивану Голунову¹. А сколько таких нераскрытых преступлений? Представляется, что их латентность достаточно высока и роль понятых, практически, сведена к минимуму.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что доказать на первый взгляд очевидную заинтересованность понятых в исходе практически невозможно.

Не имея возможности в рамках данной работы рассмотреть все проблемные аспекты данного вопроса, предлагаем остановиться на некоторых наиболее дискуссионных.

Так, Апелляционным Определением Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 было отказано в удовлетворении апелляционной жалобы, в которой защитник ссылался на недопустимость участия студентов-практикантов СУ СК и общественных помощников следователей в качестве понятых².

Верховный Суд Российской Федерации не усмотрел заинтересованности их в исходе дела.

Думается, что заинтересованность в данном случае будет исходить прежде всего из отношений «власти-подчинения» и зависимости от дальнейшего трудоустройства в системе следственных органов.

Также следует заметить, что Верховный Суд Российской Федерации не усматривает заинтересованность понятого в исходе дела при наличии факта знакомства последнего с подозреваемым в ходе их совместной работы³.

Явное преимущество технических средств фиксации хода и результатов следственных действий перед привлечением понятых показательна в Кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации.

Так, государственный обвинитель настаивал на отмене приговора областного суда в том числе по причине немотивированного признания достоверными показания понятого, находящегося в момент его участия в следственном действии в состоянии алкогольного опьянения и не помнящего ввиду данного факта хода, и результатов следственного действия⁴.

---

¹ Тогулев В. М. Понятые или техническая фиксация результатов следственных действий? // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева № 4, том 2, 2021. С. 114. (дата обращения: 30.05.2023).

² Апелляционное Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 47-АПУ16-9. Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogosuda-rf-ot-29112016-n-47-apu16-9/> (дата обращения: 30.05.2023).

³ Кассационное Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2011 № 49-О10-174 // СудАкт: судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: https://sudact.ru/vsrf/doc/CrrclhLTc6WR/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=№49-О10-174&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_=1685456354020 (дата обращения: 30.05.2023).

⁴ Кассационное Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 августа 2010 г. по делу № 66-О10-115. Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=324078 (дата обращения: 30.05.2023).

Подводя итог настоящего исследования следует сделать вывод, что уголовно-процессуальное законодательство в вопросе участия понятых при производстве отдельных процессуальных действий несовершенно.

Целесообразным видится повсеместное привлечение для сбора и оценки доказательств по уголовному делу криминалистов, ведение сплошной видеозаписи хода следственного действия, хранящейся на жестком диске.

После анализа видеоматериалов государственный обвинитель может составить акт, поминутно указав, где конкретно на представленной суду видеозаписи следователь совершает процессуальные действия.

Несмотря на практическую полезность технических средств фиксации сбора доказательств при проведении процессуального действия полностью отказаться от привлечения понятых в настоящее время было бы преждевременным.

В общественном сознании не изжито недоверие к правоохранительным органам. Репрессии 30-х гг. XX века, а также резонансные сфабрикованные дела стали следствием пристального внимания общества за деятельностью правоохранительных органов, сделали востребованным общественный контроль за производством предварительного расследования.

Менталитет нашего общества не изменился, а ввиду этого — функция общественного контроля должна сохраняться.

Нам видится целесообразным при совершении следственных действий использовать как технические средства, так и понятых.

Мы допускаем, что в будущем замена понятых будет обусловлена появлением таких технических средств, которые смогут полностью нивелировать все проблемы, связанные с отражением хода и результатов предварительного расследования, хранением видеоматериалов и их использованием в судебном разбирательстве. Сделают невозможным монтаж видеозаписей и позволят обеспечить их хранение только на защищенном сервисе.

Как первый шаг на пути технической модернизации хода процессуальных действий и отказа от привлечения в нем понятых по предложению В.А. Васильева следует «отказаться от привлечения понятых при проведении дознания или следствия по преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенным по неосторожности, неумышленно, и, естественно, только при возможности использования технических средств фиксации. В дальнейшем после практической апробации этот перечень можно изменить, а по мере роста доверия общества к полиции поставить вопрос и об отказе от института понятых в уголовном процессе, как это сделано во многих странах»¹.

---

¹ Судьба понятых // Правовой портал «Закония». Официальный сайт. – 2011, 24 ноя. – Режим доступа: <https://www.zakonia.ru/analytics/77/52620> (дата обращения: 30.05.2023).

Проблемы, возникающие при изучении прокурором материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением

Досудебное производство по уголовному делу, являясь, исходя из содержания ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), составной частью уголовного судопроизводства¹, имеет своей главной целью подготовку уголовного дела для рассмотрения его по существу в рамках судебного производства и привлечения лица к установленной законом ответственности.

Деятельность по подготовке уголовных дел для рассмотрения в суде происходит посредством процессуального оформления результатов предварительного следствия и последующих проверки и утверждения их прокурором, которому в досудебном производстве отведена особая роль. Принятие решения по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, является апогеем деятельности прокурора ввиду того, что он осуществляет одновременно как проверку законности, обоснованности и достаточности обвинения, качества проведенного расследования, так и выражает свою позицию, соглашаясь или не соглашаясь со следствием в части предъявленного обвинения и его объема, конечным результатом чего является допуск уголовного дела к правосудию.

Положения ст.ст. 162, 215 УПК РФ закрепляют, что предварительное следствие завершается составлением следователем обвинительного заключения, представляющего собой обобщающий и систематизирующий результаты проведенного расследования процессуальный документ, который содержит сформулированное по делу обвинение, систему и анализ доказательств, определяет пределы судебного разбирательства, а также фиксирует процессуальное решение компетентных органов и должностных лиц о возможности направления уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу².

В соответствии со ст. 221 УПК РФ на прокуроре лежит обязанность по рассмотрению поступившего с уголовным делом обвинительного заключения, производящегося в форме изучения в определенной последовательности материалов дела, и принятию по нему одного из перечисленных в статье решений.

---

¹ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 05.10.2023).

² Гумеров Т. А. Обвинительное заключение: правовая природа, содержание, процессуальные последствия: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 78.

Именно от осведомленности прокурора о ходе и основных результатах проведенного расследования напрямую зависит эффективность осуществления им уголовно-процессуальных функций, ввиду возможности выявления допущенных при производстве расследования нарушений закона, установления наличия или отсутствия оснований для возвращения уголовного дела следователю, а также препятствий для рассмотрения уголовного дела судом.

Представляется, что в процессе изучения материалов уголовного дела прокурор, во-первых, должен проверять соответствие решений, принятых следователем, а также совершенных им процессуальных действий требованиям закона, в чем проявляется функция прокурорского надзора, и, во-вторых, по окончании проверки сформировать собственное мнение о возможности рассмотрения уголовного дела по существу, т. е. оценить судебную перспективу уголовного дела, в чем проявляется функция уголовного преследования¹.

Несмотря на, казалось бы, очевидную обособленность указанного процесса от предшествующей ему деятельности следователя, среди авторов разнится мнение касательно того, к какой стадии досудебного производства относится этап изучения прокурором материалов уголовного дела и последующего утверждения обвинительного заключения: представляет собой самостоятельную стадию или входит в предварительное расследование и является логическим его завершением.

Ряд авторов занимают позицию единства целей и задач деятельности следователя и прокурора, связанной с обвинительным заключением, включая оба этапа в рамки предварительного следствия. О. В. Мичурина, например, обосновывает свое мнение следующим образом: формулируя дефиницию досудебного производства в п. 9 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, закон устанавливает его окончание направлением прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу².

Вместе с тем, существует и иная позиция. Так, анализ ч. 2 ст. 162 УПК РФ, содержащей следующую формулировку: в срок предварительного следствия включается время со дня возбуждения уголовного дела и до дня его направления прокурору с обвинительным заключением, позволяет сделать вывод о возможности вынесения рассматриваемого этапа в качестве самостоятельной стадии. В отличие от приведенного в п. 9 ч. 1 ст. 5 УПК РФ понятия «досудебное производство», включающего в себя временной промежуток до направления прокурором уголовного дела в суд, расследование заканчивается моментом получения его прокурором. Кроме того, название

---

¹ Сычев Д. А. Соотношение функций уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью следователя при утверждении обвинительного заключения прокурором // Криминалистика. 2014. № 1 (14). С. 122.

² Мичурина О. В. Нерешенные проблемы окончания предварительного расследования // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика. 2019. С. 272.

ст. 215 УПК РФ «Окончание предварительного следствия с обвинительным заключением» само по себе говорит о том, что логическим завершением расследования является составление итогового акта и направление его прокурору.

Отрезок времени между получением прокурором уголовного дела и направлением его в суд – установленный законом самостоятельный срок для принятия прокурором решения по уголовному делу — А. А. Резяпов выделяет в качестве критерия выделения этапа принятия прокурором решения по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, в качестве самостоятельной стадии¹. Кроме того, как верно отмечают А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский, этап утверждения обвинительного заключения, ввиду установления для него, помимо упомянутых ранее сроков, собственных задач и итоговых решений, обладает определенной степенью самостоятельности².

Также важным моментом является то, что действия и решения прокурора при утверждении обвинительного заключения направлены не на принятие дела к своему производству и проведение следственных действий, а на проверку уголовного дела, анализ законности решений и действий следователя, соблюдение прав участников уголовного судопроизводства, а также инициирование судебного производства, из чего следует невозможность отнесения деятельности прокурора на данном этапе к предварительному следствию³.

Резюмируя вышесказанное можно утверждать, что наличие самостоятельных целей и задач, сроков, ответственного субъекта, ряда полномочий и принимаемых процессуальных решений позволяет выделить этап принятия решения по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением в качестве самостоятельной, переходной стадии, которая связывает предварительное следствие и судебное производство по делу.

Обладая всеми признаками отдельной стадии производства по делу, рассматриваемый этап должен иметь определенный законодательно закрепленный механизм и порядок производства тех или иных процессуальных действий. Однако, уголовно-процессуальный кодекс закрепляет лишь положение о том, что «прокурор рассматривает поступившее от следователя уголовное дело...и принимает по нему одно из следующих решений...»⁴, без указания на конкретную совокупность мероприятий, которые необходимо совершить.

---

¹ Резяпов А. А. Окончание предварительного расследования с обвинительным заключением (актом, постановлением) и направление уголовного дела в суд: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 174.

² Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 5-е изд., перераб. М.: Норма : ИНФРА-М, 2012. С. 529.

³ Ковалева, Е. А. Проблемы правового регулирования этапа утверждения обвинительного заключения прокурором / Е. А. Ковалева // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 3А. С. 181.

⁴ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 07.10.2023).

Так, если обратить внимание на предоставленный прокурору инструментарий, ограничивающийся мыслительной деятельностью, в основном заключающейся в прочтении, изучении, проверке, оценке, анализе, сопоставлении полученных материалов, можно прийти к выводу о том, что он представляется не соответствующим имеющимся потребностям. Помимо осмысления содержания материалов уголовного дела с обвинительным заключением и последующей реализации полномочий, предусмотренных ст. ст. 88, 221 УПК РФ, прокурор в процессе изучения материалов уголовного дела не обладает правом совершения иных процессуальных действий.

Данное представляется недостаточным, в частности, при анализе прокурором показаний участвующих в деле лиц, заключений эксперта, специалиста и иных доказательств. Так, выявив определенные недостатки в форме и содержании процессуального документа, прокурор, хотя и обладает полномочиями либо по признанию такого доказательства недопустимым, самостоятельно разобраться в их природе не может.

Как справедливо отмечает П. А. Лупинская, недопустимость использования доказательств должна зависеть от того, повлияло ли или могло повлиять допущенное нарушение на достоверность зафиксированных в процессуальных документах данных, а также возможности выяснения в ходе судебного разбирательства причину несоблюдения процессуальной формы¹. Указанное суждение подтвердило свою практическую ценность с появлением Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)», утвердившего правило о признании доказательства недопустимым лишь в случаях существенности нарушений закона при его получении (п. 13)².

Исходя из вышесказанного, при наличии таких недостатков процессуальной формы доказательства, при которых нет оснований полагать, что оно является недостоверным, признание его недопустимым не является целесообразным, особенно в случаях изучения заключений эксперта, которые зачастую могут содержать невосполнимую информацию.

Вместе с тем, действенного механизма подтверждения достоверности доказательства прокурором, например, в случае отсутствия подписи участника следственного действия, действующем УПК РФ не предусмотрено.

С одной стороны, прямого запрета на осуществление звонка или проведение личной беседы, с целью уточнения причин возникновения недостатков, нет. С другой стороны, отсутствует как правовая регламентация

---

¹ Лупинская П. А. Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств // Российская юстиция. М., 1994. №11. С. 4.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.10.2023).

указанного процессуального действия, так и форма его фиксации, т.е. не предусмотрен документ, которым бы данное действие оформлялось.

Проведем аналогию. В рамках осуществления надзора за исполнением законов прокурор, в соответствии со ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре» наделен правом вызывать должностных лиц и граждан для получения объяснений по поводу нарушений законов¹. Полученные объяснения выражаются в письменной форме, а прокурор имеет данное право лишь при наличии признаков нарушения закона². Кроме того, имеется обеспечивающий явку для дачи такого объяснения механизм – установление административной ответственности за умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, в том числе, за неявку лица для дачи объяснений без уважительных причин (ст. 17.7 Кодекса об административных правонарушениях).

По нашему мнению, есть необходимость наделения прокурора правом вызова лиц для дачи объяснения с целью устранения сомнений в достоверности доказательства при изучении им материалов уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, что будет способствовать процессуальной экономии, уменьшению числа возвращений уголовных дел следователю, а также сокращению количества признанных недопустимыми доказательств.

Таким образом, во-первых, появится юридическое основание для производства указанного процессуального действия, во-вторых, закрепление формы и содержания документа, составляемого прокурором по его результатам, позволит приобщать полученные материалы к уголовному делу, и, в-третьих, обеспечение явки лиц возможностью применением мер государственного принуждения, ввиду неисполнения законных требований прокурора, будет способствовать ускорению производства по делу.

Особое внимание в литературе уделяется изучению прокурором поступивших с уголовным делом вещественных доказательств. Анализ положений, приведенных в главе 11 УПК РФ, позволяет сделать вывод о том, что прокурор, наряду с дознавателем, следователем и судом, может быть отнесен к числу субъектов доказывания, т.е. наделен полномочиями, в том числе, по их проверке и оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Несопоставимой, как с данным процессуальным статусом, так и с необходимостью комплексного изучения материалов уголовного дела, является ситуация, при которой практикующие прокуроры отказываются от вскрытия вещественных доказательств и ограничиваются изучением тех доказательств, упаковка которых не исключает визуального контакта.

---

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 24.07.2023) "О прокуратуре Российской Федерации" // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 11.10.2023).

² Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2003 г. № 86-В03-9 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 11.10.2023).

Происходит это ввиду, нерешенности вопроса относительно наличия или отсутствия у них таких правомочий и высокой вероятности признания судом вещественного доказательства недопустимым, в связи с нарушением процедуры его вскрытия и повторной упаковки, что влечет за собой нарушение целостности упаковки доказательства и утраты им доказательственного значения¹.

Приведенная ситуация является последствием отсутствия законодательно выработанного механизма, который закрепил бы основные правила вскрытия и последующей упаковки вещественных доказательств, а также фиксации данного процессуального действия прокурором.

А. А. Хайдаров выражая свое несогласие с позицией прокуроров, отмечает, что он обязан ознакомиться с изъятыми в ходе производства следственных действий вещественными доказательствами, даже если это требует вскрытия упаковки, так как только таким образом возможна их оценка с точки зрения относимости и допустимости². Кроме того, анализ прокурором приложений к протоколам следственных действий, например, видеозаписей, как верно утверждает В.Н. Исаенко, является важнейшим средством оценки законности производства следственных действий и соблюдения прав их участников³.

Наряду со сказанным, ст. 15 УПК РФ закрепляет правило состязательности стороны защиты и стороны обвинения, которая представлена, в том числе, прокурором, предполагающее наделение сторон равными процессуальными правами. Данное означает, что, наделяя обвиняемого и его защитника правом ознакомления с вещественными доказательствами в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ, закон не может содержать в себе запрет на осуществление аналогичной процедуры прокурором. Существует на практике и иное решение: прокурор самостоятельно вскрывает вещественное доказательство, о чем по результатам вскрытия либо составляет справку, либо делает отметку в самом обвинительном заключении.

Уместным будет привести положения п. 7 Правил хранения, учета и передачи вещественных доказательств, на основании которого прокурору предоставлено право запрашивать вещественные доказательства из камеры хранения, в том числе, в процессе осуществления изучения уголовного дела, поступившего с обвинительным документом⁴, что означает допущение возможности получения и ознакомления прокурором с вещественными доказательствами.

---

¹ Хайдаров, А. А. Проверка и оценка вещественных доказательств прокурором по уголовному делу, направленному ему с обвинительным заключением (обвинительным актом) // Законность. 2019. № 3(1013). С. 17.

² Там же.

³ Исаенко, В. Н. Оценка прокурором доказательств в досудебном производстве // Законность. 2014. № 11. С. 35.

⁴ Постановление Правительства РФ от 08.05.2015 N 449 "Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам" (вместе с "Правилами хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам") // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 13.10.2023).

Таким образом, отказ практиков от вскрытия вещественных доказательств при изучении материалов уголовного дела сводится к отсутствию механизма реализации полномочия по проверке прокурором вещественных доказательств в упаковке, исключающей визуальный контакт.

Приведенные доводы позволяют сделать вывод об острой необходимости законодательной регламентации производства рассматриваемого процессуального действия, включающего в себя порядок производства вскрытия, дальнейшей упаковки, возможность привлечения следователя или специалиста, способ фиксации.

Подводя итог отметим, что одной из предпосылок эффективного и оперативного принятия решения по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением является совершенствование уголовно-процессуального законодательства. В частности, установив наличие у рассматриваемого этапа всех признаков самостоятельной стадии, считаем необходимым, во-первых, закрепить механизм изучения вещественных доказательств, который будет подробно регламентировать процесс вскрытия, повторной упаковки доказательств, фиксации указанного процессуального действия, а также возможность привлечения специалистов, и, во-вторых, наделить прокурора правом получения объяснений у участников уголовного судопроизводства, с целью установления причин возникновения недостатков формы процессуальных документов.

Список источников

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 24.07.2023) "О прокуратуре Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс»
3. Постановление Правительства РФ от 08.05.2015 N 449 "Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам" (вместе с "Правилами хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам") // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 6 июня 2003 г. № 86-В03-9. // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

6. Гумеров Т.А. Обвинительное заключение: правовая природа, содержание, процессуальные последствия: монография. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 216 с.

7. Исаенко, В.Н. Оценка прокурором доказательств в досудебном производстве // Законность. – 2014. – № 11. – С. 34—38.

8. Ковалева, Е. А. Проблемы правового регулирования этапа утверждения обвинительного заключения прокурором // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 3А. – С. 180—185.

9. Лупинская П.А. Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств // Российская юстиция. М., 1994. №11. С. 4.

10. Мичурина О.В. Нерешенные проблемы окончания предварительного расследования // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика. – 2019. – С. 268—273.

11. Резяпов А.А. Окончание предварительного расследования с обвинительным заключением (актом, постановлением) и направление уголовного дела в суд: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014. – 259 с.

12. Сычев Д.А. Соотношение функций уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью следователя при утверждении обвинительного заключения прокурором // Криминалистика. – 2014. – № 1 (14). – С. 120—123.

13. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 5-е изд., перераб. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 768 с.

14. Хайдаров, А. А. Проверка и оценка вещественных доказательств прокурором по уголовному делу, направленному ему с обвинительным заключением (обвинительным актом) // Законность. – 2019. – № 3(1013). – С. 17—20.

В.В. Хоранова
Научный руководитель
канд. юрид. наук **Е.В. Баркалова**

Проблемы расследования незаконного сбыта наркотических средств посредством сети интернет

В настоящее время в России стремительно распространяются и развиваются информационные технологии. Однако такая динамика не всегда оказывается положительной. Цифровизация, охватывающая практически все сферы жизни общества, не обошла стороной и преступную деятельность. Наибольший скачок в данном направлении преступность совершила в период пандемии коронавируса (COVID-19), однако темпы совершенствования связей преступности с информационными технологиями не снижают обороты и в текущий период, находя новые способы совершения и сокрытия преступлений.

Так одна из злободневных проблем России и мира в целом – наркомания приобретает все новые и новые масштабы, о чем свидетельствуют статистические данные: «По сравнению с январем-августом 2022 года на 17% возросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.»¹ Не в меньшей мере это связано с тем, что сбыт наркотических средств в настоящее время производится практически полностью бесконтактным путем, что препятствует нормальному расследованию и предупреждению преступлений данной направленности.

Особую опасность представляет высокая вовлеченность детей и подростков в наркопреступность, в связи с возможностью анонимного приобретения наркотических средств через сеть интернет. Так во Всемирном докладе ООН о наркотиках 2022 года указывается: «Употребление наркотиков по-прежнему больше распространено среди молодежи, чем среди взрослого населения, и носит более массовый характер по сравнению с предыдущими поколениями»².

Использование сети Интернет для осуществления незаконного сбыта наркотических средств получило широкое распространение за счет того, что

---

¹ Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за восемь месяцев 2023 года [Электронный ресурс] // URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskie-dannye-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii-za-vos/> (дата обращения: 09.09.2023).

² Всемирный доклад о наркотиках ООН за 2022 год телеканал [Электронный ресурс] // URL: https://www.unodc.org/res/wdr2022/MS/WDR22_Booklet_1_russian.pdf (дата обращения: 12.09.2023).

бесконтактный способ создает необходимые для данной категории преступлений условия, такие как: конфиденциальность участников, способов, преступных схем и механизмов распространения, а также решает ряд криминальных задач, в числе которых: координирование деятельности транснациональных подразделений, реализация схем «отмывания денег» и др.

Исходя из вышесказанного, можно выделить основные проблемы при расследовании незаконного сбыта наркотических средств посредством сети Интернет:

— Конфиденциальность. Одно из главных преимуществ и недостатков Интернета одновременно — это анонимность, которая предоставляется пользователям. Это существенно затрудняет установление круга участников, и их идентификацию. По результатам опроса действующих работников прокуратуры РФ¹ наиболее часто следователи сталкиваются с проблемами в процессе установления лица, совершившего незаконный сбыт наркотических средств в сети Интернет именно из-за использования преступниками различных методов конспирации, систем VPN (изменение текущего IP-адреса). Также значительно осложняет процесс расследования незаконного сбыта наркотических средств использование всевозможных мессенджеров и компьютерных программ, с высокой защитой конфиденциальных данных таких как: «Whatsapp», «Telegram», «Viber», «WICKR», «Discord», «JABBER» и др.

— Использование криптовалюты и электронных платежных систем. Финансовая структура типичного наркосообщества в современных условиях базируется исключительно на цифровых технологиях и принципах анонимности, обеспечиваемых различными торгово-биржевыми виртуальными площадками (например: «LegalRC»; «Hydra onion») с использованием электронных платежных систем «QIWI», «Яндекс. Деньги» и др.² Это позволяет осуществлять транзакции и вывод средств, полученных преступным путем, практически бесследно. Кроме того, бесчисленное количество видов криптовалют и сложность в системе производства транзакций с их помощью, сводит успех проведения оперативно-розыскных мероприятий на нет.

— Сложность технического обеспечения. В редких случаях следователи обладают достаточными познаниями в информационных технологиях, из-за чего возникает необходимость дополнительно обучения сотрудников для работы в данной сфере, либо привлекать лиц, обладающих необходимыми техническими знаниями, что затрудняет процесс расследования, уве-

---

¹ Было проведено анкетирование 54 слушателей факультета переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) университета Прокуратуры Российской Федерации в апреле 2023.

² Современные схемы «бесконтактного» сбыта наркотических средств и психотропных веществ - И. А. Виноградов, В. В. Загайнов, текст научной статьи [Электронный ресурс] // URL: file:///C:/Users/user/Downloads/sovremennye-shemy-beskontaktnogo-sbyta-narkoticheskikh-sredstv-i-psihotropnyh-veschestv.pdf (дата обращения 14.09.2023).

личиваются сроки и затрачиваемые ресурсы. Ко всему прочему, информация в сети Интернет может быть изложена на различных иностранных языках, что также затрудняет работу правоохранительных органов.

Среди огромного количества преступных схем сбыта наркотических средств наибольшее распространение получили те, при которых непосредственная передача товара осуществляется через систему тайников «закладок», а оплата производится через электронные платежные системы. Установить организаторов преступных групп не представляется возможным, а привлечь к уголовной ответственности удастся только так называемых «курьеров» и «закладчиков».

Это обстоятельство подтверждается примерами из судебной практики. Так приговором Ярославского областного суда от 21 марта 2023 года к уголовной ответственности по ч.5 ст. 228.1 УК РФ были привлечены рядовые члены организованной преступной группы, при этом указывается: «Не установленное лицо «организатор и (или) руководитель», в период времени до ДД.ММ.ГГГГ, обладая организаторскими способностями и лидерскими качествами, опытом преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств, а также достаточным уровнем знаний в области маркетинговых систем, созданных и существующих в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть «Интернет»), имея умысел на незаконное обогащение и получение постоянного источника дохода за счёт средств, добытых преступным путём, ..., создало организованную преступную группу, целью существования которой являлось получение постоянной финансовой выгоды от совершения её участниками особо тяжких преступлений, направленных против здоровья населения и общественной нравственности, а именно систематического незаконного производства и последующего незаконного сбыта наркотических средств на территории разных субъектов Российской Федерации»¹.

Описанные выше проблемы свидетельствуют о том, что темпы развития наркопреступности во многом превосходят темпы развития системы правоохранительных органов. Если не вносить своевременные изменения, представленные проблемы с течением времени будут усугубляться. В связи с этим можно предложить некоторые варианты их решения.

Во-первых, существует реальная необходимость в разработке новых технологий и методик расследования незаконного сбыта наркотических средств, учитывающих специфику сети Интернет. Так проблемы идентификации членов преступных групп можно решить путем модернизации технического обеспечения и создания систем мониторинга и обработки данных, позволяющих эффективно пресекать преступную деятельность до момента

---

¹ Приговор Ярославского областного суда от 21 марта 2023 года телеканал [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rM8hj1u2e4dj/?regular-txt> (дата обращения: 16.09.2023).

ее осуществления. При этом важно учитывать права пользователей на защиту личной жизни и конфиденциальной информации.

Во-вторых, изменения необходимы и на законодательном уровне. Необходимо регулирование использования криптовалют и электронных платежных систем, а также ужесточение наказания за незаконный сбыт наркотических средств в Интернете.

В-третьих, часто следователи сталкиваются с крупными преступными объединениями действующими, как на территории нескольких субъектов Российской Федерации, так и между разными странами, для работы с которыми требуется непрерывный обмен информации. Следовательно, целесообразно усилить международное сотрудничество между правоохранительными органами для более эффективной борьбы с незаконным сбытом наркотических средств посредством сети Интернет.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что расследование рассматриваемых преступлений неизбежно становится одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов, требуя разработки современных методов и рекомендаций для успешного выявления, расследования, раскрытия и предупреждения незаконного сбыта наркотических средств. Это обусловливается спецификой работы с информационными технологиями, быстрыми темпами их развития, высокой латентностью в данной сфере.

Список источников

1. Батоев В.Б. Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы и пути совершенствования // Труды Академии управления МВД России: научный журнал. – 2017. – Вып. 2 (42).

2. Сулейманов Э. Р. Проблемы расследования незаконного сбыта наркотиков посредством сети Интернет // StudArctic Forum. 2023. Т. 8, № 2. С. 61—64. // URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/problemy-rassledovaniya-nezakonno-go-sbyta-narkotikov-posredstvom-seti-internet.pdf>.

3. Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации за восемь месяцев 2023 года [Электронный ресурс] // URL: [https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskie-dannye-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii-za-voz/](https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskie-dannye-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii-za-voz-09.09.2023) (дата обращения: 09.09.2023).

4. Всемирный доклад о наркотиках ООН за 2022 год телеканал // URL: https://www.unodc.org/res/wdr2022/MS/WDR22_Booklet_1_russian.pdf (дата обращения: 12.09.2023).

5. Современные схемы «бесконтактного» сбыта наркотических средств и психотропных веществ - И. А. Виноградов, В. В. Загайнов, текст научной статьи // URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/sovremennye-shemy->

beskontaktnogo-sbyta-narkoticheskikh-sredstv-i-psihotropnyh-veschestv.pdf
(дата обращения: 14.09.2023).

6. Приговор Ярославского областного суда от 21 марта 2023 года телеканал // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rM8hj1u2e4dj/?regular-txt> (дата обращения: 16.09.2023).

7. Анкетирование 54 слушателей факультета переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) университета Прокуратуры Российской Федерации в апреле 2023.

Сведения для РИНЦ

АКИМЕНКО Елена Сергеевна , старший преподаватель Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации	AKIMENKO Elena S. , Senior Lecturer at the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation
ПЕРСПЕКТИВА ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРУШЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	THE PROSPECT OF RESTORING VIOLATED CIVIL RIGHTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS
Статья посвящена вопросам, относящимся к перспективе восстановления нарушенных гражданских прав в уголовном процессе. Выявлены и рассмотрены сложности, возникающие при рассмотрении гражданских исков потерпевших. Проанализированы материалы судебной практики, в части рассмотрения гражданского иска в рамках уголовного дела. Сформулированы предложения по внесению изменений в действующее законодательство	The article is devoted to issues related to the prospect of restoring violated rights in criminal proceedings. Identified and considered the difficulties arising in the consideration of civil claims of victims. Analyzed the materials of judicial practice, in terms of considering a civil claim in a criminal case. Proposals were formulated to amend the current legislation.
Ключевые слова: гражданский истец; возмещение вреда, причинённого преступлением; право на предъявление иска	Keywords: civil plaintiff; compensation for harm caused by a crime; right to sue
АРТАМОНОВ Алексей Николаевич , заместитель начальника Главного управления Минюста России по Ростовской области, с 01.12.2022 по 01.03.2023 и.о. начальника Управления Минюста России по Донецкой Республике, кандидат юридических наук	ARTAMONOV Alexey N. , Deputy head Of the main Department of the Ministry of justice of Russia for the Rostov region, from 01.12.2022 to 01.03.2023 acting Head of the Office of the Ministry of Justice of Russia for the Donetsk Republic, candidate of legal Sciences
ЮЩЕНКО Ярослав Николаевич , адвокат, подполковник финансово-экономической полиции (в запасе), соучредитель регионального отделения Ассоциации юристов России в ДНР	YUSHCHENKO Yaroslav N. , Lawyer, lieutenant colonel of the financial and economic police (in reserve), co-founder of the regional branch of the Association of Lawyers of Russia in the DPR
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И УГОЛОВНОЕ ПРАВО В НОВЫХ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ НАЧАЛА МОНИТОРИНГА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ)	CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINAL LAW IN THE NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION (BY THE RESULTS OF THE BEGINNING OF MONITORING THE LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE)
Аннотация: в статье на основе мониторинга реализации законодательства в сфере применения уголовного права и российского уго-	Abstract: based on monitoring the implementation of legislation in the field of application of criminal law and the Russian criminal process in

ловного процесса в новых субъектах Российской Федерации, в частности в Донецкой Народной Республике, обращается внимание на существующие проблемные вопросы, предлагаются пути их преодоления.	the new constituent entities of the Russian Federation, in particular in the Donetsk People's Republic, the article draws attention to the existing problematic issues, suggests ways to overcome them.
Ключевые слова: мониторинг законодательства, уголовное право, уголовный процесс, смертная казнь, юристы Донбасса	Keywords: legislation monitoring, criminal law, criminal process, death penalty, lawyers of Donbass
БРЯНСКАЯ Елена Васильевна , доцент кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент	BRYANSKAYA Elena V. Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
СИЛА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СВЕТЕ ПРИНЦИПА РЕЗУМЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ	THE STRENGTH OF EVIDENCE IN THE LIGHT OF THE PRINCIPLE OF PRESUMPTION OF INNOCENCE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS
В настоящем исследовании представлено понимание силы доказательств в свете соответствия свойствам, которые регламентированы современным законом, но недостаточно полно раскрывают всю сущность доказательств в перспективе оценки судом. В этой связи нами представлено видение силы доказательств в свете взаимосвязи и непротиворечивости, а также в аспекте принципа презумпции невиновности, что подтверждает оценку доказательств не формально, а объективно, подвергая каждое сведение по делу сомнению и соответствие одного другому.	This study presents an understanding of the strength of evidence in the light of compliance with properties that are regulated by modern law, but do not fully reveal the full essence of evidence from the perspective of evaluation by the court. In this regard, we have presented a vision of the strength of evidence in the light of interconnection and consistency, as well as in the aspect of the principle of the presumption of innocence, which confirms the assessment of evidence not formally, but objectively, questioning each piece of information in the case and the consistency of one another.
Ключевые слова: доказательства, сила доказательств, свойства доказательств, взаимосвязь и непротиворечивость совокупности доказательств, презумпция невиновности	Keywords: evidence, strength of evidence, properties of evidence, relationship and consistency of the body of evidence, presumption of innocence
ВАТУТИНА Оксана Юрьевна , старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, адвокат ННО «АК «АЛИБИ»	VATUTINA Oksana Y. , Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics Saint Petersburg State University, lawyer of NGO "AK "ALIBI"
МОДЕЛЬ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ	THE MODEL OF FORENSIC EXAMINATION IN THE CRIMINAL PROCEDURE LAW OF RUSSIA
В настоящей статье исследуется модель судебной экспертизы, реализуемая в уголовно-процессуальном праве России через призму построения идеальной или теоретической модели судебной экспертизы. Идеальная модель судебной экспертизы определяется автором на основе исследования и сравнительного анализа континентальной и англо-американской моделей судебных экспертиз, а также модели судебной экспертизы, реализуемой в современном российском уголовном процессе. В статье выявляется неоднозначность позиции об отнесении англо-американской модели судебной экспертизы к состязательной модели	This article examines the model of forensic examination implemented in the criminal procedure law of Russia through the prism of building an ideal or theoretical model of forensic examination. The ideal model of forensic examination is determined by the author on the basis of research and comparative analysis of the continental and Anglo-American models of forensic examinations, as well as the model of forensic examination implemented in modern Russian criminal proceedings. The article reveals the ambiguity of the position on the attribution of the Anglo-American model of forensic examination to the adversarial model and its actual inconsistency

<p>и её фактическое несоответствие критериям состязательности. Определяются особенности континентальной модели судебной экспертизы. Выявляется специфика модели судебной экспертизы, реализуемой в современном уголовном процессе России. Автор формулирует существенные элементы идеальной модели судебной экспертизы и приводит анализ существующих моделей судебной экспертизы с опорой на наличие или отсутствие её существенных элементов. Автором предлагается определять в качестве состязательной идеальную или теоретическую модель судебной экспертизы, а также делается вывод о стремлении современной российской модели судебной экспертизы к идеальности.</p>	<p>with the criteria of competitiveness. The features of the continental model of forensic examination are determined. The specifics of the forensic examination model implemented in the modern criminal process of Russia are revealed. The author formulates the essential elements of the ideal model of forensic examination and provides an analysis of existing models of forensic examination based on the presence or absence of its essential elements. The author proposes to define an ideal or theoretical model of forensic examination as an adversarial one, and also concludes that the modern Russian model of forensic examination strives for ideality.</p>
<p>Ключевые слова: модель судебной экспертизы, специальные знания, состязательная модель, научные доказательства, эксперт, специалист, доказывание</p>	<p>Keywords: forensic examination model, special knowledge, adversarial model, scientific evidence, expert, specialist, proof</p>
<p>ГАВРИЛОВ Максим Александрович, профессор кафедры основ организации и управления в органах прокуратуры, Казанский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук</p>	<p>GAVRILOV Maxim A., Professor of the Department of Fundamentals of Organization and Management in the Prosecutor's Office, Kazan Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences</p>
<p>О РОЛИ СУДА В ПОВЫШЕНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН</p>	<p>ON THE ROLE OF THE COURT IN IMPROVING THE LEGAL CULTURE OF CITIZENS</p>
<p>В статье рассматриваются вопросы, связанные с формами участия судов в правовом просвещении с целью повышения правовой культуры граждан. Обосновывается необходимость повышения роли судов в этом направлении при рассмотрении уголовных дел по существу.</p>	<p>The article deals with issues related to the forms of participation of courts in legal education in order to improve the right culture of citizens. The necessity of increasing the role of courts in this direction when considering criminal cases on the merits is substantiated</p>
<p>Ключевые слова: правовая культура, правовое просвещение, выездные судебные народные заседатели, присяжные заседатели, официальная страница суда</p>	<p>Keywords: legal culture, legal education, visiting judicial people's assessors, jurors, the official page of the court</p>
<p>ЗАХАРЕНКОВА Вера Вячеславовна, ассистент Кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ</p>	<p>ZAKHARENKOVA Vera V., assistant of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg State University</p>
<p>ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АППАРАТ ПРОКУРОРА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В СРАВНЕНИИ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ</p>	<p>THE FUNCTIONAL APPARATUS OF THE PROSECUTOR IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN COMPARISON WITH THE RUSSIAN FEDERATION</p>
<p>В данной статье рассматривается функциональный аппарат прокурора в уголовной сфере, а также дается сравнительно-правовая характеристика уголовных функций прокурора в РФ и КНР. Автором определяются сходства и различия основных функций прокурора в обеих странах, учитывая, что прокурорская система как в СССР, так и в КНР изначально основывалась на теории надзора за</p>	<p>This article examines the functional apparatus of the prosecutor in the criminal sphere, and also gives a comparative legal description of the criminal functions of the prosecutor in the Russian Federation and the PRC. The author defines the similarities and differences of the main functions of the prosecutor in both countries, given that the prosecutorial system in both the USSR and the PRC was initially</p>

законностью и во многом системы были схожи	based on the theory of supervision of legality and in many ways the systems were similar.
Ключевые слова: прокурор в КНР, прокурор в РФ, функции прокурора, сравнительно-правовое исследование, уголовный процесс, уголовный процесс Китая	Keywords: prosecutor in the People's Republic of China, prosecutor in the Russian Federation, functions of the prosecutor, comparative legal research, criminal proceedings, criminal proceedings of China
ИБРАГИМОВА Алиса Мансуровна , старший преподаватель кафедры основ организации и управления в органах прокуратуры Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	IBRAGIMOVA Alisa M. , Senior Lecturer of the Department of Fundamentals of Organization and Management in the Prosecutor's Office of the Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Russian Federation
К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ ПРАВА ОБЖАЛОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	ON THE ISSUE OF THE SUBJECTS OF THE RIGHT OF APPEAL IN CRIMINAL PROCEEDINGS
В статье анализируется право подачи жалобы в уголовном судопроизводстве с точки зрения его носителей и основных свойств прав и законных интересов, которые защищаются подачей жалоб. Автором сформулировано понятие субъектов права подачи жалобы в уголовно-процессуальном праве, предложена их классификация.	The article analyzes the right to file a complaint in criminal proceedings from the point of view of its bearers and the basic properties of rights and legitimate interests that are protected by filing complaints. The author formulated the concept of subjects of the right to file a complaint in criminal procedure law, and proposed their classification.
Ключевые слова: жалоба в уголовно-процессуальном праве; право обжалования в уголовном судопроизводстве; обжалование; подача жалобы в уголовном судопроизводстве	Keywords: complaint in criminal procedure law; right of appeal in criminal proceedings; appeal; filing a complaint in criminal proceedings
КАРНЮХИНА Алина Валерьевна , студентка 4 курса Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)	KARNYUKHINA Alina V. , 4th year student of the Kaluga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)
Научный руководитель МАТОРИНА Юлия Николаевна , к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)	Scientific supervisor MATORINA Yulia N. , Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Kaluga Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЖАЛОБ, ПОДАННЫХ В ПОРЯДКЕ СТ. 125 УПК РФ	CURRENT PROBLEMS ARISING WHEN CONSIDERING COMPLAINTS FILED IN ACCORDANCE WITH ARTICLE 125 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION
В данной статье исследуются тенденции функционирования последующего судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ является наиболее востребованной формой судебного контроля в ходе досудебного производства. На основе проведенного исследования предлагается комплекс изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.	This article examines the trends in the functioning of posttrial judicial control in criminal proceedings. Consideration of complaints in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is the most demanded form of judicial control during pretrial proceedings. Based on the conducted research, a set of amendments to the current criminal procedure legislation is proposed.

Ключевые слова: уголовное судопроизводства, судебный надзор, досудебное производство, жалоба, пределы доказывания	Keywords: criminal proceedings, judicial supervision, pretrial proceedings, complaint, limits of proof
КОРЯГИН Юрий Геннадьевич , помощник прокурора г. Новороссийска Краснодарского края	KORYAGIN Yuriy G. , assistant prosecutor of the city Novorossiysk
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ И РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСА ОБ ЭКСТРАДИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE CHOICE OF PREVENTIVE MEASURES WHEN CONSIDERING AND RESOLVING THE ISSUE OF EXTRADITION IN THE RUSSIAN FEDERATION
В настоящей публикации рассматривается вопрос о содержании наиболее распространенной формы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: экстрадиции. Автором исследуются вопросы, связанные с реализацией процедур экстрадиции в соответствии с действующим национальным законодательством	This publication examines the content of the most common form of international cooperation in the field of criminal proceedings: extradition. The author examines issues related to the implementation of extradition procedures in accordance with current national legislation
Ключевые слова: экстрадиция, международное сотрудничество, органы прокуратуры, принцип взаимности, уголовное судопроизводство	Keywords: extradition, international cooperation, prosecutors, principle of reciprocity, criminal proceedings
КУЛЬПИН Алексей Андреевич , студент 5 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	KULPIN Alexey A. , 5-th year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВЫДАЧИ ЛИЦА ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ (ЭКСТРАДИЦИИ) ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПУБЛИЧНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТ. 207.3 УК РФ	ON SOME PROBLEMS OF EXTRACTION OF A PERSON FOR CRIMINAL PROSECUTION (EXTRADITION) DURING INVESTIGATION OF PUBLIC DISSEMINATION OF KNOWNLY FALSE INFORMATION PROVIDED BY ART. 207.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
Статья посвящена исследованию выдачи лица для уголовного преследования (экстрадиции) в контексте уголовных дел, возбужденных по ст. 207.3 УК РФ. Особое внимание уделяется комплексному исследованию проблемных вопросов реализации института экстрадиции в период проведения СВО на территории Украины, акцентируя внимание на международно-правовых аспектах и практике его применения.	The article is devoted to the study of extradition of a person for criminal prosecution (extradition) in the context of criminal cases initiated under Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to a comprehensive study of the problematic issues of the implementation of the institution of extradition during the period of the SVO on the territory of Ukraine, focusing on international legal aspects and the practice of its application.
Ключевые слова: Интерпол, международное сотрудничество, уголовный процесс, экстрадиция, заведомо ложная информация, публичное распространение	Keywords: Interpol, international cooperation, criminal process, extradition, deliberately false information, public dissemination
КУНИЦИН Сергей Николаевич , заместитель Воронежского прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях	KUNIT SIN Sergey N. , Deputy Prosecutor of Supervision over Correctional Facilities of Voronezh Region
УЧРЕЖДЕНИЯ ФСИН РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА	CORRECTIONAL FACILITIES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE

<p>ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ</p>	<p>OF RUSSIA AS AN OBJECT OF PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER COMPLIANCE WITH THE REQUIREMENTS OF THE LAW IN THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS</p>
<p>В представленной статье проанализированы положения действующего законодательства, регламентирующего наделение учреждений ФСИН России уголовно-процессуальными полномочиями в досудебном производстве. На основании результатов анализа определены объекты прокурорского надзора за соблюдением требований закона при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности в уголовно-исполнительной системе России</p>	<p>The article analyzes the provisions of the current legislation regulating the granting of criminal procedural powers to institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in pre-trial proceedings. Based on the results of the analysis, the objects of prosecutorial supervision over compliance with the requirements of the law in the implementation of criminal procedural activities in the penal enforcement system of Russia have been identified</p>
<p>Ключевые слова: объект прокурорского надзора, учреждения ФСИН России, уголовно-процессуальная деятельность</p>	<p>Keywords: object of prosecutor's supervision, institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, criminal procedural activity</p>
<p>МИТЕЛЬСКАЯ Дарья Дмитриевна, помощник прокурора Новоильинского района г. Новокузнецка, прокуратура Кемеровской области- Кузбасса, аспирант</p>	<p>MITELSKAYA Darya D., assistant prosecutor of the Novoilinsky district, g. Novokuznetsk, prosecutor's office of Kemerovo region- Kuzbass, graduate student</p>
<p>РОЛЬ ПРОКУРОРА ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА ОБ ЭКСТРАДИЦИИ</p>	<p>THE ROLE OF THE PROSECUTOR IN THE DECISION OF THE EXTRADITION QUESTION</p>
<p>Статья посвящена проблемам правового регулирования уголовно-процессуального производства по экстрадиции, роли прокуратуры Российской Федерации в этом производстве.</p>	<p>The article is devoted to the problems of legal regulation of the extradition criminal proceedings, the role of the prosecutor's office of the Russian Federation in this proceeding</p>
<p>Ключевые слова: экстрадиция, прокуратура Российской Федерации</p>	<p>Keywords: extradition, prosecutor's office of the Russian Federation</p>
<p>НАГАЕВ-КОЧКИН Юрий Вадимович, аспирант кафедры криминалистики, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: kochkin821@yandex.ru 8 950 318 78 26</p>	<p>NAGAEV-KOCHKIN Yuri V., postgraduate student of the Department of Criminalistics, Forensic Expert and Operational Investigative Activities of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, e-mail: kochkin821@yandex.ru</p>
<p>ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ ПРЕДЕЛЬНЫХ СРОКОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ, ПРИМЕНИТЕЛЬНО К УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ</p>	<p>CHANGES IN LEGISLATION REGARDING THE DEADLINES FOR CRIMINAL PROSECUTION, IN RELATION TO CRIMINAL CASES OF TAX CRIMES</p>
<p>В статье исследуется вновь введенные в уголовно-процессуальный закон положения о временных пределах расследования при истечении срока давности уголовного преследования, о запрете избрания меры пресечения и задержания подозреваемых в таких случаях, в</p>	<p>The article examines the provisions newly introduced into the Criminal Procedure Law on the time limits of investigation when the statute of limitations of criminal prosecution expires, on the prohibition of the election of a preventive measure and the detention of suspects in such cases, including in relation to the practice of in-</p>

<p>том числе применительно к практике расследования преступного уклонения от уплаты налогов с организаций.</p> <p>Обоснован вывод о недостаточности уголовно-процессуальной регламентации процедуры прекращения уголовного преследования и производства по делу, а также момента начала течения вновь введенных в закон сроков. На основании анализа и толкования решений Конституционного Суда Российской Федерации предложены пути решения возникающих в правоприменении вопросов.</p>	<p>investigating criminal tax evasion from organizations. The conclusion about the insufficiency of the criminal procedural regulation of the procedure for the termination of criminal prosecution and proceedings in the case, as well as the moment of the beginning of the flow of the terms newly introduced into the law, is substantiated. Based on the analysis and interpretation of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the ways of solving the issues arising in law enforcement are proposed.</p>
<p>Ключевые слова: уголовный процесс, следователь, расследование, срок давности, налоговые преступления, уклонение от уплаты налогов</p>	<p>Keywords: criminal proceedings, investigator, investigation, statute of limitations, tax crimes, tax evasion</p>
<p>НАЗЫРОВА Наталья Александровна, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук</p>	<p>NAZYROVA Natalia A., Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences</p>
<p>ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ ПОТЕРПЕВШЕГО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С ИСТЕКШИМ СРОКОМ ДАВНОСТИ</p>	<p>PROBLEMS OF COMPLIANCE WITH LEGAL GUARANTEES A VICTIM IN CRIMINAL CASES WITH AN EXPIRED STATUTE OF LIMITATIONS</p>
<p>Доступ потерпевшего к правосудию и компенсацию ему причиненного преступлением вреда государство обеспечивает посредством механизмов уголовно-процессуального и гражданско-правового регулирования. Окончание предварительного расследования принятием решения о прекращении уголовного дела влечет за собой в большинстве случаев необходимость отстаивания потерпевшим своих прав в гражданском судопроизводстве. Эффективность их реализации во многом зависит от собранных доказательств в рамках осуществленного уголовного преследования, однако доказывание по уголовному делу фактически прекращается при наступлении сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Автором усматривается несовершенство норм действующего уголовно-процессуального законодательства, вызывающее сложности в получении потерпевшими компенсации причиненного вреда по уголовным делам с истекшими сроками давности</p>	<p>The victim's access to justice and compensation for the harm caused by the crime is provided by the state through the mechanisms of criminal procedural and civil law regulation. The end of the preliminary investigation by making a decision on the termination of the criminal case entails, in most cases, the necessity for the victims to defend their rights in civil proceedings. The effectiveness of their implementation largely depends on the evidence collected within the framework of the criminal investigation carried out, however, proving in a criminal case actually stops when the statute of limitations for criminal prosecution comes. The author sees the imperfection of the norms of the current criminal procedure legislation, which causes difficulties in obtaining compensation for the damage caused by victims in criminal cases with expired statute of limitations.</p>
<p>Ключевые слова: возмещение причиненного ущерба, сроки давности уголовного преследования, прекращение уголовного дела, реабилитирующие и нереабилитирующие основания</p>	<p>Keywords: compensation for damage caused, statute of limitations of criminal prosecution, termination of a criminal case, rehabilitating and non-rehabilitating grounds</p>
<p>НИКОЛАЕВА Татьяна Геннадьевна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета</p>	<p>NIKOLAEVA Tatyana G., doctor of Law, Professor, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office</p>

прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор	of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	PROBLEMS OF CRIMINAL PROCEDURE POLICY AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN CRIMINAL PROCEDURE LAW
В данной статье автор рассматривает различные уровни (доктринальный, законодательный и правоприменительный) уголовно-процессуальной политики в нашей стране в современный период, иллюстрируя их примерами из правоприменительной практики и приходя к выводу о необходимости совершенствовании современного отечественного уголовного процесса в рамках проведения реформы уголовной политики	In this article, the author examines the various levels (doctrinal, legislative and law enforcement) of criminal procedural policy in our country in the modern period, illustrating them with examples from law enforcement practice and coming to the conclusion about the need to improve the modern domestic criminal process as part of the reform of criminal policy
Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, уголовная политика, правоприменение, уголовно-процессуальное законодательство	Keywords: criminal process, criminal proceedings, criminal policy, law enforcement, criminal procedure legislation
ОНУЧИНА Софья Леонидовна , студентка 5 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	ONUCHINA Sophia L. , 5th year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ПОРУЧЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ ОРГАНУ ДОЗНАНИЯ КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	INVESTIGATOR'S ASSIGNMENT TO THE INVESTIGATION AUTHORITY AS ONE OF THE MOST IMPORTANT TYPES OF PROCEDURAL INTERACTION
В статье анализируется поручение следователя органу дознания в рамках п. 4 ч. 2 ст. 152 УПК РФ. Поручение следователя выступает одной из ключевых процессуальных форм взаимодействия с органом дознания. Автором поднят вопрос содержания, срока исполнения такого поручения, объем поручаемых следственных действий.	The article analyzes the order of the investigator to the body of preliminary knowledge within the framework of clause 4 of part 2 of Art. 152 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The investigator's order is one of the key procedural forms of interaction with the body of inquiry. The author raises the issue of the content, the period of execution of such an order, and the scope of the investigative actions assigned.
Ключевые слова: уголовный процесс, поручение следователя органу дознания, следственные действия	Keywords: criminal process, order of the investigator to the body of inquiry, investigative actions
ПАВЛОВ Александр Андреевич , студент 4 курса 4 группы юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета	PAVLOV Alexander A. , 4rd year student of the Faculty of Law of St. Petersburg State University
ПРОБЛЕМЫ РОСПУСКА КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ВВИДУ ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ В ТЕОРИИ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ	THE PROBLEMS OF THE DISSOLUTION OF THE BOARD OF JURERS DUE TO TENDENTIOUSNESS IN THEORY AND JUDICIAL PRACTICE
В статье автор пытается выделить основные предпосылки крайне нераспространенной практики применения ст. 330 УПК РФ. Рассматриваются основные правоприменительные проблемы исследуемого процессуального института. Предложены пути по совершенствованию практики применения нормы о тенденциозности коллегии присяжных.	In the article, the author tries to highlight the main prerequisites for the extremely uncommon practice of applying Art. 330 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Considers the main law enforcement problems of the procedural institute under study. Ways are proposed to improve the application of the rule on the bias of the jury.

Ключевые слова: Тенденциозность, присяжные, предубеждение, роспуск коллегии присяжных, гендерная однородность	Keywords: tendentiousness, jurors, prejudice, jury dissolution, gender homogeneity
ПОПОВ Александр Игоревич , прокурор отдела по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Мурманской области	POPOV Aleksandr I. , prosecutor of the Department for Supervision of Criminal Procedure and operational investigative activities of the Prosecutor's Office of the Murmansk region
О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ	ABOUT SOME ISSUES WHEN INVESTIGATING THEFTS REMOTELY
В статье рассматриваются проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. Анализируется динамика совершаемых дистанционных хищений, сведения о результативности органов предварительного расследования, а также законодательство зарубежных стран (СНГ). Автор приходит к выводу о том, что при расследовании преступлений, указанной категории возникает ряд проблем, для предотвращения которых необходимо внесение изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство	The article discusses the problems of solving and investigating crimes committed using information technologies. The dynamics of remote thefts, information about the effectiveness of preliminary investigation bodies, as well as the legislation of foreign countries (CIS) are analyzed. The author comes to the conclusion that when investigating crimes of this category, a number of problems arise, to prevent which it is necessary to make changes to the current criminal procedural legislation
Ключевые слова: дистанционное хищение, киберпреступления, информационные технологии	Keywords: remote theft, cybercrime, information technology
ПРОХОРОВ Александр Борисович , адвокат, «Невская Коллегия адвокатов» (Санкт-Петербург)	PROKHOROV Aleksandr B. , lawyer of Nevskaya kollegiya advokatov (St. Petersburg)
СУД С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ЗА И ПРОТИВ	TRIAL BY JURY: PROS AND CONS
Публикация посвящена преимуществам и недостаткам суда с участием присяжных заседателей. Высказана идея сохранения суда присяжных. Также указано, что законодательное изменение перечня соответствующих преступлений должно быть возможно только после тщательного научного изучения. Обращено внимание на отдельные аспекты совершенствования закона	The publication is devoted to the advantages and disadvantages of a trial with the participation of jurors. The idea of preserving the jury trial is expressed. It is also indicated that legislative changes to the list of relevant crimes should be possible only after a thorough scientific study. Attention is drawn to certain aspects of improving the law.
Ключевые слова. Суд с участием присяжных заседателей, присяжные заседатели, давление на присяжных заседателей	Keywords. Trial by jury, jurors, pressure on jurors
ПУШТОРСКАЯ Екатерина Владимировна , заместитель начальника Межрайонной инспекции ФНС России № 11 по Ленинградской области	PUSHTORSKAIA Ekaterina V. , Deputy Head of the Interdistrict Inspection of the Federal Tax Service of Russia No. 11 in the Leningrad Region
ВНЕДРЕНИЕ ЕНС И УГОЛОВНОЕ ПРЕДЕЛОВАННИЕ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ – ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	INTRODUCTION OF THE SINGLE TAX ACCOUNT AND CRIMINAL PROSECUTION FOR TAX CRIMES – PROBLEMS AND POSSIBLE SOLUTIONS

<p>В статье рассматриваются проблемы, возникшие в связи с внедрением института единого налогового счета в сфере уголовного судопроизводства по делам о налоговых преступлениях. На основании анализа нормативных документов сделан вывод о существующей возможности для налогоплательщиков избежать уголовного преследования, а также о возникновении препятствий для прекращения уголовного дела и для определения суммы ущерба при предъявлении гражданского иска. Внесены предложения о совершенствовании нормативной базы и разработке формализованного документа для представления в правоохранительные и судебные органы.</p>	<p>The article discusses the problems that have arisen in connection with the introduction of the institute of a single tax account in the field of criminal proceedings in cases of tax crimes. Based on the analysis of regulatory documents, it is concluded that there is an opportunity for taxpayers to avoid criminal prosecution, as well as obstacles to the termination of a criminal case and to determine the amount of damage when filing a civil claim. Proposals have been made to improve the regulatory framework and develop a formalized document for submission to law enforcement and judicial authorities.</p>
<p>Ключевые слова: единый налоговый счет, налоговые органы, налоговые преступления, налоговая проверка</p>	<p>Keywords: unified tax account, tax authorities, tax crimes, tax audit</p>
<p>РАТЬКОВ Александр Николаевич, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент</p>	<p>RATKOV Alexander N., PhD in Law, Associate Professor Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)</p>
<p>ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ</p>	<p>A SPECIALIST'S CONCLUSION AS A SOURCE OF EVIDENCE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS</p>
<p>Автором обосновывается вывод о том, что включением заключения специалиста в систему источников доказательств законодатель продолжил размывание основ доказательственного права. Заключение специалиста не отвечает тем свойствам, которые должны быть присущи доказательствам. Способ формирования вывода специалиста не гарантирует его достоверность и может использоваться только как ориентирующая информация.</p>	<p>The author substantiates the conclusion that by including the expert's opinion in the system of sources of evidence, the legislator continued to erode the foundations of the law of evidence. The conclusion of a specialist does not meet the properties that should be inherent in the evidence. The method of forming the conclusion of a specialist does not guarantee its reliability and can only be used as orienting information.</p>
<p>Ключевые слова: доказательства, свойства доказательств, заключение специалиста, заключение эксперта, способ формирования суждения</p>	<p>Keywords: evidence, properties of evidence, expert's opinion, expert's opinion, method of judgment formation</p>
<p>РОХИНА Вероника Витальевна, студентка 5 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации</p>	<p>ROKHINA Veronika V., 5th year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p>
<p>О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ ПОГЛОЩЕНИЙ</p>	<p>ABOUT SOME FEATURES OF THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION OF UNFRIENDLY ACQUISITIONS</p>
<p>В данной статье рассматриваются некоторые аспекты расследования на начальном этапе уголовных дел в сфере недружественных поглощений юридических лиц на примере обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ. Автор выдвигает</p>	<p>This article discusses some aspects of the investigation at the initial stage of criminal cases in the field of unfriendly acquisitions of legal entities on the example of limited liability companies and joint stock companies. The author</p>

следственные версии и типовые задачи расследования данной категории дел.	puts forward investigative versions and typical tasks of investigating this category of cases.
Ключевые слова: недружественные поглощения, первоначальный этап расследования, типовые задачи	Keywords: unfriendly takeovers, initial stage of investigation, typical tasks
САРАПКИН Владимир Александрович , студент 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	SARAPKIN Vladimir A. , 4th year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ИНСТИТУТ ПОНЯТЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: УБРАТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ	THE INSTITUTE OF WITNESSES IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: IT IS IMPOSSIBLE TO REMOVE
В статье рассматривается вопрос целесообразности привлечения понятых при производстве отдельных процессуальных действий. Автором проанализированы мнения ученых процессуалистов и практических деятелей касательно данного вопроса, изучены различные факты, свидетельствующие о несовершенстве действующей практики участия понятых в уголовном судопроизводстве. В заключении автор на основании изученных точек зрения приходит к собственному выводу.	The article deals with the question of the expediency of involving attesting witnesses in the production of certain procedural actions. The author analyzed the opinions of procedural scientists and practitioners regarding this issue, studied various facts that testify to the imperfection of the current practice of participation of attesting witnesses in criminal proceedings. In conclusion, the author, based on the points of view studied, comes to his own conclusion.
Ключевые слова: понятой, УПК, следователь, суд, уголовное судопроизводство	Keywords: witness, Code of Criminal Procedure, investigator, court, criminal proceedings
СВАТКОВСКАЯ Полина Романовна , студентка 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	SVATKOSVSKAYA Polina R. , 4th year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОКУРОРОМ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА, ПОСТУПИВШЕГО С ОБВИНИТЕЛЬНЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ	PROBLEMS THAT ARISE IN PROGRESS OF PROSECUTOR'S STUDYING THE MATERIALS OF A CRIMINAL CASE RECEIVED WITH THE INDICTMENT
Статья посвящена проблемам, которые возникают в процессе изучения прокурором материалов уголовного дела, поступившего ему с обвинительным заключением. Автор анализирует сущность данного этапа, обуславливающую специфику деятельности прокурора. В статье формулируются возможные пути решения возникающих проблем, направленные на повышение эффективности указанной деятельности.	The article is devoted to the problems that arise in the process of a prosecutor's studying the materials of a criminal case that he received with an indictment. The author analyzes the essence of this stage, which determines the specifics of the prosecutor's activity. The article formulates possible solutions to emerging problems aimed at improving the efficiency of this activity.
Ключевые слова: прокурор, полномочия прокурора, уголовное дело, изучение уголовного дела, обвинительное заключение	Keywords: the prosecutor, the powers of the prosecutor, criminal case, investigation of criminal case, indictment
СЕМЕНОВА Ирина Владимировна , Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, подполковник юстиции	SEMENOVA Irina V. Candidate of Legal Sciences St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation

К ВОПРОСУ О ВЗЫСКАНИИ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПРИ ВЫНЕСЕНИИ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ В КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	ON THE ISSUE OF RECOVERY OF PROPERTY DAMAGE WHEN MAKING AN ACQUITTAL IN CASSATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS
Судебная система, следственные органы и органы дознания должны выступать единым механизмом, осуществляющим защиту личности, общества и государства, путем снижения уровня преступности, контроля ее деятельности и минимизация и (или) ликвидация нанесенного ею ущерба. Преступление, связанное с причинением ущерба собственности, совершается, когда лицо намеренно наносит ущерб собственности другого лица без разрешения другого лица. Рассмотрение в рамках уголовного судопроизводства гражданский иск позволяет своевременно осуществить восстановление нарушенных противозаконным деянием прав потерпевшего, упрощает порядок компенсации имущественного ущерба.	The judicial system, investigative bodies and bodies of inquiry should act as a single mechanism that protects the individual, society and the state by reducing the level of crime, controlling its activities and minimizing and (or) eliminating the damage caused by it. A crime involving damage to property is committed when a person intentionally damages the property of another person without the permission of another person. Consideration of a civil claim in the framework of criminal proceedings allows timely restoration of the rights of the victim violated by an illegal act, simplifies the procedure for compensation of property damage.
Ключевые слова: уголовное судопроизводство, гражданский иск, имущественный ущерб, компенсация, кассационная инстанция, потерпевший, осужденный, обжалование	Key words: criminal proceedings, civil suit, property damage, compensation, cassation instance, victim, convict, appeal
СЕРОВА Валентина Евгеньевна , старший прокурор отдела по надзору за процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью органов внутренних дел и таможни Северо-Западной транспортной прокуратуры	SEROVA Valentina E. , senior Prosecutor of the Department for Supervision of Procedural and Operational investigative Activities of Internal Affairs and Customs North-Western Transport Prosecutor's Office
СЕРОВА Елена Борисовна , заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	SEROVA Elena B. , head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor
ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ	GROUND AND PROCEDURE FOR CONCLUDING A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT
В статье рассматриваются актуальные вопросы применения в уголовном производстве института досудебного соглашения. Отмечается необходимость реформирования правовых норм, закрепляющих данный институт. Обращается внимание на необходимость усиления роли прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве	The article discusses the topical issues of the application of the institute of pre-trial agreement in criminal proceedings. It is noted that there is a need to reform the legal norms that consolidate this institution. Attention is drawn to the need to strengthen the role of the prosecutor in concluding a pre-trial cooperation agreement
Ключевые слова: прокурор, досудебное соглашение о сотрудничестве, досудебное производство	Keywords: prosecutor, pre-trial cooperation agreement, pre-trial proceedings
СМАГИН Евгений Евгеньевич , заместитель начальника управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Ленинградской области	SMAGIN Evgeniy E. Deputy Head of the Department for Supervision of Criminal Procedure and Operational Investigation Activities of the Prosecutor's Office of the Leningrad Region

<p>ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, РАССМАТРИВАЕМЫМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ</p>	<p>FEATURES OF USING THE RESULTS OF OPERATIVE INVESTIGATION ACTIVITIES AS EVIDENCE IN CRIMINAL CASES TRIED WITH THE PARTICIPATION OF JURIES</p>
<p>Статья посвящена вопросам возможности использования в качестве доказательств по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности, вопросам соблюдения закона при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также вопросам реституции доказательств в ходе судебного разбирательства. В статье проанализирована судебная практика исследования в присутствии присяжных заседателей результатов оперативно-розыскной деятельности, сформулированы проблемные моменты разграничения «вопросов права» и «вопросов факта» по делам, рассматриваемым с участием коллегии присяжных заседателей.</p>	<p>The article is devoted to the issues of the possibility of using the results of operational investigative activities as evidence in criminal cases, issues of compliance with the law during operational investigative activities, as well as issues of restitution of evidence during legal proceedings. The article analyzes the judicial practice of studying the results of operational investigative activities in the presence of jurors, and formulates the problematic aspects of distinguishing between “issues of law” and “questions of fact” in cases considered with the participation of a jury.</p>
<p>Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, суд присяжных, доказательства, доказывание, допустимость доказательств</p>	<p>Keywords: operational investigation activity, jury trial, evidence, proof, admissibility of evidence</p>
<p>СПЕСИВОВ Никита Владимирович, директор Института прокуратуры ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», к.ю.н., доцент</p>	<p>SPESIVOV Nikita V., Director of the Institute of the Prosecutor's Office of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", candidate of law science, Associate Professor</p>
<p>ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ОПТИМИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ</p>	<p>INFLUENCE OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON OPTIMIZATION OF THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS</p>
<p>В статье рассматривается вопрос цифровизации органов прокуратуры и ее влияния на оптимизацию деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, в частности в досудебном производстве по уголовным делам. Автор проанализированы преимущества и недостатки функционирования системы «Надзор-WEB» и возможности внедрения электронного документооборота в рамках надзорной деятельности прокурора в уголовном процессе, приводятся рекомендации по внесению изменений в действующий УПК РФ по рассматриваемым в статье вопросам. Автором делается вывод, что цифровизация органов прокуратуры, в частности деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве имеет своей целью формирования среды доверия к органам прокуратуры и всей уголовно-процессуальной системе. Также она позволит повысить качество и эффективность прокурорской деятельности и служит обеспечению реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства, процес-</p>	<p>The article examines the issue of digitalization of the prosecutor's office and its impact on optimizing the activities of the prosecutor in criminal proceedings, in particular in pre-trial proceedings in criminal cases. The author analyzes the advantages and disadvantages of the functioning of the «Nadzor-WEB» system and the possibility of introducing electronic document management within the framework of the supervisory activities of the prosecutor in criminal proceedings, and provides recommendations for amending the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the issues discussed in the article. The author concludes that the digitalization of the prosecutor's office, in particular the activities of the prosecutor in criminal proceedings, is aimed at creating an environment of trust in the prosecutor's office and the entire criminal procedure system. It will also improve the quality and efficiency of prosecutorial activities and serve ensuring the implementation of the principle of a reasonable time in criminal proceedings, procedural economy, allows saving the labor resources of prosecutors and state civil servants.</p>

суальной экономии, позволяет экономить трудовой ресурс прокурорских работников и государственных гражданских служащих.	
Ключевые слова: цифровизация органов прокуратуры, электронный документооборот, «Надзор-WEB», высокотехнологичный прокурорский надзор, доступ к правосудию	Keywords: digitalization of prosecutorial authorities, electronic document management, «Nadzor-WEB», high-tech prosecutorial supervision, access to justice
УГЛЕВ Олег Николаевич , юрист, независимый специалист-эксперт	UGLEV Oleg N. , lawyer, independent expert
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ПРОВЕРКИ И ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ, БЕЛОРУССИИ И КАЗАХСТАНА	COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF CERTAIN ASPECTS OF VERIFICATION AND EVALUATION OF EVIDENCE UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF RUSSIA, BELARUS AND KAZAKHSTAN
На основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства России, Белоруссии и Казахстана, посвященного проверке и оценке доказательств, автор обосновывает точку зрения о необходимости внесения изменения в статью УПК России о проверке доказательств, в части ее дополнения отдельными способами – анализом и синтезом. Также на основе сравнения автор указывает на необоснованное включение в уголовно-процессуальное законодательство отдельных стран СНГ результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве самостоятельного вида доказательств.	Based on the analysis of the norms of the criminal procedure legislation of Russia, Belarus and Kazakhstan, devoted to the verification and evaluation of evidence, the author substantiates the point of view on the need to amend the article of the Criminal Procedure Code of Russia on the verification of evidence, in terms of its addition in separate ways – analysis and synthesis. Also, based on the comparison, the author points to the unjustified inclusion in the criminal procedure legislation of certain CIS countries of the results of operational investigative activities as an independent type of evidence.
Ключевые слова: доказательства и доказывание, результаты оперативно-разыскной деятельности	Keywords: evidence and proof, the results of operational investigative activities
ХОРАНОВА Виктория Вадимовна — студент 5 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	KHORANOVA Victoria V. — 5st year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Научный руководитель БАРКАЛОВА Елена Владимировна , доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук	Scientific adviser BARKALOVA Elena V. , Docent at the Department of Criminal Procedure and Forensic Science of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law)
ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ	PROBLEMS OF INVESTIGATION OF ILLEGAL SALE OF NARCOTIC DRUGS VIA THE INTERNET
Исследование посвящено специфике расследования незаконного сбыта наркотических средств посредством сети Интернет и возникающим в ходе него проблемам. Автором предлагаются возможные способы решения проблемных вопросов.	The article is devoted to the specifics of the investigation of the illegal sale of drugs via the Internet and the problems arising during it. The author suggests possible ways to solve problematic issues.
Ключевые слова: сеть Интернет, проблемы, наркотические средства, незаконный оборот, информационные технологии	Keywords: the Internet, problems, narcotic drugs, illicit trafficking, information technology

Научное издание

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС:
ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ**

II Всероссийская научно-практическая конференция
Санкт-Петербург, 22 сентября 2023 года

МАТЕРИАЛЫ

Компьютерная правка и верстка *Ж. Т. Дерюжкиной*

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: gio-procuror@yandex.ru тел.: 272-27-59

Подписано к использованию 19.03.2024.

Печ. л. 23,37. Тираж 9 экз. Заказ 4/24.

1 электрон. опт. диск (CD-R). 2,17 Мб.